

Мухтар
Магауин

АЗБУКА

КАЗАХСКОЙ
ИСТОРИИ

Мухтар МАГАУИН

**АЗБУКА
КАЗАХСКОЙ
ИСТОРИИ**

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

АЛМАТЫ «ҚАЗАҚСТАН» 1997

ББК 83.3 (5 кав)
М 12

Редактор *Тайжанова Р. Е.*

Перевел с казахского *Тулесгуллы Госман*

Магауин М.

М 12 **Азбука кызыкской истории: Докум. повествование.** – Алматы: Қазақстан, 1997. – 224 с.

Научно-популярная познавательная книга М. Магауина посвящена истории самостоятельного казахского государства нашего народа – Казахской Орды, образованной Казахской Орды, перешедшей исторически продолжением Золотой Орды, Ая-Орды, Тана-Орды, пути ее сложного становления и развития владимирцев и современных казахов, в свете мирового мироздания. Такой частью истории Казахстана, которая до этого неизвестно представлялась казахским ученым, дана совершенно новая концептуальная оценка.

Книга адресована широкому кругу читателей, в том числе учащимся средних и высших учебных заведений.

ББК 83.3 (5 кав)

М $\frac{0503020905-14}{401(06) 97}$ 7.98

ISBN 5-845-01808-8

© МАГАУИН М, 1997

САЛЯМ И ПОКЛОН, ЧИТАТЕЛИ!

Написать наиболее полную и правдивую историю обширного и мощного улуса — Казахской Орды, которую основали и на протяжении четырех веков отстаивали наши предки, было моей заветной мечтой с самого первого шага в большую литературу и науку. Созданы в молодые годы «Кобылы сарышы» («Кобылы и конь») и «Алласыш» («Меч»), в зрелом возрасте — «Алласпыран» («Внешние сплет» — «Смутное время»), а также многие исторические романы задуманные или ждущие своего часа выхода в свет, — все это лишь отдельные эпизоды той главной цели.

Для того, чтобы народ узнал суть своего прошлого, всех ценностей, которыми обладает, нужен объективный учебник истории в полном смысле этого понятия. Когда рассеялся черный туман и печатное слово стало свободным, решил отложить все в сторону и приступить к написанию серьезной исторической книги под названием «Казахская Орда». Однако нелегко было отойти от привычной художественной прозы. Чтобы начать такой труд, требовалось обновить все прежние свои знания, «перелопатить» гору новой литературы, то есть пройти большую подготовительную работу. Но случай повел по другому пути.

Осенью 1992 года казахская редакция радио «Свобода» обратилась ко мне с предложением провести серию бесед о древней истории нашего народа. Считая, что дело это непростое и, главное, не отнимет много времени, согласился сразу, тем более этого требовала тогда сама жизнь. В более времена мне приходилось читать лекции студентам пединститута им. Абая, и вот думаю, за два-три дня, в течение семи-восьми часов, буду диктовать все необходимое на магнитную ленту. А там работники радиорезакции, которая, кстати, как свободная волна сделана в последние

годы очень многое для возрождения национального самосознания, произведут нужный монтаж и донесут по частям своим слушателям. Но как я ошибаюсь. Накануне нового года, когда задуманное следовало реализовать, хотя и не болел, почувствовал себя не совсем здоровым и сын-литератор дал совет: чтобы исторические лекции прозвучали на должном уровне, сначала надо бы дней 5—10 подытожить основательно, перевести все мысли на бумагу, а прочитав готовое, диктовать, нетрудно. В принципе совет был дельный и я сел за письменный стол. В результате основные события древней казахской истории были описаны. А через некоторое время исторические лекции выходили в эфир, в течение почти целого года их слушали не только в современном Казахстане, но и все соотечественники, живущие в самых различных уголках планеты. Цель была достигнута. Теперь эту вещь предлагаю вниманию читателей.

«Азбука казахской истории» — не исследование, а рассуждения, осмысление исторических фактов. Это — уроки ликбеза для широкой публики. Они написаны на основе той информации, накопленной годами творческой работы, и тех выводов, к которым приходишь по итогам полученных знаний. К сожалению, не было возможности ознакомиться с последними мировыми исследованиями в области генологии и монголоведения, обогатить отдельные сложные проблемы новыми научными данными. Вынужден срочно провести урок по предмету «Казахская история», от которого в недалеком прошлом шаркалась вся здравомыслящая казахская интеллигенция, а сегодня он стал прибыльной, престижной отраслью, своеобразным магнитом, притягивающим не только посредственных, но даже шарлатанов и аферистов от науки.

Подлинная грамота не ограничивается изучением азбуки. Для этого нужны содержательные учебники, глубокие исследования. Такое доброе дело должно делаться не одним человеком, а всем обществом. В свою очередь мы тоже не намерены ограничиваться «Азбукой». Предстоит раскопать серьезный груд, который не даст покоя. Как сказал выше, называется будущая книга «Казахская Орда». Это будет четырехязычная летопись героического, гордого алашского народа.

Пока же приходится довольствоваться тем, что есть.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская история казахского народа, зафиксированная в конкретных исторических документах, охватывает последнее полурататическое. Если учесть летопись древних племен, населявших Центральную Азию, которые являются в нашими корни, то пришлось бы углубиться еще на четыре-пять тысяч лет. Летопись удусов, берущих начало с древней тюркской эпохи вплоть до времен Золотой Орды, тоже представляет собой многогранный, многоплановый повествование. Даже поверхностный охват этого богатейшего материала не позволяет в скорое время достичь поставленной цели. Даже одна эпоха существования чисто казахской калкокальной государственности — тема длинного и сложного рассказа. Поэтому мы в этот раз остановимся лишь на значительных событиях в истории Казахской Орды, расскажем об известных личностях, обратим внимание на существующие моменты далекого прошлого. Хотим раскрыть многие «белые пятна», те проблемы, которые в советскую эпоху были неправильно интерпретированы.

За семьдесят лет коммунистического режима главной задачей калкокация истории отдельных народов и национальностей было доказать отсутствие их истории. Самый яркий пример тому — официальные варианты казахской истории, написанные, начиная с 1943 года, вплоть до 1980 года. Хотя книга историческая, то, естественно дело, она должна что-то сказать о прошлом этого народа. Например, о географическом ареале обитания, о создании в такую-то эпоху казахского, феодального государства. Поскольку люди жили на определенной земле, они были вынуждены защищать ее от внешних врагов, то побеждая

их, то терли поражение. В более поздние времена, согласно марксистско-ленинской теории, начинается борьба за национальное освобождение против неких поработителей, данный народ имеет соответствующую материальную и духовную культуру и т. д. и т. п.

Таким образом была написана первая история в 1943 году — «История Казахской ССР», правда, получилась сыроватой. Но после войны, когда партия и правительство пришли в себя и возобновили с новой силой борьбу против своего народа, даже этой кучей истории показалось много. Поэтому согласно прямому указанию Центрального Комитета Компартии Казахстана книга была пересмотрена, дополнена, то есть испорчена еще больше, и издана второй раз в 1949 году. Вскоре и эта половинчатая история, созданная с позиций марксистской идеологии, советского колониаторского мировоззрения, была объявлена страшно преступной книгой. Вышло разгромное постановление ЦК ВКП(б) «Об освещении истории Казахстана с марксистско-ленинских позиций». Больше или менее разбирающиеся в своих вопросах историки и литераторы были поголовно репрессированы, с этого момента историческая наука в Казахстане по сути дела прекратила свое существование.

Конечно, исследование прошлого продолжалось, набирал порой большие обороты. В 1978 году, к примеру, увидела свет увесистая пятитомная «История Казахской ССР» (в свое время в составлении большой пятитомной истории Казахстана принимал участие и я: во втором и третьем томах по-новому написал главы об устном творчестве и фольклоре в эпоху Казахского ханства. Увы, после неоднократных проверок, поправок, «обработок» многое было искажено, изданный окончательный вариант сам узнал с трудом. Также не метаморфозы претерпели и главы, написанные по истории средних веков аятыками этих периодов Е. Комиловым, Д. Басияым, Т. Султановым и др.). Однако все эти исследования, эти истории служили не для того, чтобы познать прошлое казахов, а наоборот — предать забвению, ввести в заблуждение. Уделяться тут нечему. По заведенному порядку, все книги по казахской истории проходили строжайшую цензуру.

Обычно общую редакцию официальной истории возглавляли секретарь по идеологии Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана, а в редакционную коллегию избирались не настоящие ученые, а испытанные большевики, прославившиеся своей сверхактивностью, по-

связавшие все свои труды истории партии, эпохе коллективизации и советизации, получившие за это профессора, академика и другие всевозможные авансы и ордены.

Это — лишь мера безопасности. Ведь с самого начала основанная на марксистско-ленинских позициях, написанная с окаянкой история сразу же попала в нужное русло, а после прохождения через сито Центрального Комитета, через множество его отделов и руки доверенных лиц, она принимала изначальную задуманный природный вид, то есть получалась необъективная, чересчур гладкая история, не имеющая ничего общего с настоящей историей; так родилась преступная книга против народа, анти-история, обреченная на тысячелетнюю жизнь царя, извратившая суть целей и задач многих поколений, рассчитанная на то, чтобы выработать у людей нечестно-рабскую психологию и сознание бесперспективности вообще.

Толстые тома так называемой «Истории Казахской ССР» напоминают светлый путь партии, ее твердый устав. Все исторические вещи, уже написанные и еще только задуманные, отныне должны были основываться на эту святую книгу. Все, кто выступают себя казахом, в их числе деятели науки и культуры, писатели и поэты, и особенно строители коммунистического будущего, должны руководствоваться этим учебником.

Однако было бы совершенно ошибочно считать, что эта алмапаучная, антипародная сборная история — непрочная, готовая рухнуть структура. Напротив, это была очень умело спроектированная, стройная каменная крепость, удивительное сооружение, похожее на буддийское здание, движущее сознание и не дающее никакого простора вольной мысли. И учебник, и инструкция, и программа. Она может претерпевать частичные внутренние изменения, незначительно обновляться, вноситься в нее кое-какие дополнения, но основные суть и содержания, главные постулаты оставались неизменными. Ибо именно она являлась реальными наукоподобными признаками коммунистической колониальной системы.

Главная установка, стерильная мысль проводимой семидесятилетней политики, написанной в соответствии с ней многолетней историей, официальных сборников и исследований, посвященных отдельным периодам, заключаются в том, чтобы показать и доказать, что у казахов нет истории. Ибо казахи — народ без истории, не могший

они создать как европейские народы историю, достойную наших дней.

Эта концепция открыто не декларировалась, но как она обосновывалась, может возникнуть вопрос. В первую очередь объявлялось, что у казахов никогда не было своего национального государства, встречаются только отдельные элементы государственного строительства. И то это не единая структура, каждый род, каждый район жила своей жизнью и самоуправлялся; утверждается, что казахи никогда не создавали единое ханство. И в силу разобщенности имела место постоянная междоусобица, они только и знали, что вечно кочевали как гонимое ветром перекати-поле, не знали земледелия, а животноводство вела на самом отсталом, диком уровне. Если иколенский образ существования, были неграмотными. А стóит ли гордиться о какой-либо мощи, силе? Нет, гласит советская наука, это были слабые племена. Читаешь и поражаешься: их всегда били и побеждали кому не лень, соседи только тем и занимались, что нападали на них, пленили людей, захватывали скот и богатство. Во всех войнах и сражениях они терпели поражение. Удивительно, как они вообще выжили и сохранились до наших дней?

И сомнительно, несостоятельное, даже грубое и дикое понятие о том, что у казахов не было единства, своего государства, что их притесняли все и они были самым несчастным народом на свете, глубоко укоренилось в сознании не только других народов, но даже нашей интеллигенции, видных писателей, пишущих на исторические темы, претвущих на янание истории; эта мысль проходила лейтмотивом во многих творениях известных поэтов, считающих себя патристами и декларирующих национальную гордость.

Мы же хотим констатировать одно. Не говоря о древней истории, даже если взять более позднюю эпоху, называемую собственно казахской, то нетрудно убедиться в том, что мы — великий народ. В середине XV века в пределах нынешней национальной республики мы создали грозное государство, которое называлось Казахская Орда. Этот мощный улус на протяжении четырех веков освоил Великую Степь и жил свободно, создал своеобразную передовую культуру. Жил в достатке, в богатстве. Мужественно защищал и отстоял от врагов свои земли. В результате смог удержать такую огромную, богатую территорию, растил достойные себя поколения. Накануне красного большевист-

ского геноцида 1932 года казахи по своей численности входили в число тридцати крупнейших народов мира. В удивительное положение, какое никогда не испытывали наши предки, мы попали лишь в последнее десятилетие лет, в эпоху советского, коммунистического колониализма.

Именно в эту эпоху была создана та антиистория, которая перечеркивала подлинное прошлое казахского народа. В соответствии с той историей сформировалась концепция, что казахи только после присоединения к России стали людьми. Только благодаря заботе великого русского народа, его передовой культуре постепенно стало пробуждаться сознание казахов, лишь с помощью великого русского народа мы избавились от неграмотности, дикости и стали приобретать человеческий облик..

Спрашивается, а как быть тогда с марксистской концепцией о захватнической, колонизаторской сути передовых стран? Но, оказывается, это присуще только испанцам и англичанам, французам и немцам. Объявлялось, что русское колонизаторство не колонизаторство, а проявление чувства братства, заботы о менее развитых странах. Прошлое казахского народа, его жизнь и бытие, искусство и культура оценивались только русским взглядом, с точки зрения коммунистического шовинизма. По-другому думать запрещалось, кто хоть на миллиметр свернет в сторону от начерченной линии, тот объявлялся националистом и строго наказывался.

Самый главный ориентир советского учебника по истории, его железобетонная основа, конечно, бред о коммунизме — светлом будущем человечества. Коммунистическая утопия служила только одной цели — установлению на земле неограниченной власти русского красного империализма, перенесенный на страницы истории такой коммунизм душил всю действительность этой нации. То есть надо довольствоваться нынешним рабским существованием, ибо в будущем ждет райская жизнь, а когда на всей планете под руководством великого русского народа, коммунистической партии вопарится всеобщее равенство, вы забудете и родной язык, и полностью исчезнете как нация.

Слава богу, коммунистическая программа не осуществилась, кашу в легу красный империализм; мы получили независимость, стали самостоятельным государством. Но для того, чтобы подняться во весь рост, заметить глубокое

равны в сознании, духовно возродиться, нужно еще очень много трудиться.

Если наши беседы относительно казахской истории послужат хотя бы незначительную службу в деле духовного обновления народа, восстановления исторической справедливости, то будем считать, что один заветный мечта достигнута.

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ ОРДЫ

Политическая и административная структура великой державы — Золотой Орды, объединившей в 40-е годы XIII века кашгарские племена древних тюрков, сформировалась в соответствии с коалиционным укладом населявшего ее народа, географическими особенностями. Европейская часть этого огромного государства, занимающего чуть ли не полмира от отрогов Алтая до низовьев Дуная, считалось правым крылом, азиатская часть — левым. Правое крыло получило название Ак-Орда (Белая Орда), левое — Кок-Орда (Синяя Орда). Здесь следует заметить, что в древнетюркском языке понятие «белый» означает «запад», «синий» — «восток». Поэтому нельзя путать названия этих орд, как это иногда встречалось в исторических трудах советского периода.

Восточная часть Золотой Орды, то есть Кок-Орда охватывала в основном территорию нынешней Казахской республики. Это была структура внутри большого государства, довольно самостоятельный улус, говоря современным языком, со своими признаками автономии — наличием собственной административной, управленческой системы. Столицей являлся город Сыгнак, расположенный на Сырдарье. Ханы Кок-Орды были тоже потомками старшего сына Чынгис-хана Джучи, но без ведома великого хана Ак-Орды, ставка которого находилась в граде Сарай на Волге, ничего сами не могли решать. Народ Кок-Орды считал себя частью Золотой Орды. В военную пору в любом походе или битве он составлял левое крыло многотысячной армии Золотой Орды, да и в мирное время у него не было забот, отдельных от общего великого улуса. Не природные условия, особенности коалиционного, кочевнического уклада сформировали своеобразный характер Кок-Орды. Примечательно, что этот грозный юмад, населяющий огромную территорию от Тарбасатай и Жетысу, с одной

сторону, до Мангыстау и Нарынкумол, с другой, от великой Сырдарьи на юг до Тимели и сибирской тайги на севере, уже в то время представлял собой варяду с полштычестной объединенностью крепкое этническое единство.

В 1357 году после смерти великого хана Золотой Орды Жанибека политическая ситуация в стране осложнилась, наступили смутные времена. У казахов есть пословица, идущая из седой старины, которая дословно переводится: «Была перерезана шея верблюда и смерть постигла Бердибека». Бердибек — родной сын Жанибек-хана. В отличие от предков это был очень жестокий, коварный человек: он перебил всех своих родных, двою- и троюродных братьев из боязни, что за место на троне в будущем они могут представлять ему конкурентов. покрыл таким образом себя страшным позором, но через год два сам был убит. После Бердибека на самом деле была «перерезана шея верблюда», т. е. прерублено продолжение рода основателя Золотой Орды Бату-хана, началась борьба за трон среди других потомков Джучи.

По подсчетам историков, в течение каких-то двадцати лет в пору большой смуты на троне Золотой Орды сменилось четырнадцать ханов. Причем никто из них добровольно не уступал преемнику, все они погибали за власть.

В этот период представители ханской династии Кок-Орды тоже стали претендовать на золотоордынский престол. Среди них сумели подняться до уровня великого хана и править некоторое время в Сарай-граде Урус-хан, Тохтамыш хан и Барак хан.

Одним для Золотой Орды были сочтены. Уже не было прежнего единства, былой мощи.

Последние годы жизни Урус-хана, который так и не смог укрепиться в столице, прошли в смертельной схватке с ханским войском из Средней Азии Эмиром Тимуром.

В этой схватке падеи смерти и Тохтамыш хан.

Барак-хан хотя и достиг золотоордынского трона, но не смог установить подножков свое правление и всю свою волю и энергию направил на повышение престижа Кок-Орды.

Во время кровопролитной войны Тимура и Тохтамыша мы потеряли Сырдарьинский край. А Барак-хан, ведя непрерывные сражения с потомками Эмира Тимура, в том числе с прославленным Улугбеком, одерживал победу за победой, вновь отвоевывал города Сыгнак, Отрар, Сауран, Туркестан, всю Сырдарьинскую округу. Когда Улугбек с

братом Мухамед-Шауве, решив взять реванш, собрал огромное войско и опять начал. Барак умело разгромил всю армию, прогнал ее до самого Самарканда, опустошил большую часть Мавереннахра — удел потомков Эмира Тимура и с богатой военной добычей вернулся домой.

К этому времени Кок-Орда уже стала совершенно самостоятельной структурой.

Как сложносочетание Кок-Орда принять как условное название применительно к определенному историческому периоду, то и по территории, и по родоплеменному составу населения этот внушительный улус являлся не общим, не частичным, а подлинно нашим, собственным государством.

Возможно, постепенно мы стали бы основательнейшей державой, но случилось непредвиденное. В одном из боев Барак хан, в котором историки того времени видели умного, отважного, волевого правителя, был убит, причем не на поле брани от рук врага, а предательской стрелой, пущенной одним из погайских мура (они буквально накануне сдались ему и стали служить в его войско). Это было в 1428 году.

В результате на востоке распавшейся Золотой Орды тоже начались раздоры, смута. Жаждавшие власти султаны стремились создать каждый свое удаленное ханство. Наиболее удачливым среди них оказался Абулхайр из династии Шибанидов, потомок Джучи.

За короткое время Абулхайру вроде удалось восстановить былую Кок-Орду, но полного единства все это не получилось. Давшие привилегии династии хотя и не выступали открыто с оружием в руках, но ни на миг не прекращали политическую борьбу за то, чтобы сместить его. Но не все дело заключалось в борьбе за трон. Основной причиной противостояния были условия жизни, уровень развития людей, ведь за каждым султаном стояли поддерживавшие его народные массы. Абулхайр симпатизировал оседлому образу жизни районов Средней Азии, поэтому на жизнь, быт, обычаи и традиции смотрел сугубо со своей позиции. А оппозиционная ему группа — династия Орда-Еженя, Тукай-Тимура твердо придерживались старых устоев, превыше всего ставили обычай кочевых предков.

С течением времени политическое противостояние переросло в открытую вражду. Потомки Урус-хана, не так давно правившие Кок-Ордой, султаны Керей и Жалибек вышли из повиновения Абулхайру и во главе своих народов откочевали в районы реки Чу и обширной местности

под названием Козы-Балы, обосновали там самостоятельное новое ханство, которое отныне именуется Казахской Ордой. По свидетельству знаменитого средневекового историка Мухаммада Хайдари Дулата, это событие произошло в 1456 году.

Таким образом 1456 год, когда свободолюбивые Керей и Жаныбек объявили об образовании нового самостоятельного, независимого улуса, следует считать годом решающего, epochального события в жизни нашего народа, рождения государственности, появления обновленного этноса — казахов.

Некоторые исследователи называют 1465-ый, 1470-ый годы или даже еще более поздние периоды. По мнению этих историков, рождение и укрепление Казахской Орды происходит только после высадки кочевых Абулхайра. А двенадцать лет непрерывной борьбы до этого почему-то не берется во внимание. На самом деле 1465—1470 годы — не период образования ханства, а его укрепления, те годы, когда народ объявил о своей независимости, и полного признания его соседними народами. Вообще-то говоря, это лишь очередная попытка оттянуть на более поздние сроки истоки казахской истории.

Первоначальная численность народа, отделившегося под началом Керей и Жаныбека и назвавшего себя казахами, составляла около 200 тысяч человек. Для того времени это немало. Однако количество населения, оставшегося в составе родственных племен на обширных просторах бывшей родины, в шесть-семь раз превышало эту цифру.

Обосновавшись в долине Чу, у подножия Алатау, новый улус стал набирать силу, укреплять свое политическое положение и через некоторое время начинает борьбу за возвращение всех земель Кок Орды. И в результате успешных боевых действий с соседями в сложившихся исторических условиях он в течение буквально десятка лет обрел внушительную мощь.

Видя, что сам не в состоянии справиться с одолевшимся строптивым племенем, назвавшим себя казахами, Абулхайр стал собирать войско со всего улуса и в 1488 году во главе огромной армии с берегов Волги выступил в поход на Казахскую Орду.

Историки того времени, симпатизирующие Абулхайру, всем шишандам, описывают дальнейшие события следующим образом. Когда многотысячное войско приблизилось

и границы казахских пределов и показались седоглавые вершины Алагау, вдруг ударили резкие холода, армия вынуждена было остановиться и ждать потепления. С установлением погоды рать стала собираться к походу, но опять ударил мороз. Словом, поход так и не удался, сам же Абулхайр тяжело заболел и скончался здесь.

Вся наша история написана представителями народов, с которыми нам приходилось враждовать, в лучшем случае — учеными других стран. Если вдуматься, связывать неудачный поход Абулхайра с погодными условиями не совсем объективное объяснение. В те же жестокие времена не только наступивший временный холод, а даже затяжная морозная зима не могла препятствовать задуманному походу, кровавой сече.

Абулхайр, не достигнув задуманного рубежа, остановился, видимо, только по одной причине, а именно в результате отказа подчиненного ему воинства нападать на родственный народ. Ведь по сути дела и Абулхайр, и Керей с Жанибеком правили одним и тем же народом, потомками одного владыки, позднее — трех казахских жузов.

На самом деле это было именно так. После смерти Абулхайра армия быстро распалась; преемницей бывшему владетелю верхушка избрала ханом сына Абулхайра Шейх-Хайдара, но вскоре ему суждено было погибнуть в одной из стычек с казахами. Таким образом, не прошло и мушети (мушалье — полный цикл по восточному календарю, равный двенадцати годам), как Керей и Жанибек стали полностью править землей предков.

Казахская Орда окончательно обосновалась на востоке бывшей Золотой Орды — на территории Кок-Орды, а тюркско-кипчакские племена, ведревле проживавшие здесь, также стали именоваться казахами. Население Казахской Орды перевалило за миллион. В ту эпоху государств с таким населением можно было пересчитать по пальцам.

Образование Казахской Орды и, как следствие этого, выход на историческую арену народа, имя которому казах, — результат не захватнической войны, когда один народ покоряет другой, не миграционных процессов отдельных племен, обосновавшихся на новом месте новое царство. Это было возрождение братских родов и племен с единым языком, религией, этногенезом, обычаями, психологией, то есть в этническом плане — уже сформировавшейся общности людей в составе обновленной орды.

Древний Тюркский каганат — наша кория, наше имя-

частьное великое государство, Золотая Орда — славный улус, основанный нашими более поздними предками, Кок-Орда — словно родная мать, дарила жизнь будущему этническому единству казахского народа, его государственности, а Казахская Орда являлась нашей одноименной державой, структурой, утвердившей народ как самостоятельный этнос.

Казахская Орда наряду с объединением на земле предков многих древних тюркских племен создала возможность сохранения их как народ; когда на других просторах обширной Золотой Орды кровь наших братьев лилась рекой, лишь отдаленная часть ее народа под казыном казахи сумела отстоять право на жизнь, оставила своим потомкам в наследство огромную территорию.

Для нас дорога история любого периода прошлого, дороги имени всех легендарных исторических личностей, за которыми всегда шел народ, но среди них особняком стоят два человека, это — основатели Казахской Орды, наши первые ханы Керей и Жаныбек. Их нельзя отделить друг от друга, называть одного главным, другого второстепенным. Оба одинаково были мудрыми, отважными, гордостью всего Алая. По генеалогии они принадлежат к общему для всех трех казахских жузов роду торе, который восходит к древнему тюркскому роду кият. Их предки — Члыгхал, от него Джучи хан, от него Тукай-Темир, от него — Уа-Темир, от него — Кокта, от него — Бадыгул, от которого родился прославленный Урус-хан. У Урус-хана было семь сыновей, старший из которых Токтахия-хан, средний — Куюрчук-хан. От Токтахия-хана родился Булат, от Булата — казахский хан Керей. От Куюрчук-хана родился знаменитый Барак-хан, от Барака — казахский хан Жаныбек. То есть основатели Казахской Орды Керей и Жаныбек являются троюродными братьями, правнуками Урус-хана, обеспечившего подъем и процветание Кок-Орды.

Когда образовалась Казахская Орда, на белой кошме сватала был поднят и объявлен ханом старший по возрасту Керей. Точный год его смерти неизвестен, но после него ханский трон переходит к Жаныбеку. Видно, полная победа казахского народа над Абулхайром была осуществлена именно при Жаныбеке, да и упорядочение самостоятельной структуры и правовой системы нового ханства также связано с именем Жаныбека.

Одним из свидетельств того, что Жаныбек — исключи-

тельная фигура в казахской истории, является факт сохранения его в памяти народа как мудрого и справедливого правителя, как святой личности; по случайю в нашей истории его называют не просто Жаныбек-ханом, а Азы-Жаныбек-ханом, что ставит его на много выше даже самого верховного ханского титула. Азы-Жаныбек — не только великий хан, объединявший казахский народ и укрепивший Орду, но и родоначальник славной, элитарной династии казахских правителей. Легендарные сыны Казахской Орды: Касым-хан, Хакназар-хан, Тауке-хан, Есиктей бойлы Ер Есим-хан (высокородный, отяжливый Есим-хан), Сылкан Жангер-хан, Азы-Тауке-хан, Абылай-хан, последний в этом ряду Кеңесары-хан, великий ученый Чокан Валиханов, вождь Аман-Орды Алихан Букейханов — все они прямые потомки святого Азы-Жаныбек-хана.

Представители славной генеалогической линии Чынгис-хан — Джучи-хан — Урус-хан — Азы-Жаныбек-хан, основываясь на сложившейся системе обычаев, испытанную тысячелетней историей тюркских родов и племен, сумели вывести свой героический народ из всех перипетий судьбы на протяжении последних двух с половиной тысяч лет, гордо и высоко прошли священные знамя огромного и мощного улуса, названного Казахской Ордой.

Национальным ключом единения казахского народа стал ключ «Алаша», государственным гербом — «Торе тамга», представляющая собой треуголь с общим основанием, сложившаяся во времена Золотой Орды и восходящая к древнетюркской эпохе. Главный стиг — красный полотноще с изображением Торе тамги.

Столицей Казахской Орды был святой Туркестан, где стоит мавзолей Азрет-Султана (Ходжа Ахмета Яссави) — центр поклонения всего тюркского мира.

ОРДА ОКРЕПЛА

Казахский обычай избрания хана, смена правителей имеет свои национальные особенности, сформированные еще в эпоху Тюркского каганата.

В памятнике Бильге-Каган, донесшем до нас из VIII века, написано: «Сначала их отец был каганом, затем каганами стали его младшие братья, затем — сыновья». Говоря современным языком, власть переходила не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Пре-

гендующей на трон младший брат не обязательно может быть родным по отношению к старшему, возможно, сын это старшего брата или двою-, троюродный брат, главный, чтобы он был на этой должности. Конечно, не любой из этих многочисленных родственников имеет шанс быть поднятым на белый ковер, а самый умный, самый храбрый.

В случае нарушения этого родственного обычая, забываемой традицией предков среди правящей верхушки считались распри, в народе — ошсыные волнения. На протяжении четырехсотлетней истории Казахской Орды эта традиция нарушалась лишь один-два раза. Возможно, иногда не всех ханов зафиксированы в дошедших до нас исторических документах, но смело можно утверждать, что древний обычай в течение четырех веков соблюдался четко. Если в казахской истории при избрании хана не проливалась кровь, не было ревки за трон, то именно благодаря этой древней традиции, обычаям предков, послужившим основой политической стабильности в улусе.

Мы уже упоминали, что первым правителем Казахской Орды был Керей-хан. После него власть перешла к его троюродному брату Азь-Жанибеку. Когда умер Азь-Жанибек, трон достался Бурундук-хану как сыну старшего брата Керей. После Бурундука ханский титул некоторое время переходит к сыну Азь-Жанибека Адикю. А после Адикя ханом Казахской Орды избирается его родной младший брат Касым.

У Азь-Жанибека было девять сыновей и все они прославились как умные правители, храбрые воины-предводители. Среди них кроме упомянутых Адикя и Касыма особенно размах достигли Жаныш-султан и Ташаш-султан, которые правили улусами на уровне небольших ханств и могли выставить не менее пятидесяти тысяч воинов каждый. Девять братьев-султанов сделали немало, чтобы увеличить мощь Казахстана, поднять ее авторитет. Но они никогда не ставали поперек дороги Бурундуку, объявленному по обычаям предков ханом и которому принадлежало звание улуса. Даже всемогущий Касым, который в начале XVI века был избран ханом без трона, не перечил Бурундуку. По этому поводу историки того периода писали: «Касым полностью признавал власть Бурундука, как в свое время его отец Жанибек — власть Керей-хана». Видно, так бывает всегда, когда превыше всего ставятся интересы народа, конечные цели страны в целом.

Естественно Бурундук тоже был достойным богомола-

завладевшим. Он правил ханством более четверти века, причем первые пятнадцать лет его власть была особенно всемогущей. Бурундук является одним из великих ханов в истории Казахской Орды, хотя его по достоинству не оценивали ни современные ему историки, ни более поздние исследователи.

При Бурундук-хане казахи расселились вдоль всей Сырдарьи. Под его властью находились наряду с древней столицей Кок Орды Сыгнаком Сауран с его неприступной крепостью, многочисленным населением, Туркестан, где стоит святой мавзоль Аарат-Султана, древний Отгар, знаменитая Сайрамская крепость, также города по левобережью Сырдарьи, имеющие важное значение, как Улусат, Аккуртан, Архук и другие.

В трудной, многолетней борьбе по возвращению этих древних очагов культуры Кок-Орды казахи продемонстрировали небывалое упорство, поразительную волю, полководцы умело вели к решающим победам, правители проводили эффективную политику. Бурундук-хан сам не раз вел алашских бойцов в бой, лично участвовал в сражениях. В этих битвах особо отличались и сыновья Жанибек-хана султаны Ирэнджик, Махмуд, Жаным, Тоныш. Но среди всех этих мужественных людей своей мудростью и отвагой особенно стоит будущий великий хан Казахской Орды Касым-султан.

В эту пору самым серьезным противником казахов был внук Абулхайр-хана Мухамед Шейбани-хан. Когда образовалась Казахская Орда и древняя территория Кок-Орды переходила к ней, Шейбани еще был молодым воином. Даже в то время, когда потомки Абулхайр-хана потерпели поражение и были отброшены от границ Казахской Орды, волевым и умный Шейбани не прекращает упорную борьбу. Хотя ему не достался трон деда и не удалось завладеть частью Казахской Орды, отдельными городами, он стремился к созданию пусть небольшого, но независимого ханства. Однако после неоднократных поражений он полностью расстается с этой мечтой и обращает свои взоры в Среднюю Азию, на Мавераннахр, где правили тимуриды. Значительная часть тюркских племен, не пожелавших войти в состав нового улуса - Казахской Орды, под предводительством Шейбани-хана выступили в поход с целью завоевания Средней Азии.

По подсчетам нынешних исследователей, за Шейбани-ханом последовал немалый народ, около трехсот тысяч на-

селевья. Шейбани-хан действовал столь напористо, что за каких-то пять-шесть лет завоевал всю Среднюю Азию, Афганистан и Хорасан — территорию, принадлежавшую до этого двенадцати Эмира Тимура; обосновывает новый улус — улус Шейбанидов, являясь таким образом ролевикальным воякам среднеазиатских правителей. Если Шейбани обладает такой силой, то нетрудно представить мощь Казахской Орды, вытеснившей его.

Хоть и потерпел поражение от казахов, но за короткий срок Шейбани сумел создать великое государство с сильной армией, не терял надежды вернуть земли своих предков — Дешт-и-Кичак. Добившись географической власти, умножил богатство и войско, он только и думает о том, как бы уничтожить Казахскую Орду, если и не удастся завоевать ее, то хотя бы максимально истощить ее народ, ослабить экономику. Не говоря о военной силе, хорошие знания Шейбани-ханом княжеского уклада казахов, их внутреннего положения, военной тактики сделало его опасным для Орды врагом.

В первую очередь Шейбани хотел взять Казахскую Орду в экономическую блокаду. Казахским караванам было запрещено появляться в Средней Азии, пройти в соседние страны, полностью прекратились торговые и другие взаимоотношения с казахами. В знаменитых религиозных центрах Мавэрэннахра и Хорасана было официально объявлено, что казахи не мусульмане и любое притеснение этих неверных будет считаться как угодно Аллаху дело. После этого Шейбани своей главной целью определил организацию опустошительных походов на казахские степи.

В летнее время, когда казахи находились на джайлау и их отавчала высшая мобильность, нападать на Казахскую Орду было опасно. Хорошо понимая это, Шейбани ориентировался в основном на зимние походы. В этот период обычно затрудняется связь, дороги порой становятся непроходимыми, пока гонимы оповестят весь народ о вражеском нападении, тернется драгоценное в таких случаях время. Беззаботно зимующие, зачастую малонаселенные аулы и захватить, разорить легче, и быстро отступить с добычей не составляет труда.

Делая ставку на такой расчет, Шейбани-хан предпринял на Казахскую Орду не один и не два, а целых четыре тяжелых похода. Особенно третий поход для казахов был наиболее опустошительным. Это было морозной зимой

1509 года. Перебравшись по льду Сырдарьи, столысчатое войско Шейбани сначала достигло улуса Жаныш-султана. Казахи хоть и не видели врага, но всегда были при оружии, поэтому оперативно выявлялись в бой.

В армии Шейбани-хана находился известный ученый Физаллах ибн Рузбехан, который впоследствии написал историческую книгу «Михмап нама и-Бухара». Он оставил очень ценные наблюдения и факты, связанные с этим важным походом, а также из жизни и быта казахского народа. «Эти казахи — своей отвагой и могуществом известны на весь мир народе. — пишет он. В случае, если в бою инициативу перехватывает враг, имеющий численное превосходство, поддерживают Рузбехан, то казахи, способные держать оружие, занимают круговую оборону, а всех остальных, женщин и детей, вынуждено берут в центр, и, используя все виды оружия, с безумством храбрых бьются до конца. Если казахи вовремя успевают становиться в боевые порядки, под единое знамя, то никакой враг не мог их взять», пишет историк.

В улусе Жаныш-султана, куда бросил все свои силы Шейбани хан, численность населения не превышала ста тысяч человек, из них оружие могли держать около тридцати тысяч. Затрубив тревогу, казахи быстро разбегались в боевом порядке и выстроились жарким сражением с врагом, превосходящим их по численности в три-четыре раза. Через некоторое время они даже предприняли яростную контратаку. Но враг бросал в бой все больше и больше свежих сил.

В конце концов вся дружина Жаныш-султана была перебита. После этого Шейбани-хан выдвинул за остальное население. Тысячи детей, женщин и старики были пленены и обращены в рабов, весьма внушительны были и размеры военной добычи. По словам Рузбехана, только белых юрт, сооруженных на телегах (дома-повозки), которые казахи называли «юк кийме» превысило десять тысяч.

Окрыленный огромной победой Шейбани с целью окончательного разгрома Казахской Орды на следующий год зимой выступил четвертый раз. И опять перебравшись через Сырдарью, опустошил значительную казахскую территорию. Затем направил основные силы на Сары-Арку, в Улытау.

Но в этот раз казахи были начеку. Нападение врага они встретили организованно. В Улытау находился авангард войск Касым султана, возглавляемый Мойнысы Хасаном

(«жонсыз» — буквально, бестейный), который недалеко от Кипитау паголову разбил дружины Шейбани под командованием султанов Тимура и Убайдуллы. Потеряв большую часть людей, весь обоз, враг бежал.

Сам Шейбани в это время находился под Нок-кесене, расположенном на Сырдарье. Не успев он воссоединиться с остатками своего войска, как настиг их здесь Касым-султан, главивший аз вратом с Удытау. Скорая сеча оказалась ужасной для Шейбани: на поле брани нашли смерть не только его прославленные баттары, но и все войны, сам же он еле спасся бегством.

Даже летописцы того времени, которых трудно заподозрить в симпатии к казахам, признают, что после позорного поражения эскадра Шейбани-хана закатилась. На самом деле, основателя нового государства, новой династии Шейбани-хан, которого историки всех времен оценивали как прозорливого политика, великого полководца, больше не оправился от сокружительного удара. Не прошло и полугода как его с небольшой дружиной выслал в окружения иранский шах Исмаил из Хорасана и уничтожил. Казахская Орда прочно укрепилась в прежних присырдарьинских городах.

После полного разгрома зимой 1510 года правители всей Средней Азии Шейбани-хана слава о могуществе Казахской Орды разошлись по всему свету. Имя полководца Касым-султана стало известно и в Московском княжестве, и в Иране и Индии.

В последние годы мудрый Бурудук-хал стал постепенно отходить от власти, хотя его бывший авторитет несколько не уменьшился, в конце концов он по своей воле отрекся от трона и с головой ушел в религию, с этой целью переехал с небольшим окружением в святой регион Мавэрэннахра.

По древнему тюркскому обычаю на белой кошке был поднят и объявлен ханом Касым.

Знаменитый средневековый историк Абдаллах бен Мухамед бен Али Насруллах в своей книге «Зубдат аль-Авля» пишет: «Касым-хан стал падишахом всего Дешт-и-Кичика. Он был рожден для совершения великих дел. Бесчисленное войско Касым-хана состояло из казахов и когайцев».

Потомок Эмира Тимура, основатель Великой Могольской империи в Индии, знаменитый писатель Бабур в своей книге «Бабур نامه» подчеркивает: «Среди ханов и

султанов казахского народа во все времена не было такого всемогущего властелина как Касым-хан. У него было триста тысяч воинов».

А историк Мухамед Хайдар из рода Дулат, который писал свои труды по традиции той эпохи на персидском языке, свидетельствует: «Касым-хан правил всем Дешт-и-Кипчаком. Численность его вооруженного парода превышала миллион. После сына Чингисхана Джучи-хана в этом народе не было хана, более всемогущего чем Касым-хан».

Касым-хан — родной сын одного из двух основателей Казахской Орды Аал-Жапыбек-хана. Его мать звали Жаган-бегим. Будущий великий хан родился примерно в 1445 году. В это время еще не прошло двадцати лет со дня смерти святого Бараак-хана, великое прошлое, времена Золотой Орды еще были свежи в памяти. То, что Касым-султану в детские годы довелось быть свидетелем образования Казахской Орды, юношей — борьбы за окончательное укрепление нового улуса, все это способствовало ему сформироваться в деятеля особого склада.

Твердо усвоив обычаи предков и правлении страной, в ратных делах, Касым-султан всю свою жизнь посвятил созданию основы надежного будущего родного царства. Не было у него других забот, других забот, отличных от дел и помыслов соотечественников.

В кровопролитных сражениях за укрепление Казахской Орды на землях предков Касым отличился и личным мужеством, но случайно в исторической литературе того времени его называют «известным султаном, славным бахадуром» кипчакского народа. При Бурундук-хане он был признан полководцем, не знающим поражений, в походе всегда шел во главе войск, при атаке — в первых рядах. Если в военное время Касым отличался полководческим талантом, искусством побеждать, то в мирное время снискал уважение в народе как умелый и справедливый правитель. С каждым днем росли его авторитет и власть.

Таким образом, к началу 1500 годов мудрый Касым стал ханом без трона, всемогущим властелином казахских степей. Видный историк Махмуд бег Вали в своей книге «Вахр аль-асрар», описывая события 1504 года, пишет: «Сейчас вся власть в Дешт-и-Кипчаке перешла к Касым-хану». Могущество Касыма выросло до такой степени, что он представляет опасность для всего Мавереннахрского края, делает вывод автор.

Но для Касыма хана на первом плане стояла проблема

слабости, укрепления единства своего народа, а не завоевание новых земель. Главной целью своей жизни он считал установление мира для улуса, окончательное утверждение Казахской Орды на прежней земле Кок-Орды. После разгрома Шейбани-хана и обеспечения безопасности всего южного края Касым-хан добился мирного сосуществования с соседними государствами (за исключением кратковременного похода на Ташкент в 1543 году, когда город хотя и был взят, но страх на соседа наведен сильнейший). Это была очень выгодная, мудрая политика, дававшая казахскому народу долгожданную передышку после пятидесяти лет бесконечных походов и битв.

При Касыме ханская ставка находилась то в Жетысу, в окрестности Нарытала, то на берегу Чу, то у подножия Улытау в Сары-Арке, то на западе, на берегу Яика. Это следует рассматривать тоже как одно из проявлений мудрой политики Касыма, всегда стремившегося быть среди народа. При этом люди не только воочию убеждаются в силе ханской власти, но и могут четко представлять себе мощь всего улуса, осознать единство страны, понять, что никто из них не остается в стороне, без внимания и защиты.

Хотя в деле управления страной придерживался обычая и традиций предков, учитывая особенности своего времени, Касым-хан ввел новую правовую систему, соответствующую новым условиям. Этот древний свод законодоложений, который называется «Касым ханкыи Каска жолды» («Светлая Дорога Касым-хана»), вбирая в себя общественные и правовые нормы казахского общества того времени, определял правила поведения и бытия, систему взаимоотношений между отдельными людьми, родами и племенами, общественными группами. Государственные основы Казахской Орды также нашли свое отражение в этом законодании. Словом «Касым ханкыи Каска жолды» являлось особенным документом, сыгравшим решающую роль в закладке основ национального самосознания казахского народа.

Касым-хан был исключительной фигурой, впитавшей в себя все достоинства и лучшие качества своего народа, отличавшейся не только блистательным умом, но и человечностью, доступностью. Те, кому в ту эпоху доводилось лично встретиться с ним и иметь хоть кратковременную беседу, на всю жизнь не могли забыть светлый образ. Врезался в память не только мудрость казахского хана, но и его щедрость, широта души, наряду с гордым высокоме-

рием — благородство и тактичность. Все это современники — от высокопоставленных властителей до мудрых ученых — оценивают Касым-хана как личность, рожденную сделать свой народ счастливым.

Касым-хан умер примерно в 1520 году на крайнем западе Казахстана, в красивейшем городке Сарайтыке, что на берегу Яика. Похоронили его в древнем пантеоне золотоордынских ханов, а его могила был возведен высокий кубол. Сейчас на этом месте возвышаются лишь частые земляные холмы.

СМУТНЫЕ ГОДЫ

Начало XVI века. Прошло более ста лет со времени полного распада Золотой Орды, потрясавшей до этого чуть ли не весь мир; еще свежи были в памяти слабые дни как четырех поколений тюркско-кипчакского народа в более поздние времена. Будущее было окутано туманом неизвестности, но взаимоотношения со славянами пока складывались равноправные.

Примерно в 1520 году Казахская Орда, полностью завоевавшая восточной частью Золотой Орды — первоначальной территорией Кок-Орды — добилась серьезного momentum, а в западной части среди государств в составе улуса Джучи особого расцвета достигло Крымское ханство.

В это время еще не был забыт древний клич единства. Касым-хан, включив в состав Казахской Орды большую часть распадавшегося Ногайского улуса или машхатов, находившихся под властью отдельных биев, распространил свое влияние за Яик, а Крымское ханство стремилось объединить родственные племена по всему Поволжью, опираясь на Османскую империю, превратившуюся в самое мощное государство в тюркском мире.

Однако для тюркских народов настала историческая полоса неудач, смутных лет разногласий, разобщенности, междоусобицы, крушения патристических ценностей, чем не могли не воспользоваться недруги.

Правители Ногайского улуса сын Мусы Мамай-бий и сын Жанбурши Агые-батыр в январе 1523 года под Хаджи-Тарханом ввели в канал и уничтожили тридцатитысячную крымскую армию под предводительством Махмет-Гярай-хана, с которым буквально накануне заключили договор о союзе, с намерением превратить в единый улус

западную часть древней Золотой Орды, дали клятву, что в боевые походы будут выступать совместно.

Таким образом, идея возрождения западной части прежней Золотой Орды была окончательно похоронена, а тюркско-кипчакские народы на окраине Европы как бы избрали гибельную тропу; не прошло и тридцати лет, как многоводная, родная Едиль-дария стала называться «Волгой — русской рекой»: где ступала русская нога, тюркские племена кто раньше, кто позже яля начали исчезать с лица земли, или кадали ярмо рабства, зависимости на многие века.

Так презрительство подлого Мамаю в 1523 году и последовавшие после этого неслыханные раздоры открыли дорогу Русскому государству для свободного, легкого завоевания всей Евразии.

Правда, для закабаления казахского народа оставалось еще около 300 лет. Отголоски волжского побойща доходили до рубежей Восточного Дешт-и-Кичика. Именно в это время умирает Касым-хан. Теперь ногайские улусы, бывшие в составе Казахской Орды, стали вынашивать свои планы. В итоге они не только ограничили отделением от нас, присоединили к Мамаю с целью создания Великой Ногайской Орды, а полностью противопоставил себя казахам.

Противоречия с ногайцами хоть и приводили к эпизодическим стычкам, но не переросли в большую войну. Все же Казахская Орда, потерпев не военное, а политическое поражение, в один момент лишилась всего Западного Казахстана.

К этому времени Моголистан и Узбекское ханство, опасаясь растущего могущества Казахской Орды, заключили договор о военном союзе. А с северо-востока учащались набеги калмаков.

Хотя неприятельское кольцо сжималось со всех сторон, и население, и мощь Казахской Орды были еще велики. К несчастью, не стало Момыш-хана, буквально год назад подбитого на белую кобылу. По свидетельству историков того времени, Момыш-хан, сын Касым-хана, погиб от удальи: в одной из очередных битв его конь был убит и упал, подмяв под себя хозяина.

После Момыша ханом был объявлен Тавр, сын Адика, старшего брата Касым-хана.

Если Момыш в казахской истории известен как милосердный хан, то Тавр — как самый несчастный. Его не-

счастье заключалось не в эпохе, в которой он жил, а в его деяниях, отсутствии мудрости, отрицательных чертах характера. Лично ему, видимо, были присущи мужество, упорство. Но ведь властителю дужнее всего мудрость и управление. Этих качеств как раз не доставало. В результате Таир даже как бы спровоцировал объединившие соседних врагов, которые вместе воевали против казахов. Недальковидность, беспощадность ярко проявлялись и во внутренней политике, от чего народ быстро устал. В слепой ярости в упорно любой ценой добиться победы он старался до конца биться с нападавшими врагами, но терпел сокрушительные поражения и терял не только обширные территории, но и свою честь, авторитет; чтобы держать подчиненных в повиновении, принимал порой весьма крутые меры, но все это лишь сильнее отталкивало от него народ.

В конце концов весь его подвластный улус был вынужден откошевать, оставив его с небольшой дружиной, и ему ничего не оставалось как перебраться в кочевую среду, которые со времен Казым хана составляли вместе с казаками единый улус. Кто современники-историка писали: «Под властью Таира остались только киргизы, которые были преданы ему до конца». Как утверждает знаменитый казахский историк средневековья Кадиргали Жалаир, Таир свопчался в 1532 году среди киргизов, опустошенный, отчаявшийся от живых ударов и неудач.

После Таира великим ханом Казахской Орды избирается еще один внук Азь-Жинибек, сын Жадик-султана Тогул-хана. Ему удается вновь сплотить киргизский народ и распадавшиеся было казахские улусы. Ведя оборонительную войну против калмаков, моголов и узбеков, он не ограничился восстановлением политического единства страны, но и стремился к тому, чтобы поднять ее военную мощь на прежний уровень.

К сожалению, Тогул-хану судьбой было отведено немного времени. Он не успел исправить все те ошибки, которые допустил бездарный Таир-хан. Союзные силы узбекского хана Убайдуллы и могольского хана Абдурашида с целью окончательно уничтожить Казахскую Орду выступили в поход один со стороны Мавераннахра, другой — с Восточного Туркестана.

Силы моголов и узбеков встретились в местности Сан-Таш восточнее Иссык-Куля и составили большую армию. Объединенное войско казахов и киргизов были готовы к сражению, но их численность оказалась во много раз мень-

те вражеской. Тоғум-хан расположил свои силы так, чтобы с максимальной выгодой использовать весь рельеф местности и глубокие овраги, и неприступные скалы.

И вот когда наступил день 18-го сафара 944 года, по нынешнему летоисчислению — 27 июля 1537 года, в пятницу, с восходом солнца началась кровавая сеча четырех народов, которая длилась до темноты ночи. В этой сече казахско-киргизское войско было полностью истреблено. Все казахские полководцы из династии Керей-хана и Аль-Жалибек хана — тридцать семь султанов во главе с Тоғум-ханом пали смертью храбрых. Среди них сложили головы и девять мужественных сплотов Тоғум-хана, прозванных Тоғуз сары — Девять рыжих. А количество павших воинов неизвестно, наверняка оно составляет десятки тысяч.

Сан-Ташское сражение — одно из самых трагических событий в военной истории Казахской Орды, но в то же время это священный, памятный день, когда в жизни народа на карте были поставлены честь и свобода и его сыны пошли на верную смерть за святой долг, отдали себя в жертву во имя грядущих поколений. А имя Тоғум-хана, погибшего со всей династией на поле брани, должно стоять на первом месте в ряду самых славных личностей, вошедших в полуторатысячную историю казахского народа, почитаться на уровне святых.

Обо всем этом мы забыли, не вспоминали только в советское время, а до этого светлый образ Тоғум-хана свято хранился в сознании народа, вдохновлял его на великие дела. Так, Енисей бойлы Ер Есім-хан — сын Шығай-хана, родного брата Тоғум-хана — организовал в свое время в долине Сан-Таш грандиозную помпильную тризну в честь десятков тысяч погибших и соорудил высокий курган. А знаменитый султан Барак, прозванный в народе Кокшад (седопривный, т. е. матерый, бесстрашный), который являлся потомком Уауи оқты (Оздан-султана (узуи оқты — буквально, «имевший длинные стрелы»), старшего брата Есім-хана, предком вождя Алаш-Орды Аликана Букейханова; тот Барак, который своими руками отправил на тот свет самого Абулхайр-хана, говорил с гордостью: «Я из именито-благородной династии Тоғум-Шығай». Это свидетельствует о том, что эта династия во все времена выступала в защиту родины, терпела неимоверные трудности и лишения за счастье казахского народа, считала своим святым долгом перед богом и духами наказывать таких как Абулхайр, которые покушаются на свободу

страли, сеют смуту среди людей. Неслучайно имя Тогумхана, погибшего в бою вместе со своими детьми сыновьями и не оставившего таким образом после себя потомства, навязывается не просто как предок, а как родоначальник династии.

Последствия Сан-Ташского сражения были еще более ужасными. Рекой полилась теперь кровь мирного населения, говоря языком тогдашних историков, наступила катастрофа, когда «почти все взрослое население казахов было уничтожено и пленено, весь скот — угнан как военная добыча»; в дальних странах даже распространился слух о том, что казахский народ вообще стерт с лица земли. Однако территория Казахской Орды была необъятная, народу — не счесть. Орда текла кровью, по колепи не складывалась. сыны Алаша не пали духом, отстаивали свою независимость, вновь стали собирать силы, чтобы возвратить утраченное.

Вести войну на четыре фронта было очень трудно. Правивший после Тогума Ахмет-Узбек-хан погиб в бою с ногайцами. В Сан-Ташском сражении, видимо, участвовал один из виднейших и старейших полководцев Буйдаш, который впоследствии был избран ханом и организовал удачное контрнаступление казахов. Однако в 1559 году во время похода на Мавераннахр он попал в засаду и тоже был убит вместе со всей династией. Правда, это поражение было временным. В результате затяжной войны казахская сторона все чаще стала добиваться успеха, поправлять свое положение. В документах того времени, собранных российскими дипломатами, казахи отмечаются как сильный народ, говорится, что они держат в страхе Узбекское ханство, что в двух больших сражениях подряд добились победы.

Возрождение Казахской Орды, превращение ее опять в мощный, грозный улус еще во времена Касым-хана связано с племенем Хакназар-хана.

Хакназар — сын Касым-хана, проложившего светлую дорогу. Его мать звали Канвой-султан-халум. Год рождения Хакназара неизвестно, видимо, он рано остался без отца. В 1580 году, когда погиб во время похода, Хакназар был еще в расцвете сил, исходя из этого можно предположить, что родился он примерно между 1510—1520 годами. В смутную пору, во время тяжелейших войн в 20—30-х годах он еще не фигурирует, но позже, после смерти Тогумхана, при Буйдаш-хане, походе, замесил в народе боль-

шой авторитет. В тот сложный период был признан как мудрый вождь, умелый полководец.

Начиная с 1560 года, когда Хакназар полностью взял в свои руки бразды правления, происходит ожесточенное единение возрождающейся Казахской Орды. Стала восстанавливаться бывшая мощь страны, а в это время на берегах Волги в результате русского нашествия была разрушена Казань, пал Хаджи-Тархан, распалась Ногайская Орда.

На западе страды Хакназар вновь присоединил значительную часть Ногайской Орды, входившую еще во времена Касым-хана в состав Казахской Орды. Более того, он принял под свою власть немало народа, бежавшего от русского нашествия, в случае необходимости вступал в открытую войну с ногайскими правителями, в итоге расширил границы Казахской Орды до земель между Волгой и Яиком. Тут в состав Орды входят часть братского башкирского народа, жившая по соседству и не желавшая покориться России. О том, что Хакназар стал всемогущим правителем, было известно русскому царю Ивану Грозному.

Хакназар-бахадур-хан разгромил сибирского хана Кучума, на северо-востоке отразил калмаков, которые еще со времен Таур-хана совершали неоднократные внезапные набеги, на востоке вступил в непримиримую схватку с сильным в военном отношении Моголстаном. Нанес несколько сокрушительных поражений Абдурашид-хану, который не так давно громил половину казахских и киргизских земель. В одном из этих боев было поголовно истреблено многотысячное войско врага во главе с сыном Абдурашид-хана Абдулигаф-султаном.

В результате победоносных походов Хакназара Моголстан, захвативший весь Восточный Туркестан и обративший теперь свои хищные вооружения на Жетысу, перестал представлять опасность для казахов, его границы были отодвинуты за хребты Тештри-тага, т. е. Тянь-Шанских гор.

В исторических документах того времени Хакназар называется казахско-киргизским ханом. В начале XVI века киргизы, присоединившиеся к Казахской Орде, более двухсот лет, вплоть до «Актабан шубырыяды» (лихая година) находились в составе этого ханства, были одним из равноправных среди шести улусов Алаша. Для сведения читателя, остальные пять составных улусов Алаша: старший жуз, средний жуз, младший жуз, каракалпакки и племена курама (в эпоху Хакназара и позднее сыновей Али-

па было семь, возможно, даже восемь. Судьба вычеркнула из этого списка два улуса рода китагай).

После того, как Хакпазар поправил политическое положение Казахской Орды, восстановил ее международный престиж, он начинает принципиальную борьбу против Узбекско-Бухарского ханства, которое становилось реальной угрозой для будущей страны.

В это время Бухарой правил Абдулла-хан, который в истории Средней Азии считался великим властолюбцем после Эмира Тимура. Поэтому Хакпазар наряду с использованием объединенных сил всего Алаша широко прибегал к политико-дипломатическим приемам борьбы. В результате ему удалось вернуть многие города по Сырдарье, в том числе Туркестан и Сауран, потерянные в смутные годы. После этого он начинает решительные военные действия против Абдулла-хана.

Одним осуществлением большого и серьезного замысла помешало далеко не случайное, но неожиданное предательство. Сожаник Казахской Орды, правитель Ташкентского улуса Баба-султан во время совместного похода внезапно перешел на ханский шатер и предательски убил Хакпазара. Погибли от рук коварного злодея и многие другие полководцы-бахадуры Казахской Орды, среди них два сына Хакпазара, его младший брат Жалым-султан с двумя сыновьями.

День гибели народных героев во главе с Хакпазаром — 23 апреля 1580 года. В этой связи хочу отметить, что в 1980 году, когда казахский край еще находился казалась бы, в неизлечимой колониальной кабале, тому трагическому событию исполнилось четыреста лет. И как раз 23 апреля я, историк и писатель Мухтар Магауин, считавший себя всей своей сутью в вечном долгу перед предками, организовал поминальный обед в честь героически погибших, чтение молитвы, посвященной их душам. От глубокой ночи до самого рассвета я сидел, вспоминая наш исторический путь родного народа и читал молитву. Через семь дней, 30 апреля, в благословенную среду я приступил к большому историческому роману «Ветхие снега». Духи славных предков поддерживали меня, я постоянно чувствовал себя вдохновенным, работал напряженно, одухотворенно, в результате два больших тома были завершены за два года, три месяца и двадцать дней, хотя на такой труд в общем-то требуется 10 - 15 лет. И опубликован он был без сложностей, народ воспринял его с пониманием. И как бы вобщем

убедился в том, что великие духи всегда поддерживают своих потомков, не забывают о продолжающихся поколениях.

Действительно, казахский народ на протяжении всех минувших веков живет и здравствует, развивается и процветает на земле своих предков, и те, некогда грозные соседи, с кем ему приходилось вести настоящие, жестокие войны: на западе — Ногайская Орда, на севера — Сибирское ханство, на северо-востоке — Ойратско-Джунгарский улус, на востоке — Моголистан — все они стерты с лица земли, исчезли с исторической арены. А ведь никто из них не уступал в мощи и других характеристиках Казаху. Но их сейчас нет, а мы есть! Конечно, это благодаря великой воле народа, его неиссякаемому чувству патриотизма, героическим традициям. Но кто звал эту волю, воспитывал и укрепил это чувство, сохранил лучшие традиции? В первую очередь — народные предводители. Пример великих предков, посвятивших всю свою жизнь, все помыслы будущему народу, — преданный ташами Керем и Жаныбеком курс, пролитая Тогум-ханом и Хакназар-ханом кровь, благотворное влияние «светлой дороги», которая непрерывно продолжалась от ее основоположника Касым-хана до Абылай-хана. Именно эти святые предки всегда с успехом выводили нас из самых сложных исторических ситуаций, высоко пронесли честь и достоинство народа. Если будем постоянно полагаться пройденный их путь, глубоко понимать их жизненные цели и оставленные нам заветы, то нашей державе обеспечены вечность, вечно будет и суверенность.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ТАУЕКЕЛЬ-БАХАДУР-ХАНА

Внезапная гибель Хакназара — отважного воина и крупного политика, гордости Орды — привела к кризису родной народ, всю огромную армию, находившуюся в походном положении. Первым пришел в себя султан Шигай. Он быстро затрубил тревогу, поднял свою верную дружину и бросился на воинов Баба-султана. Однако сложилась шоковая ситуация и армии и контратака не дала желаемых результатов.

Баба-султан умело и оперативно воспользовался создавшимся моментом и захватил ряд казахских городов по

Сырдарье, включая Туркестан и Сауран. Но в самой Казахской Орде вопреки расчетам Баба-султана панники не случилось. Упорный и целеустремленный старый воин Шига́й по возвращению в улус был поднят на белой кошке и объявлен ханом.

Шига́й-хан — сын Жадик-султана, девятого сына Абай-Жанибек-хана. Его мать была калмачкой по имени Абай-кыя-бегим. Хитрый политик, опытный воин, почти шестьдесят лет жизни проведенный на боевом коне, Шига́й прекрасно понимал, что для Казахской Орды именно в этот момент воевать на два фронта будет весьма трудно. Конечно, не должен ходить по земле коварный Баба-султан, проливший кровь Хакназар-хана, Жалым-султана и многих других бахадуров, отнявший у казахов немало исконно алашских земель. Стало быть, для достижения этой конечной цели можно пойти и на временное перемирие с грозным Абдулла-ханом.

И вот он заключает мир с ханом Бухарско-Узбекского, или говоря языком казахов того времени, Джугатайского государства Абдуллой, более того, — договор о союзе. И, объединившись с ним, вступает в жестокую схватку с Баба-султаном. Если до этого Баба-султан держался на равных с всемогущим Абдулла-ханом, то после объединения последнего с казаками, стал терпеть поражение за поражением.

В этих битвах казахское войско возглавлял любимый сын Шига́й-хана султан Тауекель. Он поставил себе главной задачей не просто отбросить подлого клятвопреступника, а поднять на копье его голову и уничтожить всех родных и близких; на пути к этой цели Тауекель-бахадур обезглавил многих султанов из Шибанской династии. И наконец, в июне 1582 года под Туркестаном он поголову разбил большую армию Баба-султана, который с остатками бегал вдоль реки Сарысу в сторону Сары-Арки.

Тауекель отобрал из своей победоносной дружины около тысячи воинов, приказал каждому взять по запасному коню и бросился вдогонку за Баба-султаном. День и ночь не слезая с коней скакал отряд и догнал врага не доходя до Удугау, в районе реки Кенгир, недалеко от мажарской Джучи-кыя.

Историки того времени свидетельствуют, что отряд Тауекеля был самым жестоким дружины Баба-султана. Но снег и жидкая муть превращали казахов в яростных львов. Завязалась жестокая сеча. Во время боя один из метких

казахских воинов поразил острой стрелой Баба-султана, пробив стальную кольчугу, стрела рассекла его черное сердце. В жаркой схватке победу быстро одержали казахи. По словам знаменитого ученого Средней Азии Хафиза Ташша, в 982 году, 17 числа месяца раджаб, во исступленном состоянии 7 августа 1582 года Тауекель-бахадур бросил к ногам Абдулла-хана голову подлого Баба-султана.

Слывшему Тауекель-султану, добившемуся звездной победы, были оказаны особые почести, пишет Хафиз Ташш. После того, как Баба-султан понес заслуженную кару, восьмидесятилетний Шигай хан посчитал, что долг свой исполнил, и решил оставить трон, избрав путь ретиги. С этой целью он переезжает ближе к границе святого Бухара-ширфа, поселяется в пожалованном ему городе Ходженте и проводит последние дни, взирая смысл остатка жизни к служению богу. В скором времени он покинул сей мир. Тело Шигай хана было предано земле в небольшом городке Кумускент близ Бухары, недалеко от мавзолея святого Гали-Али ему соорудили отдельный мазар.

У Шигай хана было много жен и наложниц, но главных байбиче три, сообщает Кадыргали Жалаир. Первая из них Байя-бикем, от которой родились Сейткула-султан, Ондай-султан, Алтын-ханум. Ондай — отец широко известного в русской и западной истории Ураш Мухамеда Касимовского, предок Кожжад Барак-султана, вождя Алаш-Орды Алихана Букейханова. От второй байбиче Яхшик-бикем из Дунсатийской династии родились Тауекель-хан, Есим хан и Султан-Сабырбек-ханум. Этот Есим (Ес-Мухамед) — великий казахский хан, отец Салтам Жайгир хана, предок всех казахских ханов вплоть до Кенесары. Третья байбиче Шлгай хана — внучка Бурундук хана Дадым-ханум, от которой родились Аля-султан, Сулум-султан, Ибрагим-султан, Шагим-султан. В свое время из них наиболее выдающимся был правитель и полководец Шагим-султан (Шах-Мухамед). Но из всех восьми сыновей Шигай хана особое место в нашей истории занимает Тауекель-султан.

С малых лет Тауекель всегда находился в авангарде войска. Еще при жизни отца командовал армией. Знаменитый историк Хафиз Ташш с восхищением описывает влеченность, ум, характер молодого Тауекеля, особо отмечает его непревзойденную меткость в стрельбе. «Проставившийся на весь Дешт-и-Кипчак Тауекель-султан по своо-

му мужеству, отваге, силе воли не имеет себе равных. — подчеркивает он.

Но главное свойство Тауекеля, которое не заметил всматривавший историк, если и заметил, то не придал должного значения, заключалось в его великой любви к Родине, в вере в свой народ и его будущее. Целью всей жизни он считал решение одной единственной задачи — обеспечение народу светлого будущего, как можно выше познать честь нации.

Тауекель не только впитал в себя все хорошее от родного народа, но и досконально изучал с малых лет своих соседей. Учился военному мастерству своих предков, овладевал искусством управления людьми, наряду с этим постигал и то, как все это делается в Кухарском ханстве, которое было потешивальным врагом. Знакомясь с внутренним политическим положением, источником могущества ханства Абдуллы, он, бесспорно, замечал и слабые его звенья. Словом, в 1583 году, когда был объявлен ханом, Тауекель несмотря на свою молодость уже полностью сформировался как опытный полководец и тонкий политик, как зрелая личность. С момента его восшествия на ханский трон для Казахской Орды начинается этап приобретения былой мощи.

Тауекель-хан в первую очередь обратил свой взор на традиционные тюркские регионы в составе Сибирского ханства, подвергнутого нашествию России. Неслучайно, что падение Сибири совпало со смутным периодом в Казахской Орде, а гибель разбойника Ермана — с первым годом правления Тауекеля. Хотя Казахская Орда не проявляла симпатии к Сибири, в помощи ей не отказала бы, вместе пошла бы против врага. Однако, когда Ерман перешел Уральские хребты, Казахия еще не успела познаться во весь рост от недавних тяжелых боев, все, кто мог держать оружие, восстали с ненавистным врагом — Набасултаном. Теперь же, только начало поправляться политическое положение казахов, они повернулись лицом к Сибири. В русских летописях того времени говорится о том, что Казахская Орда начала помогать Сибирскому ханству.

Ерман был убит, но Тауекель не спешит заключить перемирие с ханом Кучумом, вчерашним союзником Абдуллы. А оказывается поддержку его сопернику в борьбе за власть — итожку Уак-хана из рода черевей Сейдикбеку. И вот с помощью казахов Сейдик-бек отогнал Кучума и обосновался в столице Сибирского ханства городе

Бенаре. А несколько родов, отколовшихся в результате атак распрей, полностью вошли в состав Казахской Орды.

В начальный период правления Тауекель-хана, в 1585 году, вероятно, произошла большая стычка с калмаками. В этом сражении погибает старший брат Тауекель-хана Ондан-султан Джинган стрелец, но победу одержали калмаки. После этого в течение двадцати лет воюющие калмаки не решались выступить против казахов, более того, значительная часть их признала власть Тауекель-хана и была вынуждена считать себя одним из улусов в составе Казахской Орды.

За каких-то лет пять Тауекель-хан сумел восстановить былую мощь Казахстана, что заставило беспокойных соседей как на западе, так и на востоке и севере приостановить набеги. Но территориальные потери Казахской Орды были весьма серьезными и ощутимыми. В результате шестилетней после внезапной гибели Хакназар-хана весь благоухающий южный край захватил враг. Хотя был уничтожен Баба-султан, влияние Бухарско-Узбекского ханства сильно возросло и искрошило казахские города Туркестан, Суурат, Отырар, Сайрам, Ташкент со всеми прилегающими территориями отошли к Абдулла-хану, который поселил в них своих заместников, а с наследия взымал огромную дань.

Так большая часть казахского народа стала зависимой, а другая — свободная — также находилась как бы в состоянии изоляции, караванам казахских купцов запрещалось появляться вдоль всей Самары. Абдулла-хан, до этого не раз ходивший кровавыми походами на Орду с целью полного уничтожения, но так и не добившийся своего, установил в мирное время крайне жесткие порядки: зависимый алашский улус держал в политическом и духовном плену, а независимым казахам создал настоящую экономическую блокаду.

Все это привело к тому, что Казахская Орда была вынуждена вступить в единоборство с одной из мощных империй той эпохи.

И на самом деле, под властью Абдулла-хана находилось обширное Бухарско-Узбекское ханство, куда входила, говоря современным языком, территория северо-восточной части Ирана и почти всего Афганистана, значительной части Пакистана, а Узбекистана, Туркмении, Таджикистана полностью. Это был возрожденный вариант империи, основанной два века назад хитрым Эжиром Тимуром.

Историки того времени не жалеют хвалебных эпитетов в адрес Абдулла-хана, называя его мудрым политиком, всемогущим властителем, непобедимым полководцем, владяб описывают богатство и роскошь его двора, подчеркивают, что при желании этот всемогущий драгитель может за неделю выставить армию в пятьсот тысяч человек. И на самом деле это было близко к истине.

Тауекель-хан всесторонне изучил внешнюю и внутреннюю политику, военную сферу Бухарской империи. Он прекрасно понимал, что предстоит трудная борьба, а экономические расходы будут громадными. Но для того, чтобы Казахская Орда стала мощным государством, а казахский народ жил вечно и беспечно, надо было любой ценой вернуть Юг с его плодородными землями, изумрудными водами, щедрым солнцем.

Тауекель-хан решается на очень рискованную, опасную борьбу. Мы видим, что он не только опирался на свой отважный народ, но и был уверен в своих способностях, умениях и мудрости.

Верная героическим традициям, плущим со времен Золотой Орды, Казахская Орда с момента правления Тауекель-хана весь уклад своей жизни и хозяйства подчиняет военному делу. Менин преобладающие в последние годы оборонные методы, переходит к активным боевым действиям.

В 1586 году казахские дружины под предводительством Тауекель-хана выступили в первый поход против Средней Азии. Как видно из письменных источников того времени, они легко смогли вышедшее навстречу бухарское войско и, дойдя до Сайрама, остановились.

Казалось бы, наступил удобный случай, чтобы вернуть города Ташкент, Туркестан и Саурая. Но Тауекель осторожничал, не шел на риск. Не вступая в затяжные сражения, он один за другим уничтожал отдельные отряды Абдулла хана и с большими трофеями вернулся в Сары-Арку. Это был не затяжной поход, а стремительный набег. Присутствие врага, Тауекель решил вдохновить, поднять моральный дух братьев, угнетаемых Абдуллой.

Это не прошло бесследно. Буквально через лето, в 1588 году казахи, проживающие в округе своих древних городов Ташкента, Шахрухия и Ходжента разбили дружины Абдулла-хана, прогнали местных эмиров и набрали своим предводителем казахского султана Жан-Али.

На помощь повстанцам с многочисленными воинами

поспешили сыновья Хакназар-хана султаны Мангитий и Динмухамед. К сожалению, из-за большого расстояния помощь из Сары-Арки не успела прийти вовремя. Восстание кызахских родов было подавлено и ирван. Но все же это событие подняло дух народа, прибавило уверенности Тауекель-ханду в правильности сделанного выбора. Стало ясно и то, что без тщательной подготовки невозможно бороться с таким многочисленным, вооруженным до зубов врагом.

В борьбе против всей Средней Азии Тауекель-хан сполна использовал не только военные, но и дипломатические методы. Он был осведомлен о том, как русские завоевали Сибирь, поэтому начал искать пути овладения огнестрельным оружием, сделанным Россией и западные страны мощными государствами. В 1594—1595 годах он дважды отправляет специальные послы в Москву, ведет переговоры с ней о приобретении огнестрельного оружия, пушек, для которых ни будящие дослехи, ни укрепленные крепости ничего не значили; ввиду с этим хотел спровоцировать войну русских с Абдулла ханом, который в это время хитро посматривал в сторону Хаджи-Гархапа. Направил посла шаху Ирана Аббасу с целью заключить военный союз против общего врага — Бухарского ханства. Из двух попыток первое не дало результатов, а конкретные документы о переговорах с Ираном хранятся в архиве шахиншахов, поэтому мы пока не можем судить об итогах.

Наиболее крупный, реальный результат в дипломатических мерах, принятых Тауекель ханом накануне грандиозной битвы, это — установление связи с кызахскими родами, подданными Бухарского ханства, с единокровными братьями, которые почти сто лет назад вместе с Шейбани-ханом отпочковали к пределам Манереннахра, но так и не влились в среду местного оседлого населения, которых на новом месте называли узбек-казахами, или просто казахами. Судя по сохранившимся документам, когда-то присоединившись к Шейбани-хану, но считающие себя родственными к кызахам плем. Алопта — керей, пайманча, копырады, кичкаки — компактно жили вокруг городов Шахрухия, Ходжевт, Андижан, Ахсы. Неслучайно то, что в войне Казахской Орды с Бухарским ханством наследником этого края было на стороне казахов.

Наряду с этим Тауекель-хан находит общий язык с некоторыми султанами из Шейбаниской династии, которых не устраивал уярмий, жестокий Абдулла. Он внимательно

во следил за политическим положением в Бухарском ханстве. Одновременно постоянно обучал, закалял своих помощников, держал армию, как говорится, в постоянной боевой готовности.

В такой скрытой напряженности, непримиримом противостоянии, непрерывной подготовке пролетело пятнадцать лет и, наконец, в конце февраля 1598 года настал час невиданного столкновения на поле брани: Таукаль-бахадур-хан во главе семидесяти тысячной армии вступил в пределы Бухарского ханства.

Уверенный в себе во всех делах Абдулла-хан выставил против кавалов отборных сто тысяч воинов.

Решающая битва произошла в начале марта между городами Ташкент и Самарканд. Самоотверженно, насмерть бились обе стороны, но милость всевышнего была на стороне кавалов и они наголову разгромили огромную армию Абдуллы, состоявшую из узбеков, туркмен, таджиков, пуштунов. Погибли были истреблены десять тысяч Абдуллы, которые на протяжении сорока лет не знали поражения, покорили в свое время Хорасан и Кашгар, Иран и Афганистан. До Абдуллы, находившегося в Самарканде и ждавшего победную весть, с трудом добрался жалкий, весь побитый, кровоточащий отряд в десять тысяч сарбазов.

Не смог пережить черной для себя вести Абдулла, прозванный и современниками, и поздними историками вторым Тимуром. Летописцы того времени пишут, что «бравый Абдулла-хан скончался от отчаяния». Говоря современным медицинским языком, его, вероятно, свалил инфаркт миокарда, то есть разрыв сердца.

* * *

После того, как Таукаль-бахадур-хан в великой битве разбил основные силы грозного Абдулла-хана, все побережье Сырдарьи с городами Туркестан, Сауран, Архун, Отырар, Сайрам и другие вошли в состав Казахской Орды. Казалось бы, на этом можно было остановиться. Но этот благодатный край и до этого не раз переходил из рук в руки. Поэтому для достижения конечной цели требовалась окончательная, убедительная победа, раз и навсегда надо было поставить на колени Мавереннахр.

Вот почему Таукаль не довольствовался достигнутым, не хотел прервать боевой поход. Не теряя времени, семидесяти тысячное войско стало углубляться в Среднюю Азию,

быстро пересекло Ферганскую долину и захватило города Ахсы, Анджакан.

Через некоторое время перед Тауекель-ханом открылись ворота Самарканд, одного из красивейших городов Средней Азии, служившего в свое время столицей Хорезмшахов, после них — Эмира Тимура.

Все это произошло в течение каких-то четырех или месяцев. Не было в казахской истории более великого похода, в истории Средней Азии — более значительного события. Даже историки того периода, которые находились у кормила власти Абдуллы и в своих трудах на джугатийском, персидском языках всегда пели ему дифирамбы — и те не могли умолчать об этих событиях. Но как было покорено столько земель и городов — бы одного конкретного факта или описания. Будто крепости пала, городские ворота открывались сами собой. Разумеется, было не так. Наверняка за каждый объект велся кровопролитный бой и известно одно — всегда штурмовал Тауекель.

Но и это было не финалом войны. Оставив в Самарканде двадцать тысяч воинов во главе со своим родным братом Касимом, Тауекель сам с семидесятитысячной армией отправляется в Бухару, чтобы окончательно завершить боевой поход. Разбивая все выходящие навстречу дружины, он дошел до стального града и окружил его.

У стен сильно укрепленной Бухары Тауекель стоял, по одним источникам двенадцать, по другим — двадцать дней. Историки того времени свидетельствуют, что число защитников города по сравнению с казахским войском было значительно меньше. Но бесспорно то, что они решались стоять насмерть. Самое существовавшее здесь — стены Бухары были крепкими и высокими. Только всемогущий Чингисхан мог взять крепость прямым штурмом. Казахы были вынуждены задержаться у стен города.

Тюкельме бок шли с раннего утра до поздней ночи. Но город не сдавался. На одиннадцатый или девятнадцатый день штурма в ночном бою Тауекель-хан был тяжело ранен от прямого попадания вражеской стрелы.

Учитывая свое серьезное состояние, он отдал громкий приказ в ту же ночь снять осаду и всем войском отступить в степь, разжечь многотысячные костры. По сложившейся традиции, факт ранения вождя держался в строжайшей тайне.

Весть о том, что Бухару не взяли и казахи отступали, сильно расстроила Касим султана, он оперативно выступил

на города и вскоре со своим двадцатипятичным войском присоединялся к основным силам. Причем с этого момента принимает на себя обязанности главнокомандующего.

В это время подошла большая помощь врагу со стороны Афганистана. На громадном степном просторстве началась беспощадная сеча. Среднеазиатские историки пишут, что боевые действия проходили в целом с равным успехом с обеих сторон, но судя по следующим событиям, преимущество было все же у казахов.

С каждым днем положение Бухарско-Узбекского ханства ухудшалось. Воспользовавшись моментом, с юго-запада начал мощное наступление шах Ирана Аббас. Союзнический договор с Таускель-ханом само собой, у него были и свои расчеты. В неудачных войнах до этого Иран потерял весь Хорасанский улус, священный город Мешхед. Теперь для него наступил удобный момент окончательно добить ослабшее на казахском фронте Бухарское государство и вернуть исконно иранские регионы. В эту канительную пору погибает Абдимомул-хан, сын Абдулы, слабобольной, непохожий на отца правитель. К власти Бухарского государства приходит новая династия, названная в истории династией Хаджи Тархана, так же как и казахские правители являющаяся потомками тринадцатого сына Джучи-хана Тухай-Гемира. Предводители династии Пир-Мухамед-хан и Бакы-Мухамед-султан предлагают казахам перемирие, послами при этом отпущены служители религии — последователи общего для всех среднеазиатских турков святого Бахауеддина Навоибеда.

В это время в Ташкенте покинул сей мир так и не оправившийся от тяжелой раны Таускель-хан. Нет сомнения в том, что он завещал своим потомкам, всем нам великую цель, которой посвятил всю свою славную жизнь.

После него трон переходит к Исым-хану, который в 1598 году осенью заключает мирный договор с Бухарским государством. По этому договору тысячелетняя тюркба Мавреанахра с Дешт и Кипчаком, в последние сто пятьдесят лет переросшая в непрерывную войну, была окончательно и полностью завершена в пользу котловиков.

Сыны Алаша стали полноправными хозяевами огромной территории вдоль всей Сырдарьи, около тридцати городов, в их числе Туркестан, Отырар, Сауран, Ташкент со всем уделом, вошли в состав Казахской Орды; наряду с этим казахи овладели северной частью Ферганской доли-

ны с городом Анджаком, распространили свое влияние на Бизмаккул вплоть до середины Междуречья.

Какую оценку получили эти великая победа в исторической литературе?

Мусульманские историки той эпохи, писавшие на персидском и джагатайском языках, конечно, не могли обойти современные или значительные, конкретные факты и события, но дают весьма туманные толкования и выводы, представляют поражение ханства Абдуллы как следствие случайных причин. Массу подобных причин «находят» и европейские ученые, превозносящие, говоря их языком, «вседную культуру» и, наоборот, считавшие кочевников, в том числе тюркские племена, дикими, варварами. В одном случае они утверждают, что Абдулла попросту недооценил силы кочевников, в другом — якобы виной случившемуся был раздор между ним и сыном; иногда грубо искажается историческая хронология, дескать, Бухару сначала разгромили иранцы, чем воспользовались казахи, хотя на самом деле имеется бесспорный исторический факт, что Бухару сначала калову разбил Таукеель-хан, а иранский Аббас-шах выступил намного позже, уже в средние лета.

А русские историки, воспитанные в духе советского шовинизма, вообще перешагивали всех, ссылаясь на то, что стольный град Бухара так и не была взята, а Таукеель погиб, они утверждают, что поход завершился неудачей и поражением.

Это в понятие, согласно коммунистической колониальной концепции, цель которой в первую очередь «проглотить» Казахстан, у казахов не должно быть истории, казахи всегда должны терпеть неудачу. Но вот парадокс: потерпев поражение от монголов, они завоевывают все Приуралье, от монголов — обосновались в Жетысу, от калмаков — простираются до Алтая и Тарбагатая, то есть поистине никто неумело, обрасывая врагов подальше от себя и завладел такой громадной территорией! Но как бы ни оценивали историки всех мастей, в результате яшше описанного великого похода Казахская Орда разгромила крупнейшую империю своего времени — Бухарское ханство и сполна вернула себе исторические земли предков, огромное географическое пространство, куда вместелись бы несколько таких европейских держав как Франция, Швейцария или Бельгия.

Тут суть дела заключается не только и не просто в рас-

ширеки территории, а в заповедиях вновь своими родо-
ми благодатными краями, плодородными районами. Ведь
второй родиной тюркских племен после Алтайских гор
является долина Сырдарьи. Многоводный, плодородный,
богатый речной. По обоим берегам реки растут густые ту-
гам, камышовые джунгли. Если летние джайлау всей Ка-
захской Орды находились в Сары-Арки, то зимовья
вдоль Сырдарьи, которая изобиловала тучными пастбища-
ми, защищала от ветра и бурана. Именно здесь многократ-
но размножались все виды скота — основного богатства
казахов. Древний Туркестан с величественным мавзолеем
Аарет Султана, Саурап и Отрар с сильно укрепленными
стенами, другие цветущие города служили своего рода
крепостями против нашествия врагов, одновременно они
играли исключительную роль в экономическом, хозяйст-
венном, торговом и культурном плане. Только обосновав-
шись и укрепившись по обеим сторонам Сырдарьи, можно
было бы жить и не тужить. Если бы у казахского народа
не было другого места обитания, то, только живя на бере-
гах Сырдарьи, можно было бы превратиться в сильное го-
сударство. А это присырдарьинское равдолье являлось
лишь частью той огромной территории, которая в резуль-
тате великой победы Тауекель-хана навеки стала родиной
казахского народа.

По мирному договору между Елми-ханом и Шир Муха-
мед-ханом из всех городов и уездов, перешедших под
власть Тауекель-хана в итоге его победоносного похода в
1598 году, Бухарско-Узбекскому ханству был возвращен
только Самарканд. (Впоследствии через несколько десяти-
летий мы оставили и солнечную Фергану). Все районы
Средней Азии, даже за пределами Казахстана, где до сих
пор проживают казахи, стали шамами именно во времена
Тауекель-хана. Причем именно благодаря гению мудрого
воина и правителя Тауекель-бахадур-хана, благодаря воле
и отваге сынов Алаша.

В результате шлопациализмской грудной борьбы и побе-
доносного ее завершения под руководством прозорливого
политика, великого полководца Тауекель-бахадур-Казах-
ская Орда всецело обосновалась в благодатном крае и пу-
тями крепкие корни, жизнь нации расцвела и пошла по но-
вому руслу.

Вечная память нашему славному предку Тауекель-ба-
хадур-хану!

ЕСИМ-ХАН И ЕГО ЭПОХА

В результате упорной, целенаправленной борьбы великого Тауекель-бахадур-хана против тогдашней всемогущей империи — Бухарского ханства — и победы Казахская Орда к концу XVI века превратилась в мощное, сильное государство с огромными населением и территорией. Сыны Алаша перешли рубежи, установленные еще в эпоху Кок-Орды, и свободно, вольно расселились по левобережью Сырдарьи. Окончательно утвердился в Междуречье, вошла глубоко в солнечную Ферганскую долину. На востоке лежал напуганный Моголистан, на западе хиреди Ногайская Орда, на севере сформировалась определенная граница с Русийско-Сибирскими князьями. В состав Казахской Орды входили наряду с тремя алашами — тремя жузами — киргизы, со времен Касым-хана находившиеся под единым флагом; каракалпаки, пришедшие вероятно во времена Хавшазар-хана при расходе Ногайской Орды; два многочисленных, мощных улуса рода каттаган, населявший весь юг, и оседлый, земледельческий род курама, который проживал на окраине Мавераннахра и тюркел и казахам.

Таким образом, в конце XVI века — начале XVII века под единым флагом Казахской Орды были объединены следующие улусы-племена: старший жуз, средний жуз, младший жуз, каттаган, курама, киргизы, каракалпаки. Все они кроме киргизов называли себя казахами. Огромный народ! Через четыреста лет после эпохи Джучи-хана на древней земле Дешт-и-Кичика поднималась теперь новая кочевая империя.

После смерти родного брата Тауекель-бахадур-хана правителем стал Енисей бойлы Ер Есим хан (буквально, высочайший, отважный Есим хан), фигура, достойная и своих предков, и своего народа. Не только опытный полководец, но и умелый политик. После заключения осенью 1598 года выгодного для казахов договора с Бухарским ханством Есим хан стал укреплять внешние границы Казахской Орды, привал в порядок и внутреннее положение. Видимо, именно в это время был принят знаменитый свод законов, известный под названием «Есим ханнын Ески жолы» («Древняя Дорога Есим хана»).

Мы не знаем, что из себя представлял конкретный документ, но общие идеи этой правовой системы дошли вплоть до конца XIX века. В одном из слов Абай дает по-

нять, что он хорошо знаком с ней. Несмотря на более позднее появление по сравнению со «Светлой дорогой» — государственной правовой системой Касым-хана — «Древняя дорога» оправдывает свое название, законы Есим-хана ближе к указам и уложениям древней Алтын-Орды, даже к известному «Жасаку» Чынгисхана. По всему видно, что Есим-хан придавал особое значение воцарившимся проблемам улуса. В целом «Древняя дорога» явилась сводом гражданских и правовых правил, посвященных государственной системе Казахской Орды, ее структуре, методам и традициям правления, явилась основным законом казахского народа на протяжении более ста лет.

Есим-хан стремился претворить в жизнь все то, что было достигнуто в результате великой победы Таукеель-бахадур-хана, в которую и сам внес активный вклад. Обращая особое внимание постоянному усилению военной мощи Казахской Орды, он дал большую власть влиятельным торе. В это время Ташкентом правил казахский султан Кельды-Мухамед, гусеницедецем Алдичаном — второй валахский султан Абылай с многочисленным войском. Такие крепости Маврениахра как Шахрухия, Бискент также находились под властью казахских торе. Для алашского народа всегда были открыты среднеазиатские базары.

Но в Бухарском ханстве, где трон Шибанидов заняли новые правители — династия Хаджи-Тархана, никак не хотели смириться с таким положением. И, нарушив все соглашения, они предприняли несколько ночных походов. Но самый последний и-прежнему был благословлен к сынам Алаша, хотя Казахская Орда могла в случае необходимости выставить бесчисленное количество воинов, она каждый раз лишь незначительными силами легко отразала набеги бухарцев, отбрасывая назад.

Вторая, более жестокая казахско-бухарская война началась через пять лет после крушой победы в Маврениахре.

В 1603 году хан Бухары Бакы-Мухамед во главе огромной армии вышел из Самарканда в поход против казахов. Казахский правитель Ташкентского уаялата Кельды-Мухамед не успел или не посчитал нужным обратиться за помощью к своему крепкому тылу, он собрал тоже большое войско из подвластных алашских улусов, киргизов, родов курама и катаган и выступил навстречу. Обе стороны встретились в местечке Айыр-Жар. Как свидетельствуют историки того времени, в битве, начавшейся с восходом

солнца, преимущество было на стороне казахов, от тяжелого удара армия Бади-Мухамеда побывала обратно. Кельды-Мухамед гнал врага до самого Самарканда. Здесь он замыслил окружить и взять сам город. Но крепостные стены Самарканда были почти неприступными. Казахи не смогли взять их, они несколько дней громили окрестности города и с большой добычей вернулись в Ташкент.

Тяжелое сражение в Айгыр-Жаре оказалось всего лишь предюдием новой двадцатилетней войны — непрямой, но противостояния Казахской Орды и Бухарского ханства. Хотя Бухарское ханство уже потеряло былую мощь, которую имело при Абдулла-хане, но продолжало удерживать власть во всем Мавераннахре, говоря сегодняшним языком, на территории четырех государств — узбекского, туркменского, афганского и таджикского; вынуждало план возврата Ташкентского, Сайрамского, Андижанского улаятов, которые недавно отошли от него в результате поражения от Таукееля, более того, оно хотело отбросить казахов вообще за Сырдарью.

В течение всей Второй казахско-бухарской войны, которая началась в 1603 году и закончилась в 1624 году, иппое преимущество всегда было на стороне казахов. И что характерно, первым нападение постоянно предпринимали бухарцы, а казахи ограничивались в основном контрнаступлением. Дело заключалось не в недостатке сил, это была эффективная и правильная тактика для закрепления достигнутого, ускорения позиций на земле предков. Казахские политики того времени прекрасно сознавали, что несмотря на завоевание Мухамед Шейбани-ханом всей Средней Азии, установление административной власти над местным оседлым населением, фактического преимущества все же не получили, с течением времени они даже потеряли власть и сами вошли в зависимость.

В непрерывной двадцатилетней казахско-бухарской войне с обеих сторон участвовало бесчисленное количество войск, произошло семь особо крупных, кровопролитных сражений. Во всех семи казахи одержали победу. Это были жестокие битвы и славные победы.

Важно было сказано, что первая из них произошла между Ташкентом и Самаркандом, в районе Айгыр-Жара. Победу Казахской Орды обеспечивал тогда Кельды-Мухамед-султан.

Второй кровавая сеча произошла в 1607 году под Ташкентом. Бывлавно накануне этого события Ташкент в ре-

в результате внезапного нападения был захвачен Вали Мухамедом — вторым лицом из династии Хаджи-Тархана. Есмихан сам привел сюда казахское войско и разгромил бухарскую армию, которой командовал Мухамед-Бекыбий-Калмак; по доводу соглашения удалять вломи был возвращен казахам, а главнокомандующим Ташкентом Есимхан назначил Жаламтос бия из рода Алшын.

При бухарском хане Имамкули пожар войны разгорался еще сильнее. Несмотря на то, что у власти оказался именно благодаря военной и политической помощи казахских султанов, он буквально через год предпринял против них военный поход, неожиданным падением врага привело к большим потерям в мирных казахских аулах и городах. Особенно много людей погибло в Ташкенте. В ответ на это вероломство Высочайшим, Храбрый Есим в 1613 году вторгся в Самаркандский улаят. В решающей битве он наголову разбил состоявшие из узбеков, таджиков и афганцев основные силы Имамкули-хана и его брата, правителя Балха Надир Мухамед султана. Это была третья крупная битва.

В 1621 году на границе Самаркандского улаята на реке Шахрхате произошло четвертое сражение. В документах о нем высказываются конкретные примеры того, на каком высоком уровне владели казахские полководцы военным искусством. Они успешно следили за каждым движением Имамкули-хана, и когда стало известно, что тот выступил из Бухары, двинулись навстречу. Казахам ждала неприятная воле широкой переправы через Шахрхате. Не успела половина войск Имамкули перебраться на другой берег, как лавиной бросились казахи. Историки того времени пишут, что переправлявшиеся ждали смерти в верхаберже и паническом столпотворении, многие утонули в водах Шахрхате, в жаркой, молниеносной сече погибло двадцать тысяч вражеских солдат, а сам Имамкули свихся бегством.

В Бухаре он опять объявляет срочную мобилизацию. К новым дружинам, собранным по всему Мавераннахру, явились прибывшие из Афганистана войска. Имамкули сам возглавил все войство, предводителем афганско-таджикских сирбазов поставил перешедшего на сторону Бухары Жаламтос-бия. Но на сей раз ему суждено было потерпеть сокрушительное поражение. В этом пятом сражении казахским войском командовал Турсул-султан.

Шестое сражение произошло в 1623 году. Как свидетельствует среднеазиатский историк Махмуд бин Васия, Имамкули в этот раз выступил во главе шестидесяти-тысячной армии. Турсул султан выставил сто тысяч воинов. В решающем бою под крепостью Шахрухия казахи одержали полную победу.

Последняя, седьмая битва в двадцатилетней казахско-бухарской войне произошла в 1624 году в Ферганской долине, под крепостью Ахсы. Многотысячное войско Казахской Орды возглавлял сам Есим-хан. И в этот раз силам Алана сопутствовала удача.

Очередной период непрерывной войны с Бухарой на этом был завершен. В последние годы правления Тауекель-хана военное превосходство казахов становится все более явственным. В результате, после смерти Тауекеля, к приходу к власти Есим хана южные границы были укреплены достаточно. Трудная борьба увенчалась убедительной победой.

Все же непримиримая война и гибкая политика, проводимая с Бухарским ханством, были лишь одним из многих региональных дел и забот всемогущей Казахской Орды.

* * *

Казахская Орда открыла ворота к шумным среднеазиатским базарам, а через них — в империю Великих Моголов — Индию, с одной стороны и в Иран, в страны Среднего Востока — с другой. Теперь Есим-хан начинал борьбу за узловую часть древнего Шелкового пути — Восточный Туркестан.

К этому времени некогда всемогущий Моголистан в результате внешних ударов, внутренних противоречий основательно ослабел, на своем деле начинался его окончательный распад. Есим-хан стал поддерживать правителя Чалышского и Турфанского улаятов Абдурахима. Участвует в его борьбе против властителя Яркенда и Кашгара Абак-хана. Казахские дружины во главе с самим Есим-ханом и его младшим братом Кутуб султаном активно участвовали в боевых действиях Восточном Туркестане.

Это было не простое вмешательство во внутренние дела соседней державы. Вообщем-то, Казахская Орда теснялась к исконным землям древних уйгуров со времен Касым-хана, а в последние годы правления Тауекель-хана поднялась даже до Или и обосновалась в долине Куноса и Текеса,

идя вдоль гор Ерен Кабырга, доходила до Турфана. В конце XVI века казахи рода катаган во главе с Сулайшазы-торе и четырьмя его сыновьями, среди которых мунсестем, личною особо отличался Искендир-султан, оказывали сильное влияние на внутренние и внешние дела Моголстана. То есть стремление Казахской Орды к Востоку было закономерным продолжением национальной политики, которая целенаправленно велась со времен Касым хана.

После разгрома в 1611 году под Самаркандом объединенной бухарско-афганской армии Высокорослый Храбрый Есим-хан особое внимание стал уделять делам могольского направления. Ставший подлинным правителем Турфанского и Чапышского уалятов казахский хан в 1619—1624 годы всецело обосновался в этих краях. Но ему не хватало свободы действий. Потому что само казахское общество, которое начало пускаться корпю в Восточном Туркестане, разделилось надвое. Ставший к этому времени грозным правителем Ташкента кызах Турсун-хан стал поддерживать противника Есим-хана большого хана Моголстгала Абдулатиф-Абака. Определенная часть казахского рода катаган, отколовшаяся в Восточный Туркестан, во многих битвах сталкивалась лицом к лицу с оставшимися сынами Алаша.

Есим-хан всех казахов считал своим родным народом, поэтому не смог объявить большую войну Восточному Туркестану. В это время казахско-бухарская война все сильнее набирала размах, переходила на качественно новый этап. Есим-хан спешил на помощь Турсун-хану, который хотя открыто не враждовал с ним, но их отношения становились все более натянутыми. В 1624 году он сильно углубился в Ферганскую долину, в решающей битве панес Имамкули-хану сокружительное поражение, захватил ряд крепостей и после заключения выгодного для себя мирного договора вернулся в столицу Казахской Орды Туркестан. Со своим троюродным братом Турсун-ханом на саблях поклялись друг другу в верности.

Турсун-султан был из династии Аак-Жалилбека, сыном Жалым султана — оюры Хакназар-хана. В поле зрения он впервые попадает при Туюекель-хане во время Первой казахско-бухарской войны. Он чуть старше Есим-хана, однако в конце XVI века его имя еще не встречается в исторических документах. В это время наиболее авторитетными властными султанами Казахской Орды являются Шах-Мухамед и Котек. На выборах хана в 1598 году

Шах-Мухамеда не было, а Кошек по возрасту младше Еси-ма. То есть согласно обычая, Турсун султан никак не мог претендовать на трон.

Турсун особо отличился во время Второй казахско-бухарской войны. К 1614 году он уже прочно обосновался в Ташкенте и теперь, заключив временное соглашение с ханом Бухары Имамкули, превращается в правителя всего уалаята.

Но военные действия с Бухарой не прекращались, командовавший армией всего южного края Турсун-султан одерживал ряд крупных побед, слава и авторитет его росли. Через некоторое время он объявил себя ханом, стал выпускать в Ташкенте деньги с собственным знаком.

Среди казахов надругаете бытует фраза, ставшая поговоркой: «Катаганын хан Турсун, Хан Турсунды ит урсун!» («У катагана ханом является Турсун, да сразит его клятва, им нарушенная!»). Видимо, клятву Турсун нарушил не один, а несколько раз. Первоначально он стал самостоятельным ханом и в знак независимости чеканил свою монету. После этого он по крайней мере дважды заключил перемирие с Есим-ханом и в обоих случаях не сдержал слова.

Вероятно, Турсун безгранично верил в свою власть, и в силу подчиненного улуса. Главной опорой стропилового хана был многочисленный, грозный род катаган. До этого бедно ушедший из жизни известный историк Надырғали Жалғар писал: «В улусе Урус-хана правую руку составляли катаганы, левую — алашский тумед; численность алаша равнялась трем саям, катагана — двум саям». К этим двум саям прибавилось еще очень много народу.

Таким образом внутри большой Орды как бы образовалась еще одна малая, суверенная. Именно с этих обстоятельств напрямую связаны неудачные военные и политические действия Есим-хана в Восточном Туркестане.

В длинной истории Казахской Орды до этого не было случаев, чтобы силы Алаша подняли друг на друга меч. Теперь же, после объединения всех родственных тюркских родов и племен и полного овладения древним Дешт-и-Кипчаком, созданием мощного государства в результате полуторавековой непрерывной борьбы, деление единой державы вдвое напоминало эпоху распада Золотой Орды, открывало дорогу смуте и междоусобице. Но великий хан улуса Высочайшей Хурбры Есим показал особую выдержку и терпение, вел тонкую политику, чтобы не допустить кро-

вопреки тому среди казахов, он вынужден был признать суверенитет Турсун-хана, признать его являющимся правителем и в соответствии с этим оказывал ему высокие почести.

Образовались как бы два сосредоточенных казахских государства со столицами в Ташкенте и Туркестане, правда, четкой границы между ними не проходило, взаимоотношения как и раньше были свободными, непрерывными; одни защищали южные рубежи, другие — северные и восточные, когда требовалось, совместно выступали против общего врага.

Но не может и не должна одна страна управляться двумя ханами. К тому же у ишканина Турсуна аппетиты росли с каждым днем, вскоре он даст понять, что хотел бы расширить свой скромный удел. На границе с Маверелнахром в казахских крепостях правителями стал назначать своих людей. Влияние его расширялось.

В этих условиях первым на Турсуна поднял оружие правитель Анджиана казахский султан Абылай. В 1623 году он в союзе с ханом Бухары Имамкули выступил походом на Турсун-хана. Однако когда противоборствующие стороны сцепились под крепостью Шахрухия, казахская дружина Абылай-султана отказалась драться со своими братьями и покинула поле боя.

Потерпев поражение от Турсуна, Имамкули в свою очередь выгнал Абылая из Анджиана. В этот момент на помощь чаггентам и ферганским казахам подоспел сам Есим-хан, который вернул Абылай-султана на свое место и заключил перемирие с Турсун-ханом.

В этот период испавный из своей страны Абулалы-бахадур-хан находился среди казахов, был почетным гостем во дворце Есим-хана; в своей известной книге «Шекире-и-тюрк» он описывает приход Турсун-хана в Туркестан в 1625 году. Подчеркивает тот факт, что Есим-хан встретил Турсуна с большими почестями, что беседа между ними проходила в теплой, доброжелательной обстановке. Есим-хан обращался к Турсуну как к родному, употребляет слова «мы, наш род». Знакомит с ним почетного гостя Абулгазы.

Не успело пройти два года, как началось самое жуткое событие в собственной истории Казахской Орды — братоубийственная война.

По словам историка Махмуда бен Хали, в 1627 году Есим-хан, собрав под единым знаменем огромное войско из сы-

пов Алтая, катанга, других родов улуса, отправился в сторону Моголстана на войну с калмаками, которые с течением времени набирали силу, становились беспокойными соседями. Поход увенчался крупной победой.

И вот именно в этот момент выступил со своей армией в боевой поход в Турсун-хан, но не против общего врага, а против родных братьев, и захватил Туркестан. Истребил большое количество мирного вооруженного населения, оставляя за собой лишь опустошенные дома и трупы. Взял в плен всю семью Есим хана и увез в Ташкент. Теперь ему захотелось уничтожить самого хана и стал ждать возвращения войска. Войска-победителя, но и потрясенного в недавней битве. Турсун делал ставку на внезапное нападение. Но Есим хан был вовремя предупрежден о готовящемся плане.

В одном из исторических преданий, кропотливо собранных более поздним казахским ученым Машихур-Жусупом, говорится, что когда Есим хану стало известно о подлом предательстве Турсуна, он словно набесился, от беспредельной ярости несколько дней не мог прийти в себя.

Теперь уже два кровных, смертельных врага сошлись под крепостью Сайрам. С одной стороны, два рода катанга и бесчисленное количество присоединившихся, с другой — три алабских улуса и тоже огромное количество присоединившихся. Все — казахи. Беспощадная сеча, от картины которой кровь стыла в жилах, уносила людские жизни, но словам историка того времени, как гитанский вождь Турсун хан, не выдержав яростного натиска воинов Есим хана, отступил в Ташкенту.

Этого момента будто ждал приближающийся Абдалай-султан, он тоже перебил правителей Бискевта, Шахрухия — заместников Турсуна с их дружинниками. В Джизаке поднялся Бекорлы-бий из рода алтай.

Кольцо окружения сжимало Турсуна. Решающая битва Есим хана с предателем произошла под Ташкентом, в которой все войско Турсуна было поголовно истреблено, сам он с трудом проник во внутреннюю крепость и спрятался там. Но его вукерл не стали ждать вторжения в город разъяренных воинов Есима, они свалили своего хана Турсуна и отдали в руки наступающих.

Есим хан отрубил голову Турсуна и, насадив ее на копьё, отправил в качестве «суленира» своему кровному врагу — бухарскому хану Имамкули, что являлось как бы

грозным намеком: «Кто против меня — того ждет подобная участь!»

Есім-хан в на этом не останавливается. Он приговаривает к смерти весь род катаган, который служил опорой матажинку и поднял меч на своих единокровников. Все мужское население, включая детей, кто ростом выше ступни арбы, до единого было заколото пиками, женщины полностью розданы как военная добыча, лишь отдельные группы, по тем или иным причинам прощенные ханом, распределены по другим родам; Есім не тронул только тех катаганов, которые вместе с ним воевали против калмаков. Прежние казахские историки считают, что род Шаштынды на юге является остатком именно рода катаган. Выше мы упоминали, что в конце XVI века на Восточный Туркестан ходили казаки под предводительством Султангайтора. Они также были из рода катаган. С течением времени их след тоже терпится в пластах истории. В Восточном Туркестане, в составе современного уйгурского народа имеется племя долац, которое по своим обычаям, музыкальной и фольклорной культуре отличается от уйгуров; европейские этнографы считают, что когда-то эти долацы были казахами. Может, это действительно одно из отрогов племей несчастного катагана, которому обратного хода на родину было отрезано навсегда.

Катаганские победы еще не победой Есім хана, а поражением, большой трагедией всей Казахской Орды. Два из восьми улусов, составляющих основу могучей державы, исчезли с лица земли. С тех пор в составе Казахского государства называются алты алаш (шесть алашей). После следующего грандиозного потрясения откололись киргизы, царакалпак и курама. Назаванце казахский народ продолжали носить лишь три алаша — три жуза. Если бы не катаганская катастрофа, наверняка, нас было бы пять алашей — пять жузов.

Кто виноват? Человек или судьба? Можно сказать и человек, имен в виду Турсун-хана, ставившего личное благополучие выше интересов нации, подлинного коварный меч не против соперничавшего хана, а всего родного народа. Тогда почему за ним пошло столько народу, почему поддерживало до конца?

Да, Казахская Орда завладела огромной территорией, многие племена и улусы объединила под единым стягом, оставалось подняться еще на одну качественно новую ступень — на уровень мировой империи, но этому не суждено

было сбыться. И ввиду того, вероятно, серьезное несоответствие военной мощи экономическому, хозяйственному положению. Предстояло освоить весьма огромное пространство. Довольно острым был жилищный уклад народа. Пигамийся от земли Юг и от снега Север не могли обеспечить общее гармоническое сочетание того и другого вида хозяйства. Конечно, в условиях мирной жизни за лет двадцать-тридцать, максимум пятьдесят, всего этого можно было достичь. Но, к несчастью казахов, в действительности Турсуи-хан, у которого гордыни было больше, чем отваги, коварства больше, чем человечности...

Для истории чуждо пропозирование событий. Наука — лишь фиксатор и арбитр совершающегося. Однако размышление о вероятности позволяет не только сполна познавать прошлое, но и помогает ориентироваться в будущем. Сейчас, когда возрождается Казахская Орда и называется Казахской республикой, когда развитие общества пошло по новому, особому пути, аналитика даже тевеных сторон национальностей истории должен сослужить вам добрую службу.

ДВУХСОТЛЕТНЯЯ ВОЙНА

(ИРВАЛ ПОЛОПИНА)

При Есім-хане, когда Казахская Орда переживала пору своего расцвета, давнее противостояние между алашским народом и ойратами, или калмаками, обострилась до предела, непрерывная война, начавшаяся семьдесят-восемьдесят лет назад, превратилась в непримиримую, кровную вражду.

Борьба двух народов за власть в Центральной Азии началась в 1520-е годы и с небольшими перерывами шла до 1758 года (если учесть последнюю котлован западных калмаков, то вплоть до 1771 года), то есть два с лишним века. В истории ни одного народа во все времена не было такой длительной войны, в которой целью обеих враждующих сторон было только полное уничтожение противника, и это взаимопребление проводилось непрерывно, систематически, завещалось отцами детям, детьми — внукам, внуками — правнукам и т. д.

В результате двухсотлетней войны, в которой иссякли силы обеих сторон, затормозилось их экономическое и духовное развитие, пролилась кровь сотен тысяч людей и до предела сократилось естественное воспроизводство наро-

дов, с лица земли были полностью стерты ойраты, а казахов ждало рабство, ярмо колониального порабощения.

Ойраты — собственное название народа монгольского происхождения, тюрки называли их калмаками, китаицы — олюгами. Войustinный ойратский народ известен со времен Чингисхана. В первой половине XIII века, в ту несомкншую пору он обосновывается на юге Алтая в долине Черного Иртыша — на древних землях тюркских племен керей и найман. Ойраты составляют левое крыло монгольского улуса, подвластного младшему сыну Чингисхана Гудекажу; отсюда и другое название — джунгары (монгары), что означает левая рука. Они не участвовали в походе Бату хана на Восточную Европу, когда ближайшие соседи — народы всей Средней Азии и Восточного Туркестана пришли к илам, они продолжали твердо придерживаться религии своих предков — шаманизма — и сохранили наряду с этим древние героические традиции; после падения великого монгольско-китайского государства — Юаньской империи — провозгласили суверенитет.

Регмен обитания ойратов отличался природными богатствами, но находился вдали от городов, центров тогдашней цивилизации. Поэтому с первых дней самостоятельного существования Ойратский улус был вынужден бороться за открытие дороги к шумным базарам Китая на востоке и Мавераннахра на западе.

В 1420-е годы Тоган хан сумел объединить весь ойратский народ и, через некоторое время завоевав Халху, восстановил прежнее монгольское государство, затем стал готовиться к решительной войне против Китая. Продолжателем дела отца стал Есен-хан, который в 1449 году выступил походом и разгромил крупную армию Китая, пленил самого Богды-хана; в результате серьезной военной и политической победы открыл доступ к богатым китайским базарам, заключает выгодные для себя экономические соглашения. У нас отсюда видно, какой мощью располагало новое монгольское государство, основанное ойратами.

Первая эвентическая война ойратов с тюркскими племенами, известная из истории, произошла в 1457 году. Вдун Тоган-хана, сын Есен-хана Уз-Тимур-тайчи, воюя вместе со всем улусом, доходит до Чу, оставляет там женщин, стариков и детей, а сам во главе многочисленного войска продолжает путь до самой Сырдарьи.

По словам Масгуда Кухистани — автора истории Абул-халр-хана, решающая битва произошла недалеко от Сыр-

цама, в районе мавзольи Кот-Кесене. Перед началом сражения посланник тайчи передал Абулхакру слова Уз-Тимура: «Пусть на колыту не прольется кровь, из рубашки не покажется пот!» Это было не жирное предложение: «допировати без боя», как утверждает историк, а ультиматум: «славайтесь без боя».

Гордое войство Дешт-и-Кипчака просто бросилось в бой. Обе дружины схлестнулись, сметались. Небо стало черным от пыли, земля — красной от крови. Боевые трубы ревели с утра до вечера, в конце концов победная таша иссов стала склоняться в сторону калмыков, пишет историк.

Абулхакр-хан спасаясь, отступил к Сыздаку, за его кирпичные стены. Уз-Тимур-тайчи продолжал громить все окрестности вдоль Сырдарьи, ульянтов Ташкент и Шахрухин. Абулхакра вынудила заключить кабальное для него соглашение и с огромными штрафами возвратился в Джунгария.

Если вспомнить, что в 1456 году образовалась Кивачская Орда, то описанное сражение произошло через год после откочевки Керей и Жаппбека. Потерпев поражение шибаннды. Среди полководцев Абулхакра не названы ни кто из династии Урус-хана. Но следует констатировать, что в целом пострадал завтрашний казахский народ, а затоптаны предковьи земли его предков.

Ойратский набег, пронесшийся как черная смерть в небе смитового Дешт-и-Кипчака, был лишь предвестником будущих грандиозных кровавых сражений.

* * *

В первые семьдесят лет существования Казахской Орды взаимоотношения с ойратами были мирными. За эти годы казахи, ведя неустанную борьбу на юге с подвластным Шибанидом Мамеренцахром, на западе — с Ногайской Ордой, на востоке — с Моголистаном, объединили свой улус, обособлялись на земле предков, укрепили каиство.

После Есен-хана ойраты ослабели, но все же продолжали вести непрерывную войну с дальними своими родичами халха-монголами, с другой стороны — с Моголистаном, который объединил всех тюрков Восточного Туркестана, с целью расширивши своей территории, открытия дороги к рынку, оседлым краям.

Здесь следует заметить, что враждебный казахам Мо-

голыстан долгое время не по своей воле служил ширтом от калмаков.

В ту пору ойраты неоднократно трюмили Моголистан, но и мощные моголы умело отражали эти нашествия, нанося большой урон своим врагам.

Силы обоих удусов примерно были равны. Однако в результате вражды с Казахской Ордой, дипломатического поражения во взаимоотношениях с Узбекским государством, внутренних противоречий Моголистан в середине XVI века начал терять былую мощь, распался на удельные княжества.

Именно в этот период начинается прямое столкновение Казахской Орды с Ойратским Союзом. Эпизодические стычки, имевшие место в двадцатых годах XVI столетия, постепенно переросли в большую войну. Ее начало было весьма налегким для казахов. Буквально до этого они с трудом отразили было нашествие объединенного узбекско-могольского войска и не успели еще оправиться от глубоких ран.

Но дошедшим до нас отрывочным сведениям, в начале 1550 года при Буйдаш-хане казахи выиграли одно крупное сражение, но калмаки быстро собрали новые силы и вкратце возобновили. Потерявший половину войска казахский хан обратился за помощью к правителю Ташкентского улаята Наурыз-Ахмет-хану. По словам турецкого историка Сейфи, Наурыз-Ахмет ответил так: «Это и есть тот самый народ внизу, который шахречин покорить белый свет; даже если объединятся десюток таких ханов, как мы с тобой, остановить его не будут в силах». Сейфи обращает внимание не только на воинственность калмаков, но и на их многочисленность.

Хотя уже не было той мощи, что имелась при Касым-хане, но гордые духом казахи, разочаровавшиеся в своих соседях, с которыми их роднила общность происхождения и религии, вду на смертный бой; туснуется, что они, заключив перемирие на остальных грех фронтах, все силы сосредоточили на войну с Ойратским Союзом — самым опасным врагом на тот момент.

В середине XVI века масштабы ойратско-казахской войны приняли такой гигантский размах, что английский купец и путешественник Антони Дженинсон, который до этого объезжал всю Европу и теперь намеревался пройти великую Азию, направляясь по древнему Шелковому

пути в Китай, в 1557 году не смог пройти через Казах-стан и вынужден был вернуться назад.

В этой войне казахи одержали убедительную победу. «Казахские ханы оказались сильнее ойратских тайчи», — пишут русские исследователи Средней Азии. Они отмечают, что казахи изгнали калмаков из насиженных мест, отогнав на восток до самой долины Кокунор.

Прихерно в 1570 году русский посол Д. Губин, посетивший Ногайскую Орду, в своем докладе царю Ивану Грозному сообщает: «Судя по информации, которую Ших-мамай-мурза получил из Ургенча, казахи намерены выступить против когйцев. Государь мой, говорят, что казахи — сильный народ, они подчинили себе калмаков, Ших-мамай, Юсул и другие мурзы сильно опасаются Казахской Орды». Словом, здесь ясно прослеживается намерение Казахского улуса продолжить политику, проводимую со времени Касым-хана, то есть после убедительной победы над Ойратским Союзом и усмирения северных и восточных окраин раздробить Ногайскую Орду и окончательно присоединить к себе.

Следующий известный факт о казахско-калмакской стычке приходится на 1585 год. В этом кровопролитном сражении погиб Узул Окты Огдан-султан, руководивший авангардом казахского войска. Но все же казахи выиграли эту битву.

Быстро набравший силы Тауекель хан на следующее лето, да и в последующие годы войну против Кухарского ханства переводит в новое русло, часто вторгается в пределы Мавэрэннахра, расширяя пространство своего влияния.

В этот период, видимо, между казахами и калмаками установилось затишье. О причинах создавшегося положения имеются противные сведения. Через десять лет после последнего сражения — в 1595 году — казахский посол в Москве Кул-Мухамед сказал обосновавшемуся в России Урлу Махамед-султану следующее: «В настоящее время твой старший брат Тауекель-хан полностью взял в свои руки Казахскую Орду, а младшего брата Ших-Мухамед-султана поставил правителем калмаков».

В дипломатических документах Тауекеля называют казахско-калмакским ханом. В одном из ответных писем российского царя Федора Ивановича Тауекель-хану есть такая строка: «До этого ваш улус был раздроблен, теперь же божьей милостью вы одновременно управляете двумя

Ордам — Казахской и Калмакской. То есть вышнее руководство российского государства не сомневается в том, что власть Тауекель-хана распространена и на Калмацкую Орду. В то же время оно дает секретное указание своему послу: конкретно выяснить полностью ли зависимы калмаки от Казахской Орды или в зависимости находятся лишь их некоторая часть.

Однако из-за того, что не сохранились полностью соответствующие документы, мы не знаем, с какими сведениями по этому поводу вернулось русское посольство. Если проанализировать другие источники, касающиеся Ойратского Союза того времени, документы о кочевом образе жизни калмаков, ареале расселения их родов, то можно сделать заключение, что поделасными казахам были роды торгоуты и дурбуты.

В 1587 году, когда началась война между восточными и западными монголами, то есть между Халхой и Ойратом, пять родов, входившие в состав Ойратского Союза, выставили 50 тысяч воинов, из них тридцать тысяч были из хошутов, две тысячи — из торгоутов, восемь тысяч из дурбутов; вообще-то, торгоуты в тот период составляли сорок тысяч воинов и могли они выставить сорокатысячную армию; могущественны были и дурбуты. Отсюда видно, что в указанной халха-ойратской войне основная часть торгоутов и дурбутов осталась вне ойратского объединения, не могла участвовать в восточной войне, так как находилась в составе Казахской Орды. Русский исследователь джунгарской истории Илья Зиятши не отрицает, что эти два рода действительно были зависимы от казахов. Он подчеркивает, что казахский хан Тауекель разбил ойратских тайчи, которые по течению реки Иртыш двинулись на северо-западную Сибирь.

Уже эти сведения ясно показывают соотношение сил Казахской Орды и Ойратского Союза. Но мы не знаем, насколько продлилось такое положение.

После московского посольства казахов в 1595 году не успело пройти три года, как Тауекель-хан во главе 90-тысячной армии выступил против Средней Азии. Были ли в составе этой армии калмаки или нет — как неизвестно. Но если даже допустить, что Калмацкий улус не дал Тауекель-хану никаких дружин, то все равно несомненным остается факт мирного сосуществования с Казахской Ордой.

Но мирный период длится только и при Есим Хане, в

начале XVI века вспыхнули старые противоречия, старые взаимные обиды с новой силой, начался новый этап в двухсотлетней ойратско-казахской войне.

Выселенные на прежних мест обитания ойратские племена за короткий время объединились вновь и в июле 1604 года чуть ли не всем миром выступили в поход против Казахской Орды. Но этот поход обернулся для них крупным поражением. В русских источниках того времени констатируется: «Казахская Орда нанесла сокрушительный удар калмакам, разгромив весь их улус, пленила женщин и детей, а самих истребили много, оставшихся в живых пустили по миру».

Отсеченная от основной массы часть торгоутов и дурбутов глубоко внедрилась в Западную Сибирь. В 1607 году они отправили послов к русским пограничным властям с просьбой защитить их от Казахской Орды и халха-монголов. Заявили, что если им будет разрешено кочевать в этих краях, то они готовы принести российское подданство.

Как показывают исторические факты, Есим-хан в союзе с халха-жавгальским Алтын-ханом вдвоем взяли в плен Ойратский улус.

Это время совпало с началом двадцатилетней казахско-бухарской войны. Основные силы Казахской Орды были направлены на Мавераннахр. Плате по всему миру примерно в 1614 году Катаган Турсун-хан на юге страны взял курс на самостоятельную политику. Оценив создавшуюся ситуацию, калмакские тайчи объединились и стали усиливать военные действия против Казахской Орды.

Судя по словам и оценкам послов, курсировавших между Москвой и Сибирскими властями, ойраты добились значительных успехов, заключают поздние русские историки.

В эту пору авангард калмакских родов форсировал Иртыш и Ишим, с боями достиг рек Жем и Яик и нанес грабительское поражение Шогайской Орде.

Весной 1616 года русские послы побывали в стране калмаков и принесли с собой весть о том, что казахи Старшего жуза и еврейские киргизы якобы признали власть ойратов. Если и случилось так, то это положение было временным. Ибо русский посол И. Савельев, побывавший на следующий год у дурбугетого Далай-тайчи убедился в том, что казахи и калмаки находятся на равном положении, живут в мире. Но и это было временным затишьем между битвами.

Когда Турсун-хан, обуреваемый мыслью о самостоятельности, но еще зависящий от центральной Орды, восстал на юге с Бухарой, Есим-хан заключил союз с Алтын-кагом халха-монголов Чудай-Убичи и вступил в упорную борьбу с ойратскими улусами.

В 1619 году летом ойраты, потерпев поражение на западе от казахов, на востоке — от халха, были вытеснены с насиженных мест.

Однако вскоре такие неистовые тайчи как Хара-Хула, Вайбагыс вновь объединили четыре улуса калмыков. Летом 1620 года они заключили перемирие с Казахской Ордой, которое оказалось лишь обманным маневром, и тут же влезали кавали на шею. На выручку дальних граничных улусов срочно выступили Есим-хан, ему удалось быстро отразить вероломное вторжение врагов; русские летописки того времени констатируют: «Хан Казахской Орды Есим нанес сокрушительное поражение калмакам, калмацкие тайчи попали в очень трудное положение».

Опущенная неудача постигла ойратов и на следующий год, они спаслись бегством, отступая до самых сибирских русских городов. В русских документах конкретно описывается о том, что Хара Хула, ставший самым верховным правителем Ойратского Союза, оказался в тяжелом положении, а весь калмацкий народ живет в страхе, в ожидании набега казахов.

Против наиболее влиятельные калмацкие улусы до устьев Итимы и Тобола, за Иртыш до самой Оби, Есим-хан теперь устремил свои взоры на юг. Победоносно завершив вторую бухарско-казахскую войну, укрепил границы Орды в этих краях. После этого он воздвиг отборные войска всех улусов, находящихся в составе Казахской Орды, и вновь выступает против калмаков.

В результате похода, совершенного в 1627 году, Высокорослый Храбрый Есим-хан нанес Ойратскому Союзу самое тяжелое во всей истории двухсотлетней войны поражение. Сила этого удара оказалась настолько великой, что Ойратский улус, объединенный под единым знаменем и превратившийся в грозную державу, распался. Воинственные торгауты численностью более двести тысяч человек были отечены от Ойратского Союза и вытеснены на запад.

А племена чорос и дурбут, и по численности, и по военной мощи превосходящие торгаутов, отступили к пределам прежней своей родины — Джунгарии.

Ханшаты же, в свое время претендовавшие на главенствующее положение всего ойрата, а теперь загнанные на своих землях, нередко потрепанные, подались в сторону Тибета.

Распад ипачарального Ойратского Союза в 1627—1628 годах можно назвать калмакским «антибав пубырынды».

Большая победа Казахской Орды открыла дорогу для установления своей власти во всех регионах Жетысу, Иртыша и Джунгария, а ойратской войне, длившейся до этого ровно сто лет, должна была быть поставлена окончательная точка. Однако именно в этот момент из-за предательски коварной политики Турсуун-хана из рода Каяганского в Казахской Орде развернулась страшная гражданская война. В результате братоубийственной резни погибла если не треть, то по крайней мере четвертая часть степов Алаша, способных носить оружие. Казахская Орда ослабила сама себя, бессмысленно проливая кровь братьев негативно отразилась на воинственном гордом духе Алаша. Этим прекрасно воспользовались ойраты, выигрывая время, они полностью справились от шока поражения, восстановили древние боевые традиции, растили и воспитывали новые поколения, вели поиск новых методов борьбы за будущее своего улуса.

После поражения 1627 года бегавшие на запад толпы стали беслоконить тамошних соседей. Вскоре они открыли войну против ногайцев, кочевывших в районах Яика и Волги, неоднократно одерживали внушительные победы над раздробленной, распавшейся Ногайской Ордой и за каких-то пятнадцать-двадцать лет полностью захватили их кочевья-владения. Так в самом сердце древней земли Золотой Орды образовалось новое калмакское ханство. Полностью разбив и изгнав из родных земель ногайцев, западные калмаки теперь ни протекании ста пятидесяти лет как дамклов меч висели над казахским народом, став весьма опасным врагом.

А джунгарские племена, вернувшись на свои восточные родные земли после поражения от Есим-хана, в свою очередь вытеснили ханга-монгольского Алтын-хана и в течение буквально десятка лет объединились в крепкий союз. Это были воинственные роды чорас, хашаут, дурбунт и хойит. Родилось новое калмакское государство Дурбунт-Ойрат или Джунгарское ханство, по своему могуществу

цанного превосходящее мощь первоначального Обиратского Сомба.

Объединение ойратских улусов и образование новой орды — естественный процесс, историческая закономерность. Ибо под даунгарским пародом, которого теснили с одной стороны казахи, с другой — халха-монголы, нависла угроза полного исчезновения. Тяжелые поражения обусловили необходимость объединения. Вдобавок, объявленный в 1616 году официальной религией ойратского народа ламизм к тому времени полностью был воспринят всеми людьми. То есть произошло слияние религиозного мировоззрения и национального самосознания. В итоге ойраты консолидировались в единый народ.

Осознав свою целостность, объективно оценив мощь страны, калмаки обратили внимание на то, что стало им тесно в нынешних владениях, и задалась целью расширить их, устремили свои взоры на соседей. Следовательно, вступление в беспощадную войну против Казахской Орды, которая имела самые тучные пастбища и уголья в Центральной Азии и стояла на пути к шумным базарам Мавэрэннахр, было жизненной потребностью для Дурбун-Ойрата.

Будь одна причина, способствовавшая разжиганию непримиримой войны, к этому времени ослабли восточные халха-монголы, на юге распался Моголистан, на севере на казахов хитро поглядывала Россия, на юге выжидала Букара, то есть у калмаков кроме казахов уже не было серьезных врагов.

ЖАПГЫР ВИДУШТЕЛЬНЫЙ

Говорят, что герои рождают эпоху и народ. В начале XVII века признанным лидером казахов был Высокорослым Храбрый Есэм-хал, а в ойратском народе — хогзут Байбагыс и хорас Хара-Хула-тайчи. Хотя они и соперничали между собой, но действовали сообща. Все же с течением времени все больше стал выделяться род хорас и в конце концов в период нелегких битв 20-х годов власть полностью переходит в руки Хара-Хулы. В 1634 году после смерти Хара Хулы троюк достался с благословения гябетского Далай-ламы и по желанию всего калмакского народа его старшему сыну Хото-Хоңчи Батуру, который под

именем Ердене-Батур хунтайджи был признан властелином страны ойратов.

Начало правления Ердене-Батур хунтайджи, то есть 1635 год считается годом образования Джунгарского государства.

С первых своих шагов Батур-хунтайджи стремится к объединению разрозненных ойратских родов и племен и всегда добивался своего или хитростью, или силой. Буквально за каких-то пять лет он установил в стране свою неограниченную власть. Главной целью поставил задачу уничтожения Казахской Орды.

В период, когда возрождался ойратский улус и образовалось Джунгарское государство, Казахская Орда еще испытывала глубокие раны, нанесенные монгоусобной гражданской войной. Но все же она оставалась сильней Дурбун Ойрата.

В этот период в событиях относительно внутреннего и внешнеполитического положения страны упоминается в основном только имя Жантпр-султана. В связи с этим в некоторых документах указывается, что Есим-хан вскоре после победы над Турсул-ханом — в 1628 году скончался. С таким утверждением соглашаются и поздние исследователи. Тогда выходит, что страна на протяжении пятнадцати-двадцати лет жила без хана? И почему Жантпр, ирновский народом, являющийся полководцем, отправлявший и другие отряды погоним, на власть которого, по всему видно, никто не посягал, называется не ханом, а просто султаном?

Оказывается, по другому и не могло быть. Судя по конкретным историческим документам, Есим-хан в это время был еще жив. В русских источниках 1635 года пишется: «Властитель Казахской Орды — Есим-хан, а его сын царевич Жантпр правит черными калмаками». А в ойратских источниках относительно 1643 года, точнее, в «Жизнесписании Зия-Пандиты» подчеркивается: «Батур-хунтайджи выступил в поход против Есим-хана». Однако в реальной жизни не чувствуется влияние Есим-хана, хотя вроде и возраст был не особо преклонный. Остается предположение, что после казаханской трагедии он тяжело заболел. Вроде есть человек, но в то же время и нет его. Другой причины тому, почему живой Есим-хан не занимается государственным делами, а подлинный правитель Жантпр не именуется ханом, мы не смогли найти.

Властный, жесткий Жантпр-султан ясно осознавал

опасность надвигающейся грозной бури. Поэтому он все силы, энергию и помыслы направил на служение одной главной цели — обеспечению безопасности родного народа.

В 1635 году, когда в своем рожденик заложило Джунгарское государство, Жангир-султан совместно с дурбутским Далый-тайчи, который был наполовину зависим от Казахской Орды, выступил в поход против торгоутского Хо-Ерлик-тайчи. В этой войне участвовали и часть хошаутов во главе с Хухделен-тайчи. Объединенные казахо-дурбутско-хошаутские войска нанесли сокрушительное поражение и вытеснили на запад торгоутов, которые до этого разбили погайцев, громилы башкиров и в результате полностью владели всеми землями вдоль Жема и Яниса. Это случилось в летние месяцы.

Не прошло и полгода, как сама Казахская Орда подверглась внезапному нашествию. В организованной хунтайджи Ердене-Батуром интервенции против калмаков образовалось одновременно два фронта: сам Батур вторгся с востока, а с запада напали влятвопреступники дурбутские Далый и Турген, а также хорас Кюйчи-тайчи.

«Черные калмаки всем миром выступили в поход против Казахской Орды, люди Казахской Орды выжили изнурены и состоялась большая битва. В конце концов победили черные калмаки, они взяли в плен сына Есима паровича Жангира», — написано в русских документах того времени.

Сколько пробыл в калмакском плену Жангир-султан и когда, каким образом был освобожден — нам неизвестно. Сохранился конкретный факт — осенью 1640 года Жангир, еще будучи султаном, отправляет посла к Батур-хунтайджи. Сводений о задачах и результатах посольства нет. Однако судя по последующим событиям, общий язык не был найден, между казахами и калмаками не было заключено какого-либо договора, удовлетворяющего обе стороны.

В том же 1640 году Батур-хунтайджи созвал в Тарбагатае всомонгольской курултай. В нем кроме четырех ойратов участвовали семь родов калма, торгоуты с берегов Волги. В итоге происходит объединение всего монгольско-го улуса, принимается «Цагджил бичиг» («Великий закон»), имевший огромное значение для будущего калмак-ойратов.

После курултая, в конце 1643 года, в лютовую зиму, Батур-хунтайджи, который к этому времени уже имел большой авторитет среди соплеменников, неограниченную

власть, объединив под красным знаменем с волосяной бахромой весь Джунгарский народ, вторгся в пределы Казахской Орды.

В этом завоевательном походе приняли участие все четыре улуса джунгарского Дурбуи-Ойрата, сын халха-монгольского Алтан хана Омбо Ердене тайчи прибыл во главе огромного войска, даже правитель вытесненных до Нолги торгаутов Хо Ерлик выставил специальную дружину. То есть дальние халха, ближние ойраты, в общей сложности подвинулись двенадцать улусов всего монгольского народа.

В исторической литературе указывается, что численность армии Батур-хунтайджи в этот раз составляла пятьдесят тысяч. Подвластные ему Абылай-тайчи и Очиргитайчи могли выставить по двадцать тысяч воинов каждый. Следовательно, единая армия всего монгольского народа, несомненно, значительно превышала вышеназванную цифру.

По русским источникам, Батур-хунтайджи вторгся в пределы алатауских киргизов и, перебив все население на пути, дошел до Токмака. В ту пору киргизский народ входил в Казахскую Орду. Получив весть о нашествии врага, Жангир-султан выступил навстречу. Немного позже, в конце кампании прибыл во главе двадцатитысячного войска правитель Самарканда Жалаврос. Следовательно, ойратско-казахская война на противостоянии двух ханств превратилась в большую тюркско-монгольскую войну.

В этой войне сколько воинов выставил владетель Казахской Орды Жангир султан — неизвестно. Но ясно одно, что на защиту Отганы поднялся весь алашский народ. Может, пятьдесят или восемьдесят, а, может, сто или сто пятьдесят тысяч воинов, в любом случае не меньше, чем у врага. Но самое главное, к этому периоду мудрый полководец, дальновидный политик Жангир-султан уже начал осваивать европейское огнестрельное оружие.

«У Жангир султана имеется 600 воинов, — пишет русский посол Г. Ильин, летом 1644 года побывавший в Джунгарии. Видно, на этом документе опираются «утверждения» поздних историков о том, что Жангир-султан выставил против Батур-хунтайджи всего шестьсот человек. Разве можно говорить о какой-либо мощи народа, который при нападении врага собрал лишь 600 солдат?! Как надо оценить действия правителя, сумевшего найти всего шестьсот джигитов в грозном улусе, который до этого носил

буквально со всем окружающим миром, выставляя армию за армией, одерживал внушительные победы? Не поддается никакой логике. Но шестьсот солдат, о которых говорит русский посол, оказывается, истина. Только это по численности всего войска Жангир-султана, а лишь его ян-дерная часть. То есть это было ударное подразделение, вооруженное огнестрельным оружием, огромного войска, руководимого Великим Казахом, которого в народе называли Салтам Жангиром (буквально, грозный, внушительный). Шестьсот воинов с ружьями!

В свое время Тауенель бахадур-хал после падения Сибирского ханства сильно заинтересовался и мечтал иметь у себя копье вооружение нового времени — ружья, извергающие огонь и свинец, пробивающие любые кольчуги и пикеты; пушки, далеко бросающие чугунные ядра в своем громовым грохотом наводящие ужас на противника. Именно эту главную цель преследовали взаимоотношения с Москвой в 1594—1595 годах. Однако нет сведений о том, что казахи использовали огнестрельное оружие после Тауеняла в двадцатипятилетней Второй казахско-бухарской войне, а также в битвах с калмыками в первой четверти XVII века. А то, что в обратско-казахской войне в 1643—1644 годах Салтам Жангир имел специальное подразделение с огнестрельным оружием, это исключительное событие в военном искусстве не только Казахской Орды, но и всей Центральной Азии.

Превосходно вооруженный Жангир-султан и на поле боя применял новые, передовые приемы. По словам русского посла Г. Ильина и по другим русским документам того периода, Жангир приказал выкопать на пути врага, в узком ущелье траншею и посадил в нее «триста своих людей с ружьями», остальных триста оставил в засаде. «Когда хунтайджи подошел близко, сидящие в траншее уничтожили многих его людей», — конкретно свидетельствуют эти исторические документы. Как только из траншеи открыли огонь, к ним присоединились с флангов сидящие в засаде. Враги, по сути дела еще не вступившие в рукопашную, но уже потерявшего изрядно своих людей, охваченная паникой, в это время ему с тыла ударил сам Жангир.

В летописи сибирского воеводства Россия отмечено: «В двух битвах Жангир уничтожил более десяти тысяч воинов хунтайджи». После двух поражений казахам на помощь подошла свежая сила — двадцатитысячное войско

во главе с Жалаyntос-бием. Не вступив в третье сражение, Батур-хунтайджи бежал.

По русским источникам, хунтайджи вернулся в свою орду после Ильяна дня, то есть после 20 июля, видимо, в начале августа. Это говорит о том, что решающая битва между Жаншир-султаном и Батур-хунтайджи произошла в середине лета. Следовательно, объединенный халха ойратский поход, начавшись в конце 1643 года, продолжался всю зиму и с наступлением теплых дней перерос в жестокую войну.

Как указано выше, установившаяся по сей день в исторической литературе ложная стереотипная, несправедливая и запущенная традиция необходимо давать новое толкование на основе конкретных, неопровержимых фактов, документов.

Во-первых, война между Казахской Ордой во главе с Жаншир-султаном и объединенными халха ойратами — не внезапное, кратковременное вторжение Батур-хунтайджи, как утверждают наши историки и писатели, а глубоко продуманный, широкомащтабный, многомесячный поход, в которой обе стороны мобилизовали все силы и возможности.

Во-вторых, утверждение о том, что Жаншир-султан победил пятидесятитысячную армию калмаков отрядом в шестьсот человек, — не более чем детский испуг, неграмотно-полюбовная фантастика. Шестьсот человек, обеспечившие Салкам Жанширу великую победу, — всего лишь небольшая часть казахской армии, ударная сила, вооруженная мощным боевым средством того времени — огнестрельными ружьями, поражающими противника свинцовыми пулями.

В-третьих, прибытие на помощь двадцатитысячного войска под предводительством Жалаyntос-бия в тот момент, когда Батур-хунтайджи уже потерял более десяти тысяч сарбатов и был в шоке от невиданного доселе огнестрельного оружия, — было не решающим фактором полугодовой кровопролитной войны, а просто заключительным ее аккордом. «При виде свежего войска хунтайджи отступил», — подчеркивает Г. Ильин, который слышал рассказы о войне из уст калмаков.

Конечно, огромно вклад Жалаyntос-бия на роде влиши, верного союзнического договору, пославшего во главе бухарского войска на выручку единокровным братьям; заслуживает уважения и подвиг киргизского народа во главе с Тигес-бием, с первых дней войны горевшего лишения и горести; однако все трудности войны против халха-ойратских завоевателей в 1643—1644 годы легли на плечи

сынов Алаша, закаленных в непрерывных битвах в последние десять, двадцать, тридцать лет, а организатором слабой победы был доблестный полководец Салкам Жинсар, которого можно сравнить с Тауекель бахатур-ханом, Бескороксылым-Храбрым Еским-ханом на средневековой истории, с Абылай-ханом на более поздней эпохи.

Может, это и не столь важно, но следует учесть еще одно невыясненное до конца обстоятельство — это место решающей битвы. Наши историки до этого считали, что она произошла у джунгарских ворот, через которые несколько веков проходили караваны всех народов. В последние годы стала называться местность Орбулак в районе Кокжета — Джунгарского Алатау. Вообще-то, если искать наиболее верхнюю дорогу, соединявшую в те времена казахские и килманские земли, вероятное узкое ущелье, то мы бы указали на перевал Талки, по которому можно попасть из Сайрам-вора на Или. Но мы должны опираться не на легенды и догадки, а на конкретные факты, которые указывают на то, что основные действия происходили на киргизской земле. И первым вражеский удар привели на себя не казахские аулы, а киргизские аулы. «Хунтайджи разгромил два улуса киргизов, взял в плен десять тысяч человек», — говорится в письменных источниках. Жантурсултан собрал войско и ринулся на помощь киргизам — одному из подвластных ему шести алашей. Нет сведений о том, что начавшись у гор Алатау война затем перенеслась в другое место. И даже тот факт, что бухарское войско подоспело вовремя, в нужный момент, говорит о ведении боевых действий не на дальней окраине Казахстана, а вблизи Манерсагнахра, на территории нынешней Киргизской Республики.

Конечно, глубокое изучение казахской истории — дело будущего. Нет сомнения в том, что со временем увидят свет доселе неизвестные груды архаичных и незнакомых летописцев по истории Центральной Азии, а вслед за ними в научный оборот войдет множество новых фактов, которые значительно расширят наше мировоззрение, откроют новые направления. Пока же нам известна одна истица — Салкам Жантурсултан в великой битве в 1843—1844 гг. добился решающей победы.

Разгром объединенной ханско-ойратской армии явился одним из самых славных событий в истории Казахской Орды. В 1993 году в нашей республике, которая всего полтора года назад обрела независимость, было широко отме-

чено 350-летие этой великой победы. Народ по достоинству отдал дань памяти славным деяниям своих предков, высоко был поднят дух нации. Празднование знаменательного юбилея еще раз показало, что мы взяли твердый курс на возрождение и приумножение героической традиции прошлого, укрепление государственной суверенности.

Значительней в 1643—1644 гг. Киргизский улус вел ожесточенную борьбу за независимость под предводительством Тлес бия; через семь-восемь месяцев непрерывных кровопролитных сражений постепенно стало проявляться преимущество Казахской Орды и тут встали подошло узбекско-бухарское войско во главе с Жалавтом бием, в итоге казахско-киргизско-узбекский союз вышел победителем в войне с ханом ойратскими завоевателями. Это событие повествовало миру о мощи тюркского единства, о перспективности такого единения.

Успешно отразив нашествие ближнего врага, Салтам Жантвр осенью того же 1644 года активно включился в немалое грандиозную войну между Бухарским ханством и империей Великих Моголов. Это было время наибольшего расцвета Великой Могольской империи, период правления Шах-Жахан-падшаха, объединившего весь Индостанский полуостров. Салтам Жантвр выделил бухарскому Надир-Мухамед-хану сто тысяч воинов.

«Хан собрал всех биев и вождиев узбекского народа и провел великой курултай. — вылет видный историк того времени Божамулла-бек Балхи. — Они долго совещались, строили планы и, наконец, сошлись на мнение, что без помощи казахов невозможно быть преградой надвигающейся черной буре. Посоветовавшись между собой, казахи решили оказывать помощь».

Таким образом, Надир-Мухамед-хан во главе своих иранских сарбазов вторгся в пределы Балхского улуса, одновременно огромная армия его старшего сына Абдул-Азиз-султана, который командовали казахские полководцы, а также Жалавтом-итильик и Бекотлы бий из рода кланов, направили на Афганистан. «Двести тысяч кровопролитных узбекских и казахских воинов пересекли реку Жайхун и направились в сторону Герата», — пишет историк.

Шах Жахан захватил город Балх. Предводителем Великой Могольской армии был наследник и будущий импе-

шах Аурумтаб. Он ждал врага на расстоянии семи километров, то есть четырнадцать километров от города.

Когда обе армии сближались до трех километров, союзное узбекско-казахско-иранское войско сделало остановку. «Под покровом ночи обе стороны провели разведку», — говорит историк.

С восходом солнца завязалась грандиозная битва. «Упорная сеча длилась пятьдесят дней. Обе стороны бились славно. Из трупов образовывались горы. Кизилось, наступил конец света», — подчеркивает историк, беседовавший со свидетелями этих событий «с глазу на глаз».

«Джагатайское войско с каждым днем усиливало натиск. Приближались зимние холода. Видя такое положение, Шах Жахан задумал не счесть возможным вести дальнейшие боевые действия. Он приказал сдать регион под власть Надир-Мухамед-хана и отступить», — констатирует историк.

Если глядеть формулировки летописца, либо символизировать Могольской династии, перевести на четкий, конкретный язык, то получается, что всемогущий Шах Жахан-надинх, потерпев поражение от союзной узбекско-казахской армии, был вынужден оставить Балхский уланат.

Анализируя ход войны между двумя великими империями Азии, можно убедиться в том, что в самый кульминационный момент казахи сыграли не вспомогательную, а решающую роль. «В результате нашествия казахов чуть не был уничтожен Мавереннахр и Балх», — утверждает историк Кожамкули бек из Балха, проживший всю жизнь в Пенджабе, на территории империи Великих Моголов.

* * *

Казахская Орда добилась значительного влияния не только в Центральной Азии, в соседних с ней краях, во внутренней и внешнеполитической жизни грозных государств огромного континента, буквально до этого ласкали весьма ощутимое поражение своему самому опасному соседу — Обратскому Союзу, но несмотря на это восточные границы оставались самыми ненадежными и опасными.

Потерявший несметное количество своих воилов, успешный взорок поражения и бессильным гневом, обуреваемый жаждой мести Батур-хунтайжка по возвращению в Джунгарию начал готовиться к новой войне. С еврейскими киргизов собирал боевых коней, организовал заку-

ку в Кузнецком уезде, принадлежащем России, оружием, доспехов, выступила с обращением ко всему ойратскому народу выступить весной 1645 года воиным походом против казахов.

Но, видимо, в назначенное время поход не состоялся. За каких-то десять месяцев, конечно, ойраты просто не в состоянии были подготовиться к войне. Но что интересно, очередная стычка произошла не с казахами, а среди самих калмаков.

Хунделеи-тайчи из рода хошаут, который обитал на территории Казахстана, вдоль рек Жем и Иртыз, в свое время не принимал участия в великом походе Батур-хунтайджи. В русских документах того времени говорится: «Хунделеи-тайчи свит за Янгира и называет его своим сыном». Что значит «названный сын»? Возможно, Жангир-султан родился от какой-нибудь сестры Хунделеи и является крестным родственником его. Ведь у многих известных сынов Аманда, как свидетельствует древняя казахская история, матери были калмачками.

Но как бы там ни было, опытный, старый воин Хунделеи-тайчи, заключая союз с казахами, стремился к созданию самостоятельного ханства как Батур и Джунгария, Хо-Ёрдики на Волге. В этой связи у него с Батур-хунтайджи возникает непримиримое противостояние. Хунделеи-тайчи первым начал боевые действия, он поднял всех хошаутов и дурбутов с берегов Иртыза, Жема и Ойла, способный пошить оружие и объявил войну Джунгарии.

Битва между двумя враждующими калмакскими улусами произошла весной 1646 года в верховьях рек Карагал - в Коксу. Хунделеи-тайчи потерпел поражение и отступил.

Похоже, что казахи не остались в стороне от этого события и пытались помочь своему союзнику Хунделеи. Однако политика интригования одних калмаков на других не дала желаемых результатов.

Оправившись от удара казахов летом 1644 года, тяжелого джута следующей зимой, последующей междоусобной войны внутри страны, Батур-хунтайджи вновь стал набирать силы и в 1652 году выступил в новый поход на Казахскую Орду.

Про этот поход, каковы его конкретные результаты, не сохранилось никакой информации. Молчат русские источники, а в калмакских лишь сообщается, что была такая война и все.

Анализ нашей средневековой истории, сведений о казахак, сохранившихся в архивных фондах соседей показывает, что все они собраны в ходе обмена посольствами, торговых взаимоотношений, основаны на упомянутых фактах. Эти соседи, когда дело касается их самих, естественно, подмечают эмпирически, подмечают лишь выгодные нюансы. Например, в известном калмакском историческом памятнике, написанном в 1690 году, — «Жизнеописание Зай-Пандиты» — о кровопролитной войне 1643—1644 годов, когда Батур-хунтайджил потерпел серьезное поражение, просто вскользь упоминается, что ойраты совершили поход против казахского Есим-хана. И все, больше ни слова.

О войне 1652 года тоже констатируется аналогичным образом, похода. Такая книга, как «Жизнеописание Зай-Пандиты», широко пропагандировавшая дух национализма в истории монгольских народов, наверняка бы рассказала все подробности победы Батур хунтайджи, если бы таковая была. Но этого нет. Следовательно, напрашивается вывод, что ойратов в на сей раз постигла неудача. Но казахские летописки-истории под этим фактом особо не лемяют головы, согласно марксистской теории, казахи должны обязательно терпеть поражение в точна. Хотя русские ученые, исследовавшие калмакскую историю, не утверждают об этом, но наши горе-писатели единодушно, рабски кивают головами: «Казахи проиграли, проиграли казахи!»

Повторяем, в калмакских источниках нет сведений о том, что они победили казахов. В «Жизнеописание Зай-Пандиты» написано кратко: «В том году зимой Чешен-хан завоевал бурутово». Здесь конкретный факт — зимой 1652 года Очирти-Чешен-хан на роде кошант побил киргизов. Но его временная власть ограничилась лишь одним-двумя родами. Других каких-либо свидетельств о том, что киргизы именно в этот период стали зависимыми от калмаков, нет.

Самый существенный результат очередной ойратско-казахской войны — это гибель доблестного Салкам Жангира в жестокой битве в том же 1652 году. Пусть это не прозвучит кощунственно, но для нас было бы выгодно, если полегла половина армии Казахской Орды, но в живых остался бы Жангир-хан.

В истории Казахской Орды до Салкам Жангира правили тринадцать ханов. Шесть из них погибли на поле бра-

ви. Салкам Жангир был четырнадцатым ханом Орды и седьмым ханом, отдавшим свою жизнь за Отецзиду как истинный воин, в бою. Но гибель доблестного Салкам Жангира — самая тяжелая утрата за всю четырехсотлетнюю историю Казахской Орды.

С гибелью Салкам Жангира для сынов Алаша наступили черные дни несвезия, сдвигнутая полоса неудач. На самом ответственном, поворотном моменте истории Казахская Орда лишилась великого полководца, прозорливого вождя. Проживши Жангир-хан хотя бы еще лет десять, в Казахской Орде не только военная структура, но и экономическая, хозяйственная жизнь приобрела бы совершенно другой характер. Он твердо придерживался принципов своего отца Есим хана, прекрасно понимал цели и задачи, которые ставил перед собой и Отечеством: дады по отцу Тауекель-хан, и сам начал вводить в казахской армии, по словам русских очевидцев, «воинственный бой» — огнестрельное оружие; таким образом, вывел бы свою страну, как лев Ирана шах Аббас, на соответствующее ее географическому положению достойное место на континенте. Увы, судьба распорядилась по-своему...

Выражая бесконечное уважение памяти святого Салкам Жангира, мы должны исполнить свой долг и перед историей — то есть опровергнуть бытовавшее до сих пор ложное утверждение относительно обстоятельств его гибели.

В «Жизнеописании Зая-Паандита» написано: «В этой войне сын Ошуртчи-Чешен-хана семнадцатилетний Галдама отличился особым геройством, убил в поединке Жангир-хана». Поздние русские историки полностью принимают этот факт, не сомневаются и казахские исследователи. Некоторые превратили Галдаму в Калдама, Ессы и также шисаки, которые художественно оформили, «отшлифовали» эту неблизкую, удлиняя поединок Калдана и Жангира до полудня. Словом, во всей исторической науке укоренилось мнение, что Жангир-хан погиб в поединке.

Разумеется, во все времена выйти победителем в единоборстве — огромная честь, великий подвиг и авторитет. В то же время выйти смертью в поединке тоже не зря. Все дело заключается в том, кому, как говорится улыбнется счастье. Погибнуть в поединке считалось делом святым, достойным. Однако, несомненно, что смерть Жангир-хана наступила совершенно в других условиях.

В какой истории, в какой войне видно, чтобы хан, пра-

воитель или другой помазанник бога выходил на повдник? Тем более, не с равным себе ханом, как бывает в сказках, а с юным сыном рядового тайчи. Перед близкой, по древней традиции, вперед вырываются наиболее отчаянные, смелые батыры и вступают один на один в смертельный бой. Логично ли допускать, что противник еще неизвестного данго в своем народе калмакского мальчишки казаки не могли найти какого-то джигита для повдника? Нет же, все поверили живым словам врага и в результате второй раз, десятый, сотый раз умерли от доблестного Салкам Жангира.

А кто такой Галдама на самом деле? Он — сын Очирти-Чешен-хана, второго лица после хунтайджи во всем Дурбун-Ойрато того времени; внук Байбагыс-хана, лет двадцати-тридцати до этого претендовавшего на калмацкий трон; родственник Зая-Панды, духовного вождя всего халха-ойратского народа. Династия Байбагысы еще имела виды на Дурбун-Ойратский престол, хотя по званию она была на ступень ниже, но по своему могуществу не уступала хунтайджи. Любимый наследник этой династии юный Галдама был надеждой всех, его прозвали в будущего владельца короны, о его доброте, отваге, особенно мудрости и заботе об единстве ойратского народа родственники распространяли много историй: разумеется, любимчик своей среды Галдама не рядовой смертный и не из робкого десятка, но он упоминается главным образом как член святой семьи отца Очирти-Чешен-хана, а так в калмацкой истории он практически не оставил никакого следа. Он погиб в 1677 году в междоусобной битве калмаков, когда разгрому подвергались владения его отца. Причем смерть пришла от рук не врага, а соотечественника. Закончил жизнь бесславно.

Салкам Жангир брался за оружие только во имя будущего своего народа. И жизнь его оборвалась на поле боя. Может, коньчугу пробила стрела или палец был проткнут копьём, а, может, шлем не выдержал удара правой сабли. Может, несколько копий и сабель поразили одновременно, кто знает... В смертельной схватке, когда глаза озверевших и обезумевших людей застилают пот и кровь, а рассудком правит лишь один инстинкт — убивать, в этом адском столкновении бессмысленно выяснять, кто кем был убит. Батыр гибнет от рук врага, гонимый калахи. Найти смерть в бою с врагом — достойный финал для воина. Жангир пал от рук врага. Калмака, конкретизирует народ.

после предание. В этом понятии кроме горести есть и почет и гордость.

Большое сражение 1652 года, в котором погиб Салтам Жашгыр, закончилось победой его армии. Тело легендарного хана его воины вынесли из поля боя, затем оно было перевезено в столицу Казахской Орды Туркестан и с соответствующими почестями предано земле возле Аарет Султана. От завоеванного на могиле мазара с куполом с течением столетий не осталось и следа. И сейчас никто не может точно указать, где, на каком именно квадрате лежат останки доблестного Жашгыр-хана, отдавшего свою жизнь в буквальном смысле слова за родной народ.

ПЕРИОД КРИЗИСА

Последние тридцать лет после гибели Салтам Жашгыр-хана, а точнее, время с 1652 по 1681 год, — самый темный период в более чем трехвековой истории великой Казахской Орды. В эти годы у власти стоял Бахадур-хан, хотя этот факт нуждается в уточнении. В 1676—1680 годы казахи участвовали в междоусобной войне братьев Абдул-Азиз-хана и Субхадгули-хана за бухарский трон. О других каких-то особых событиях сведения не попадают. Видимо, период был спокойным, прошел в мире и достатке. Однако несомненно одно: именно в этот период Казахская Орда неумолимо шагнула в сторону своей будущей тяжелой судьбы.

Казалось бы, все должно быть наоборот. Исторические условия складывались вроде благоприятные.

В 1653 году ушел в иной мир основатель Джунгарского государства Батур-хунтайджи, который способствовал принятию всем монгольским народом завета «Великий бичиг» и открыл дорогу к единству, силе, новой жизни. Халха-ойратский народ с соответствующими почестями предал земле своего великого сына.

Власть в Джунгарском ханстве перешла к одному из средних сыновей Батура Сенте. Но он не сумел удержать ее. Поздние историки утверждают, что ему даже не был пожалован титул хунтайджи и он фактически не правил всем ойратским улусом. Но все же видно, что Дурбуц-Ойрат данце при Сенте набирал мощь, укреплялся.

В этот период между кари-калмаками и куба-калмаками, то есть между ойратами и зависимыми от них алтай-

скими тюркскими племенами происходили затисные и кровопролитные войны, и наконец, примерно в 1158 году победу одерживают кара-калмаки. Алтайские тюрки были включены в состав Ойратского государства и теперь должны были не только платить дань как раньше, а и выстаивать воинские дружины.

В 1666—1667 годы Сенте выступил против халха-монголов и окончательно разгромил владения Алтан-хана. В результате этой халха-ойратской войны в состав Ойратского Союза вошли и Енисейские киргизы, которые до этого находились в подданстве у хана восточных монголов Туузана.

Отныне вся судьба алтайских и енисейских тюркских племен, оставшихся вне влияния мусульманской религии и поэтому считавших себя чужими для западных тюрков, была связана с Дурбун-Ойратом. С этого времени в войне против Казахской Орды куба-калмаки (алтайские и енисейские) всегда выступали вместе с кара-калмаками.

После смерти Багур-хунтайджи внутренние противоречия, раздражающие ойратский народ, переходят в открытые вооруженные столкновения. Самые большие стычки происходят между кошаутскими тайчи братьями Абылаем и Очирти. К каждому из них стали присоединяться другие роды и отдельные тайчи, в итоге вся Джунгария разделилась на двое. В битве на реке Ежель в 1681 году с обеих сторон участвовало по тридцать тысяч воинов. Уставшие от междоусобицы, от бескончаемой смуты отдельные племена стали покидать Джунгарию, так, в 1683 году большая часть кошаутов и дурбутов — около двадцати тысяч семей — вышли из Ойратского Союза и переместились к волжским торгоутам. В последующие годы несмотря на огромное расстояние не прекращались войны между волжскими и джунгарскими калмаками, которые и местили друг другу, и захватывали добро друг у друга, стремясь нажиться на этом.

Словом, Джунгарское ханство, в свое время объединившее Багур-хунтайджи под одним стягом и даже сделавшее первые шаги к всемонгольскому единению, теперь переживало период разброда и шатаiania.

Именно в этот период Казахская Орда могла бы окончательно разгромить Дурбун-Ойрат и обеспечить мир на восточных границах — по крайней мере на ближайших лет 50—60. К сожалению, лидеры улусы не подумали об этом. Полностью заглухло доброе начинание — оснащение армия европейским огнестрельным оружием, — у истоков которо-

го стоял Есим-хан, бурное развитие которого получило при Силваж Жаягыре.

Сменились поколения, стали тускнеть древние боевые традиции воинственных казахов. В такую пору спокойствия, всеобщего благополучия на арену общественно-политической жизни выдвинулись не полководцы-султаны или отважные битыры как раньше, а стоявшие у власти бии и бай — владельцы тучных стад скота, табунов лошадей.

Таким образом, в течение мирных тридцати лет внешне цветущая, самодовольная Казахская Орда постепенно превратилась в рыхлую, слабеющую структуру.

В это время Россия, ставшая полновластным хозяином громадного пространства от Уральских гор до Тихого океана, усиленно строила крепостные укрепления вдоль всей протяженной границы с Казахской Ордой. В 1649 году на Дальнем Востоке начался бурный подъем ханчжурского народа, который вскоре охватили весь Китай. А кровный враг Казахской Орды Дурбун Ойрат теперь стал свободно набирать мощь, вступил в героическую полосу своей истории.

Первым открыл ворота славы и стал сеять вокруг смерть Галдан-Болухты-хан. В конце 1670 года хунтайджи Сенге убил в борьбе за власть родные старшие братья. Но и у них жизнь оказалась короткой. Младший брат Сенге Галдан срочно обратился за поддержкой к казахам и с их помощью истребил всех родственников, затем, приняв имя Галдан-Болухты, занял Ойратский трон.

Родился он в 1645 году, воспитывался в Тибете и до двадцати пяти лет был на религиозной службе. Добившись верховной власти, Галдан-Болухты с первых дней развернул борьбу за объединение всего халха-ойратского народа, за восстановление великого монгольского государства. Сначала он усмирив саму Джунгария. Покорил близлежащие родные, лишил власти младшего брата своего отца Чокур-Убачи; разгромил улус Отирти-Чешел-хана, который в последние сорок лет был инициатором всех смут в Ойрате, убил его самого и всех родственников, захватил все его владения; таким образом, стал властителем всей Джунгарии. Обменялся послами с Китаем, устанавливая мирные взаимоотношения с Россией, организовав торговые и другие сношения. Обновил и дополнил «Сводной закон», сформированный своим отцом Батур хунтайджи. Залаялся оснащением ойратского войска огнестрельным оружием.

После того, как стал полновластным правителем Динугарки, Галдан-Бошукты хан в 1678—1679 гг. завоевал Восточный Туркестан. Разрозненные тюркские улусы этого края, занятые в основном междоусобной грызней амбициозных правителей, не могли оказать серьезного сопротивления захватчикам.

Исследователи ойратской истории подчеркивают особое внимание, которое Галдан-Бошукты уделял внешней разведке. Шпионы и осведомители хунтайджи постоянно информировали его о внутреннем положении Казахской Орды.

В 1681 году, в год курьезы, начался новый этап в двухсотлетней войне между казахами и калмаками. Следует отметить, что, начиная с этого момента в течение семидесяти лет казахи постоянно терпели поражения, теряли людей, земли и в конце концов нависла реальная угроза исчезновения целого народа с лица земли.

Уже первый поход калмаков в 1681 году показал, какой мощью обладает Ойратский улус и каков опасность грозит Казахской Орде. Поход возглавлял сам Галдан-Бошукты-хан; сметая все на своем пути, калмаки прошли через Жетысу, преодолели Чу и Талас, достигли Арыса и окружили казахскую крепость Сайрам. Разумеется, этому предшествовали многочисленные битвы, однако фортуна была не на стороне казахов.

Хотя попал в железные клетцы, сильноукрепленный Сайрам устоял. Галдан-Бошукты и эмире был вынужден отступить, чтобы дожидаться лета на берегах Или; зимой силы готовились к решительной битве.

Следующий год — год собачья — прошел в непрерывной, равной борьбе. Все сражения 1683 года, года собаки, также прошли под Сайрамом.

Наконец, летом 1684 года племянник Галдана, внук Батур-хунтайджи Цеван-Рагдан захватил Сайрам. Город был разрушен, население истреблено, валь оставшихся и живых в плен, с огромными трофеями враг вернулся в Динугарию. Весь жетысуский край остался под властью калмаков. Видимо, в последующие годы в сражениях участвовала лишь десятая часть ойратской армии. Не случайно, что в решающей битве поход возглавлял не сам хунтайджи, а сын его старшего брата.

Галдан-Бошукты вовремя уловил момент, когда слабость положения Казахской Орды была налицо, и ограничился лишь захватом Жетысу, которое никогда в история

не уходило из-под тюркского капыля, являлось самым благодатным краем Казахской Орды. Если бы он собрал все силы в единый кулак и ударил, то завоевал бы за три-четыре года весь Юг, тогда «слихия годия!» («Актабан-шубырынды») пришла бы на казахские земли уже в 1880-е годы, а не через сотни лет, как случилось на самом деле.

Впоследствии китайский еженхан Сюань Е, упитчонживший Галдан-Бошукты, в своих записках отмечал: «Мы лет двадцать собирали тайные сведения о Галдане. По мнению полководца Чан Юна, у него крутой характер, но перепитчельный; любит вино и женщин; гордый, самолюбивый, упрямый, коварный; не думает о последствиях содеянного. Подтверждает, что все это было учтено в войне против него. Галдан-Бошукты-хал считал казахов вторым, даже третьестепенным народом, который можно легко разгромить в любое время, поэтому свои взоры устремил на восток.

В эту пору в Китае, который назывался по-древнему Чин-манши, по древнетюркскому — Табгач, позднее у казахов — Шуршут, происходили великие перемены.

После того, как в 1644 году к власти пришла воинственная династия Маньчжур-Цинов, в Китайской империи возродилась древняя тысячелетняя политика; государственная, национальная идеология о том, что сын неба еженхан должен править половиной мира, стала наполняться конкретным содержанием. Поднебесная империя встала на путь открытой милитаризации. Хотя Галдан-Бошукты-хал знал, что Китай — великая держава с огромным населением и богатством, он недооценил его военную мощь и ловкую эпоху, считал, что именно в этот момент решится судьба монгольского народа, и одержимый мыслью о возрождении великой монгольской государственности он сделал шаг навстречу смертельной опасности; в 1686 году совершил очередной победоносный поход на казахов, затем с благословения тибетского далай-ламы в 1687 году перевосит свою столицу на Халху.

Именно в это время Казахская Орда, собрав свои силы, перешла в мощное контрнаступление. Не знавший до этого поражения Галдан-Бошукты в 1689 году получил сокрушительный удар. Судя по русским источникам, относительно истории Восточной Сибири, потери калмацкого войска были огромные. Однако упрямый Галдан уже полностью был «заражен» идеей овладения всей Халхой, поэтому он ограничился отражением наступающих казахов и,

восполнив людские потери за счет енисейских эрхизов, начал завоевание древних владений династии Алтын-ханов.

Хотя междоусобица в Халхе закончилась в пользу Галдана, политическое положение в стране не улучшилось, многие тайчи не признали его как всемогущего правителя. В этот период, в 1689 году Россия и Китай заключили в Нерчинске договор о сферах влияния, о будущих колониальных владениях. Однако существовали два больших феодально-кочевых государства, прибрать которые к рукам было не просто, — Казанская Орда и Дурбун-Ойрат. Казанская Орда пока далека от Китая и должна отойти к России, а страну калмаков хотя и граничит на севере с Россией, следует передать Китаю. Почувствовав опасность, Галдан обратился к русскому правительству за военной помощью, с предложением о заключении союза, но все это осталось без ответа.

Изучив положение дел в Халхе, эженхан Сюань Б снарядил большое войско из числа маньчжур, китайцев, внутренних монголов и выступил в поход. Напрямую двинулся Галдан-Бошукты-хан. Первое крупное сражение между ойратскими и китайскими армиями произошло 24 июля 1689 года на земле восточных монголов, недалеко от реки Ульхун и озера Сологой.

Буквально за день до этого в ставку Галдана приехал русский посол Г. Кибирев, который оставил о сражении конкретные факты. «Калмакский хан Бошукты до единого истребил войско богдыхана», — пишет Г. Кибирев.

Предводитель потерпевшего поражение далайского войска маньчжур Арани в своем доносении богдыхану не скрывает правду. Наряду с этим в записках Арани приводятся весьма ценные факты о мощи, вооружении, методах ведения боя ойратской армии.

Китайцы заметили ойратский стан на восходе солнца и предприняли внезапное нападение, надеясь таким образом поселить запани в среде отдыхавшего войска. Однако авангард нападавших был быстро отброшен и вынужден бежать. Для того, чтобы остановить отступающих, навести порядок и организовать новое наступление, основные силы китайцев были вынуждены тоже отойти назад. «В это время, — пишет Арани, — одеты расположили свое войско в два ряда в виде полумесяца. Когда в атаку выступила вторая линия наших солдат, на нее буквально обрушился град пуль из мелких ружей и она была вынуждена отсту-

пять. Перед днём, объединившись с халхой, начала повторную атаку. Но против огнестрельного оружия были бессильны все, считала победами халха, затем — основные силы. А одютеких воинов все прибывало, они спускались с гор и гасили нас с обеих флангов. Сопротивиться дальше не было возможности, поэтому нам оставалось только отступить».

Из этого документа предельно четко вырисовывается картина боя. Несмотря на то, что нападение случилось под утро, неожиданно, дозорная дружина организованно, быстро отразила удар врага, не ожидавшего такого поворота дела. Когда затрубили тревогу и воины оказались на полях, Галдан применил единственно приемлемую в сложившихся условиях тактику. По первому же сигналу обученные, дисциплинированные ойратские солдаты, выходящие в лощине, расположились в два ряда на склонах холмов с обеих сторон, а основная сила войска, чуть отступив, также остановилась на возвышенности. То есть, был создан крепкий рубеж в виде молодого полумесяца или подковы. Нападавшие китайские воины так или иначе оказывались в середине и подвергались ураганному обстрелу с трех сторон. Так захлебнулись обе атаки, с которых пишет Араня. Последний раз солдаты, засевшие на склонах холмов с обеих сторон, стали спускаться, чтобы окружить и уничтожить метавшихся в панике, обессиленных китайцев. Но наблюдавший за ходом битвы Араня в это же время дал приказ своим войскам отступить.

Однако, по словам русского посла Г. Кибирева, нейтрального человека в этой войне, лишь незначительная часть китайцев не попала в окружение и спаслась. А как утверждали калмацкие послы, через год побывавшие в российских пределах, китайское войско было уничтожено полностью, удалось спастись только единицам.

По свидетельству конкретных исторических документов, в этой первой калмацко-китайской битве участвовало двадцать тысяч солдат Галдан-Номухты хава. Численность маньчжурско-цинско-халхинской армии под предводительством Араня также составляла двадцать тысяч. В этот период главным вооружением китайцев было огнестрельное оружие. По сравнению с противником у них ружей было больше. Следовательно, в этом кровопролитном сражении, длящемся с восхода солнца до вечера, победила тактика ведения боя ойратами, несмотря на превосходство в вооружении противника.

В многотысячной истории Китая особое значение всегда придавалось военному искусству, написаны сотни трудов по военному делу, приемам ведения боевых действий в самых различных условиях; китайские полководцы, в том числе и те, которые жили в описываемый нами период, учились военной стратегии и тактике не только на конкретных опытах, но и по сложившейся, систематизированной теории. Все же Галдан всецело превзошел Ариша — одного из лучших полководцев Маньчжурско-Цинской империи.

Если проследить все великие битвы, описанные в древней истории, то действия Галдан-Бошукты-хана в Ологе можно было бы сравнить с Каннской битвой карфагенского полководца Ганнибала. В этой битве Ганнибал использовал аналогичную тактику и наголову разбил вдвое превосходящие силы железных легионов Рима (равница заключалась лишь в том, что здесь «подумесяц» вышлой стороной был обращен на врага, а в ходе сражения его конфигурация изменялась в противоположную сторону и римское войско оказалось в полном окружении). Эта победа в истории всех войн приводится как классический пример. А упомянутое сражение калмаков свидетельствует о том, насколько в совершенстве владели степные кочевники военным искусством, твердо придерживались героических традиций своих предков. Это свидетельствует также о том, каким сильным в военном отношении было государство Дурбун-Обрат, двести лет воевавший с Казахской Ордой.

Через некоторое время после Ологейской победы, 1 августа, недалеко от границы Поднебесной империи в местности Улиш-Бутун калмакское войско под предводительством Галдан-Бошукты-хана вновь встретилось со столыщной китайской армией.

Китайские полководцы были намерены раз и навсегда уничтожить Галдана, по их опасению, что тот, испугавшись, отступит, не подтвердилось. Упорное, кровопролитное сражение калмаков с более превосходящей по численности армией, имевшей на вооружении сотни пушек, тысячи ружей, длилось четыре дня. Несмотря на бесчисленные обстрелы и атаки китайцы так и не смогли добиться перевеса, лишились многих людей. Огромные потери понесли и калмаки, хотя умело использовали в рельеф местности, и конные, и пешие дружины. Но в конце концов Галдан был вынужден отступить. Имея очень большое пре-

восходство в вооружении и в численности, китайцы так и не смогли разбить войсковаггентов обратов.

Все же после Уляк-Бугуевского сражения судьба не только Галдан-Бошукты-хана, но и всего халха-монгольского улуса была предопределена. Власть в Джунгарии — на земле предков Галдана — захватил Цевая-Раптан, сын его старшего брата, прославившийся на казахском фронте. Но, лишившись Дурбуи-Ойрата, Галдан не отчаялся, теперь он полнамерился поднять всю Халху, не прекращая борьбу против цинского завоевания.

Еженхян Сюань II видел опасность для своей империи не только в лице самого Галдана, но и в его политике, поэтому против еще мощного хунтайджи снарядил огромную армию в четыреста тысяч воинов. Поход возглавил сам. Теснимый с трех сторон, лишенный всего войска, не видевший смысла дальнейшей своей жизни на этой земле, Галдан-Бошукты-хан в марте 1697 года оравился.

Халха-монголы потеряли независимость и вошли в состав Маньчжурско-Цинской империи. А в Дурбуи-Ойрате в это время на трон сел Цевая-Раптан, внук Батур-хунтайджи, сражавшегося пятьдесят лет до этого с Салкам Жаггаром.

Если в свое время Галдан-Бошукты-хан выступил в Халху во главе сорокатысячной армии, населения в общей сложности около двухсот тысяч человек, то после шестилетней войны с Маньчжурско-Цинским царством на родную вернулась единица.

В результате военного поражения главная орда Джунгария понесла серьезный урон, но все же она была еще достаточно сильной, могла тягаться с любым внешним врагом. Самое главное, и после такого тяжкого испытания дух народа не был сломлен, оставался гордым. Быстро были восполнены людские потери. Не прошло и года — страна была готова к новой войне — к походу против Казахской Орды.

К этому времени казахи уже потеряли надежду вернуть благодатный Жетысу, и граница проходила по реке Чу. Кинь алмак камень — упадет во двор казаху.

Начинался пятидесятилетний, самый трудный для казахов период в двухсотлетней обратско-казахской войне, период позорных поражений, когда от народа отвернулись аруаки, и на карту была поставлена жизнь нации.

В ту смутную пору ханом Казахской Орды был Тауке. Народ назвал его Алы-Тауке, то есть Мудрый Тауке, так он и вошел в историю.

Алы-Тауке, правивший вдовой Казахской Ордой ровно тридцать пять лет, — сын Салкам Жингир-хана. Мать его была калмачкой. Судя по тому, что он еще при живом отце участвовал в посольских делах в Восточном Туркестане, он родился примерно в 1635—1640 годы. В 1680 году, в зрелом возрасте был поднят на белой кошме. Стало быть, хорошо осведомлен о всех делах эпохи Есим-хана, является очевидцем событий времен Жангир-хана. Период его формирования как государственного деятеля приходится на тридцатилетнюю пору затмения. Видимо, в этом и кроется причина того, что Тауке вошел в историю не как вождь-спаситель, а как мудрый хан, тонкий политик. Из более ранней истории его можно сравнить с Касым-ханом. Однако и Касым, основатель «Киски жала», был в первую очередь полководцем.

Алы-Тауке пришел к власти в мирное время. Ему достался улус с огромной территорией, с многочисленным народом. Он занял трон алшима, единого, богатого, гордого. Стал править грозной державой с установившимися национальными традициями, со сложившейся правовой системой. Хакназар-хан когда-то поднял сломленный, разоренный народ до уровня передовых; Таукегель-хан вывел страну, потерявшую половину населения, из состояния смуты, сделал ее мощной державой; Есим-хан победил всех врагов, окруживших страну со всех четырех сторон, и укрепил ее позиции, а Салкам Жингир разгромил объединенные силы халха-обратов и сделал решительный шаг в новую жизнь. Несомненно, поднимал на белой кошме Тауке хана, сыны алшима, воспитанные на мудрой политике, волеизъявлениях традициях своих славных предков, надеялись, что в наступающий период будет удача Казахской Орды периодом благополучия и расцвета, достатка и биссека. Умудренный жизненным опытом, умный Тауке-хан, вероятно, тоже верил в то, что дальше будут укрепляться жизненные устои своего народа, что населяющий чуть ли не полмира алшим будет уверенно продвигаться к заветным целям.

Но не суждено было сбыться всему этому. Не прошло и года, на Казахскую Орду пала немилость всевышнего.

После тщательной подготовки Дурбул-Ойрат объявил жестокую войну и в течение трех с половиной лет беспрепятственно громил весь Юг страны, разрушил многие города, захватил в плен тысячи людей, покрыл цезором аланский дух. Даже раньше, во времена грозного Абдолла-кажа казахи не видели такого разорения и опустошения. После этого внезапного, катастрофического набега ойратов в 1681 году казахи не могли оправиться от шоканого состояния и течение не пяти десяти, не двадцати-тридцати, а целых семьдесят лет. Конечно, это было не роковое предначертание. Хотя первая битва при Тауке-каге закончилась невиданным поражением, это был лишь один эпизод громадного кровопролития протяженностью два с лишним века: прийти в себя, воспринять духом и силой — такая возможность была.

Видно, богу было угодно так — в течение целой мушкет, т. е. двенадцати лет, Каяакская Орда получила передышку. Покрывший срамом и позором аланский дух, даже наметивший срок, когда будет стерт с лица земли этот паром, Галдан-Бошукты-хан приступил к великому для своего народа делу — объединению всего монгольского народа; подался на Хакту, воевал с Китаем. Половина армии Дурбул-Ойрата была в походе, нестабильной была внутриполитическая ситуация — по Азь-Тауке не использовал это удобное время. Может, не успел оправиться от тяжелого удара, но все же двенадцать лет — срок немалый.

Разумеется, нельзя сказать, что после сражений 1681—1684 годов, которые условно можно назвать Сайрамской войной, когда установилось мирное затишье, Казахская Орда бездействовала вовсе. Азь-Тауке в первую очередь задался целью восстановить общее положение страны, которое в результате ойратского шествия пришло в невозможный хаос, невыносимый упадок. Судя по обострению взаимоотношений с Дурбул-Ойратом в 1698 году, видимо, состояние улуса начало выправляться, у него возродилась вера в свои силы («Я вынужден воевать с казахами», — говорит Цевац-Раптан в своем доносении еженхану).

В эту пору Азь-Тауке особое внимание уделяет проблемам взаимоотношений с северным опасным и могущественным соседом — Россией. Даже в этот непродолжительный отрезок времени пять раз направил послов в Сибирь. В свою очередь принимал послов русского правительства.

Однако вслепую на путь аскани Россия открыто дать понять, что не собирается устанавливать мирные,

дружеские взаимоотношения с Казахской Ордой; не принимала казахских дипломатов согласно международным нормам и этикета, не позволяла двигаться дальше центра Сибирского правительства Тобольска, а в отдельных случаях арестовывала послов, пытала, гноила в тюрьме; укрепляла рубежи на границе с Казахской Ордой, проводила целеустремленную политику захвата новых земель, строительства на этих землях наследных пунктов.

В связи с этим отдельные войсковые группировки, иногда целые дружины казахов в целях защиты своих земель совершали беспрерывные набеги на пограничные районы.

С 1582 года, когда Россия распространила свое влияние на Сибирь, столкновения между пришлыми русскими захватчиками и местными казахами — хоисеями этих земель — никогда не прекращались. В результате этих «второстепенных, побочных» войн, не исследованных ни в какой истории, Казахская Орда на протяжении двухсот лет крепко удерживала свои северные границы.

При Петре Первом Россия повернула свою завоевательную политику на восток в новое русло, набран в эпоху Азь-Тауке по пути ежегодных походов, в метод раздела и проглатывания. Но пока Казахская Орда оставалась единой это не дало результатов. «Чем я хуже турецкого султана и кзылбасского шаха? Ничем!» — говорил Азь-Тауке русским послам, прибывшим в 1694 году в Туркестан. То есть открыто заявил, что его народ не потерпит никакого насилия, ни к кому не обратится за покровительством.

Самая значительная заслуга Азь-Тауке-хана перед своими современниками, да и во всей казахской истории — выработка законодательной системы, именуемой «Жеты жаргы».

Раньше существовал свод законов Чынгисхана «Касак». В эпоху Золотой Орды были приняты системы Узбек-хана, Едиге-бия, основанные на прежних традициях, но учитывающие новые условия. А в Казахской Орде, как известно, ввелись национальные своды законов «Касак жол» Касым-хана, «Ески жол» Еским-хана, в которых налагались основы государственного устройства, внутренних порядков, обычаев, традиций народа.

«Жеты жаргы» Азь-Тауке-хана явилось документом особой важности, созданным в духе старых традиций, но приспособленным к новому времени, к новой среде. «Жеты жаргы» не просто основной закон, призванный сохра-

цать единство и целостность улуса, но и единственный источник, обосновывавший правила морали, взаимоотношений между общественными группами, отдельными людьми, отражающий национальное, государственное сознание.

О внутренней политике Аал-Тауке можно примерно судить на основе косвенных фактов и источников. В целях усиления государственной централизации и своей личной власти он стремится отдалить от политики дворян торе-аристократов.

Но нашему мнению, в истории Казахской Орды до этого ханская власть всегда была сильной. Улус один. Династия торе, т. е. султаны-правители, какими бы многочисленными ни были подданные народы, от главной линии особо в сторону не уходила. Так, несмотря на высокий авторитет, превосходящую мощь Касым-султана почтительно отосыла к Бурундук-хану; хотя султаны Тавыш и Жалпы имели по пятьдесят тысяч воинов каждый, никто из них не помышлял о создании отдельного ханства; поступки Жалпы-султана и Шыгай-султана во времена Хакназара; образцовое подчинение султанов Шапыма и Есыма Тауекель-хану; почитание Кучек-султаном Есыма как старшего брата, когда тот стал ханом... — подобных примеров много.

Утверждение о том, что казахские султаны всегда самодольничали, что казахи никогда не были единой страной, — антинаучная, бессовестная и, самое главное, вредящая казахскому народу ложь. Конечно, во все времена были правители, заботившиеся только о возвышении своей личности, например, случай с Турсул-ханом из рода Катаган; но это борьба не за верховную власть, а за самостоятельность, причем она — единственный случай в нашей истории. В эпоху, когда сложившаяся со времен древних тюрков традиция избрания хана путем передачи власти от старшего брата к младшему сохранялась, в Казахской Орде грызши за трон не было. А ханская власть почиталась по-прежнему.

С этих позиций отстранение султанов — неожиданность.

Вражды правления шести алашей Аал-Тауке вручает шести бийам. По данным начала XVIII века, в Старшем жузе в власти принца Тале-би из рода Уйсун, в Среднем жузе — Кыз дауысты Казбек-бий, в Младшем жузе — Айтеке-бий из рода Алшын, у киргизов — Караш-бий, у каракалпаков — Сасык бий, у курама — Мухамед-бий. Хотя на первый взгляд это казалось удобным и эффективным делом, в итоге такое деление открыло дорогу к окончатель-

ному распаду Казахской Орды. После того, как произошло не на словах, а на деле разделение на шесть улусов, определились грани между тремя жузами, а остальные три алаша стали чувствовать себя самостоятельными улусами, чужими в составе федерации. С течением времени административная система вернулась в прежнее русло — власть в каждом из трех жузов вновь взяли представители торе и в новых условиях они должны были объявить себя ханами.

До Тауке-хана улус того или иного султана формировался не только по родовым, но и по территориальным признакам. Яркое тому подтверждение: под властью Абулхайра, которого поздние историки считали ханом Младшего жуза, находились многие роды Среднего жуза, в то же время влияние хана Среднего жуза Самеке распространялось на отдельные роды Младшего жуза; даже в недалеком прошлом Нурали-хан правил не всем Младшим жузом, а лишь его небольшой частью и рядом родов, относящихся к Среднему жузу. То есть первоначально Жуз не являлся улусом в полном смысле этого слова, а был лишь проявлением объединения родов. Обособление казахских Жузов в виде улусов берет начало, видимо, со времени Тауке. Позднее, когда были упразднены ханская власть, это стало устойчивым понятием, указывающим на родственность.

Распад прежних больших и малых владений султанов, возрождение и воссоединение, затем официальное оформление в стране шести крупных улусов, самое главное — приход в этих улусах к власти своих биев — все это не усилило власть Тауке хана.

Раньше во главе любой общественной структуры (улуса, объединения родов) стоял представитель общего для всех казахов торе. (Насколько эффективна и оправдана эта система, показала сама жизнь. Так, переселившиеся в Джунгарию Абак-кереи пригласили возглавить свой род правителя из династии Абылпейза; ряд родов Младшего жуза, вновь перекочевавших с берегов Икка в степайскую сторону, объявили ханом Букей-султана; в первой половине XIX века в Старшем жузе привели потомки Абылай-хана). Если у него не доставало мудрости, справедливости, то его дивали власти; если был заносчивым, чванливым — навязывали по обычаю, который назывался *слан талауе*. Неслучайно на глубины веков сложилось мнение, что стуреский каган живет только заботам о своем народе, в это понятие вошло всех без исключения казахских торе: и инструкция, и наказ, и обязанность.

Аль-Тауке нарушил древнюю традицию, отдал власть биям. В результате последние, выйдя за рамки рода и достигнув масштабов улуса, превратились в серьезную политическую силу, с течением времени они стали заботиться о делах лишь своего рода, своего улуса, зачастую мимо ушей пропуская указы хана.

Замечено, что после отстранения от власти возмущенных султанов военная мощь Казахской Орды резко ослабла.

Возможно, Тауке-хан дал официально добро тому социальному положению, которое сложилось в Казахской Орде в последние мирные годы. Тогда это было сознательно избранное решение по усилению центральной власти без борьбы и крови, по пресечению дороги будущих претендентов к этой власти.

Как ни говори, Тауке-хану досталась очень тяжелая ноша. Хотя в Орде смуты не было, но ослабло прежнее единство, но была та же сложившаяся устойчивость власти. Сохранились факты, когда крупные феодалы и бии, достигшие могущества благодаря своим многочисленным стадам скота и влиятельным родственникам, не особо подчинялись ханской воле. Это было в 15—30-ые годы правления Тауке; результат крупных поражений от внешнего врага, резкого снижения авторитета хана как главного полководца улуса.

В противоположность этому, сохранившееся пусть формальное, но единство Казахской Орды — есть результат авторитета и мудрости Тауке, считают многие исследователи. Допустим, что это так. Но есть бесспорная истина: мудрый властелин должен сделать возможным невозможное, найти выход из любого безвыходного положения. На лидера возлагаются особые задачи и надежды. Но зря в народе говорится, что су хана должен быть ум сорока человек*. Заслуги правителя оцениваются не только по тому, как он использовал то, чем располагал.

Самое крупное и серьезное упущение при Тауке-хане — окончательный застой в деле организации военного строительства и народного хозяйства в соответствии с чрезвычайной ситуацией, с новыми условиями. Конечно, это вина не одного Тауке, а всех казахских правителей того времени.

Да, и Аль-Тауке, и другие, кто стоял у власти, ясно представляли себе опасность Джунгарии, понимали необходимость борьбы, всеобщего подвига. Но зная все это, по

предприняли никаких реальных мер по отражению Дурбун-Ойрата.

Судя по источникам, Тауке-хан мог выставить восемьдесят тысяч воинов. Даже это является преувеличением.

Современные демографы считают, что численность казахов в ту пору достигла примерно 2,5 миллиона. Может, было еще больше. Если добавить к этому киргизов, каракалпаков и курама, что были в составе улуса, то общая численность превышает три миллиона человек. У кочевников каждый пятый, даже каждый четвертый считается лошадом. Исследователи древней истории, сопоставляя, легко приходят к численности войск количество всего населения и наоборот. Например, у казахского хана Касыма была армия в 300 тысяч воинов, это бесспорный факт. Это значит, население Казахской Орды тогда доходило до 1,5 миллиона человек. Саякам Жашгар в 1644 году осенью на помощь Афганистану направил 100 тысяч воинов, а это были лишь определенная часть всей казахской армии.

В конце XVII - начале XVIII века, в самый опасный для Казахской Орды период, не выставить из трехмиллионного населения хотя бы 300 тысяч воинов — говорит о серьезной деградации военного положения Орды. Если в воинственном, героическом времени каждый совершеннолетний мужчина считался воином, то теперь только каждый пятый представлял сильного пола мог носить оружие... Стало быть, остальные четверо лишь пахлябники, в лучшем случае — сторожа-пастухи!

А в это время положение в Дурбун-Ойрате было совершенно другим. Никто не считал численность войск Джунгарии, все население которого не доходило и до одного миллиона. Количество лишь дружины, находящейся всегда при оружии, в постоянной боевой готовности, превышало сто тысяч. Хотя население в три раза меньше казахского, но армия была несравненно больше. Однако вся суть в конечном итоге заключалась не в количестве. Разница составляла полтора-два раза. Главное преимущество заключалось в качестве.

Правда, при столкновениях одна из одя казахский и калмацкий воины были примерно равносильны. Но встретись тысяча с тысячей — калмаки непременно одолели казахов. Не из-за того, что они были сильнее, хитрее или тактичнее, а в силу своего мощного вооружения. В этот период ойраты уже подобно владыкам огнестрельными ружьями и пушками в отличие от казахов, у которых

основным вооружением оставались копьё и лук. На новом этапе двухсотлетней войны, при Тауке-хаше ойраты, оказывается, на деле осуществили оснащение своей армии огнестрельным оружием.

Хотя первыми путь к этому оружию открыли не калмаки, а казахи. Это было главной целью Тауцеель-хана, ее достиг Всим-хан. Выше мы говорили о том, что в 1644 году, в знаменитом сражении с Батур-хунтайджем шестьсот десеров Салкам Жангыра, вооруженные огнестрельными ружьями, решили исход боя. Вооруженные такими ружьями казахские отряды составили всего-то 600 человек? Может быть, трудно ответить однозначно. В то время 600 ружей — уже огромная сила, достать столько оружия, найти столько людей, умеющих обращаться с таким грозным оружием — нелегкое дело. Действующие 600 ружей равносильны 60-тысячному войску. Однако удачно начатое и давшее большие результаты дело после смерти Салкам Жангыр-хана, к сожалению, не получило продолжения. Ружья, конечно, не исчезли бесследно. Но никто не позаботился об увеличении этого оружия, о создании армии, оснащенной только огнестрельным оружием. Если проследить летопись военных действий эпохи Тауке-хана, более позднего времени, то можно убедиться в том, что фитильные ружья имели лишь единицы, основным вооружением казахских воинов были копьё и сабля, реже — лук. Да и использование этих древних видов оружия было не на прежнем уровне.

Успешное применение Салкам Жангыром в памятном сражении огнестрельного оружия подтолкнуло Дурбун-Ойрат овладеть таким же оружием. На пути к этому он пожелал не людей, не скота. Он приобретал грозное оружие в пограничных с Джунгарией Кузнецком, Красноярском, Митусинском уездах России путем покупки, обмена, порой отбирал силой. Через некоторое время ойраты уже сами могли изготавливать ружья, порох, боеприпасы к ним.

Нет конкретных данных о количестве огнестрельного оружия в калмацком войске и когда произошло перевооружение его. Известно лишь одно, что сделано было это весьма оперативно и эффективно. В 1680 году, когда началась ойратско-китайская война, по крайней мере половина армии Галдан-Болукуты-хана имела ружья. Ологодская битва показала, что калмаки не только в совершен-

стве овладели новым оружием, но и соответствующей тактикой боя с применением этого оружия.

Есть один конкретный факт, дающий более-менее объективное суждение о количестве орнестрельного оружия. У почти побежденного Галдана-Нашукты-хана накануне последней битвы в местечке Кобза имелось пять тысяч воинов, две тысячи из которых были вооружены ружьями, т. е. двое на пяти, или четверо из десяти.

Главная причина поражения воинственных далайских дружин в четырехдневной кровопролитной битве под Улан-Бугуном заключается не в численном превосходстве маньчжурско-ципских войск (далаи прекрасно опали об этом до начала сражения), а в наличии у противника «больших ружей» — несколько сот тяжелых пушек.

После этой судьбоносной битвы стержневой задачей джунгарской армии шло овладение пушками. Со временем и она была достигнута.

Одним словом, обратный народ, которого в течение ста тридцати лет беспощадно рубила казахская кривая сабля, сумел добиться сначала объединения и укрепления, затем он вооружился знаниями и передовой военной техникой, в результате всего этого достиг явного превосходства в решающем сражении с давним своим врагом.

* * *

После Сайрамовской битвы и последующего скорого похода прошла волна мутель — двенадцать лет и вновь взошло пламя новой войны. Это было закономерно. С обеих сторон причин для развязывания военного конфликта хватало, но главной была одна — взаимное противостояние в Азии: казахи постоянно думали о реванше, калмаки — об отомщательном завоевании.

Однако Казахской Ордой удобный момент был упущен. Если бы она начала действовать хотя бы года три-четыре назад, когда после событий в Халхе все обряды находились в шоковом состоянии и положение Цеван-Раптана было весьма шатким, то еще можно было рассчитывать на какой-то результат. Но было уже поздно. Летом 1698 года огромная армия хунтайджи Цеван-Раптана вторглась в пределы Казахской Орды. Разгромив казахские дружины и мирные поселения в Чуйской долине, вдоль Таласа, пролив кровь тысяч и тысяч людей, захвати

около десяти тысяч пленных, громадную добычу, араг вернулся на родные земли.

Воодушевленный крупной победой, возросшим авторитетом и властью, опирающийся на мощь своего народа Цэван-Раптан теперь устремил взоры на восток, ямыншляг вернутся владения, отошедшие к Китаю во времена Галдан-Бошукту-хана. На одном из совещаний со своими подчиненными вельможами в 1703 году еженхан Сюань Е, который ставил целью своей жизни окончательное усмирение древнего монгольского народа, заявил: «Цэван-Раптан стал зарываться; после победы над калмаками он возгордился и стал надевать уже нас, видимо, надо поставить его на место». Вновь запыхнула ойратско-китайская война.

Еженхан выставил двухсоттысячную армию. Основные силы калмаки перебросили на восток, на китайский фронт. Нанесшая большие потери обеим сторонам эта тяжелая война длилась до 1722 года, когда скончался Сюань Е. Маньчжурско-цинская армия терпела неоднократные поражения, лишилась Тибета. Нависла угроза потери Халхи, Нокунора.

Но в конце концов многовещному Китаю в 1749 году удалось снарядить на Тибет еще одну сотысячплов войско и в следующую весну религиозный центр ойрат-халхи вновь был возвращен под власть еженхана; калмаки вынужденно оставили Хами и Турфан, были вытеснены и из других краев.

Все же цинская армия, почти вся вооруженная огнестрельным оружием, имеющая тысячи пушек, по численности и несколько раз превышавшая своего противника, так и не смогла добиться какого преимущества; в открытом бою на степном пространстве всегда выигрывал Дурбун-Ойрат, ему удалось сохранить свою независимость.

Отправив основные силы на восток, Цэван-Раптан оставлял на западе, на границе с Казахской Ордой тридцать тысяч солдат. В первое время на этом фронте не происходило никаких боевых действий, еще одна мушкетель — пелых двенадцать лет прошли в мире.

Безусловно, калмаки ждали опасность с запада, поэтому всегда стремились крепко охранять таинственную границу. Но почему-то казахи не спешили выступить, то ли были вовсе запуганы, то ли были в покое ведаючи о положении дел в Дурбун-Ойрате, об ойратско-китайской войне. Такая позиция укрепляла веру калмаков в себя, как бы благославляла на новые победы.

Тауке-хан, осознав, что со стороны Дурбун-Обрата надвигается новая угроза, созвал в 1710 году в Киракумо курултай всей Казахской Орды. Созыв курултая, видимо, намечался заранее, но именно в этот момент началось новое княжение врата. В среде владского народа наступило тревожное время: одни предлагали подчиниться Джунгария, принять подданство хунтайджи, другие — спастись с родных мест и перекочевать подальше от калмацкого влияния. По мнению большинства народа свелось к тому, чтобы до последней капли крови биться с врагом. На том остановились.

Главнокомандующим избирается Бокенбай-батыр. Впервые в истории Казахской Орды судьба улуса вручается не хану и не султану, а простоявдину-батыру, проложившему свой путь изверх острием сабли.

В военных операциях в 1710—1711 годах казахские войска во главе с Бокенбай-батыром отразили княжение калмаков, а в следующем 1712 году перешли границу с ойратскими улусами, вернули ряд захваченных врагом районов, добились таким образом серьезных побед.

На следующей год калмаки организовали новый поход. Но он был отбит и враг отброшен на свою территорию. После этого Дурбун-Обрат перебросил с восточного фронта подкрепление, в результате чего Казахская Орда в 1714 году потерпела очередное крупное поражение. Если проанализировать характер ойратско-казахской войны в те тяжелые времена, то можно увидеть ясную картину того, как калмаки путем упорных военных действий на деле, конкретно осуществили свой глубоко продуманный стратегический план. Каждый поход, каждая битва — лишь часть большого дела, конечной цели. А все действия казаков происходят в суматохе, отсутствуют стратегия борьбы, размах есть, но нет разящего удара; каждый раз прослеживается впечатление предсмертной агонии.

Если шесть алашей были в полном неведении о внешнеполитическом положении, внутренней обстановке четырех ойратов, то Цевая-Раптрак прекрасно был осведомлен не только о военных делах Казахской Орды, но и о внутриполитической ситуации. Не говоря об эпохе ханов Касыма и Тауекела Казахская Орда буквально втора, во времена Салкам Жангира, была монолитной структурой, теперь же в результате неудачных реформ Тауке-хана она разделилась на шесть улусов со своими правителями; хотя фактического распада не произошло, но и от прежней моно-

личности остались лишь тоны; только в мирное время улусы пахаются под одним знаменем, случись беда — начнется развал. Эту ситуацию хорошо понимали даже русские полкитики, издавна наблюдавшие отношения между калмаками и казахами.

В 1715 году умар Азь-Тауке-хан. Многострадальный народ избрал ханом племянника Тауке уже покойного Канип-султана. Но он не пользовался таким авторитетом как Тауке. Самостоятельность владских улусов стала проявляться теперь не на словах, а на деле. Особой строптивостью отличался султан Абулхайр, претендовавший на ханский престол. Хотя в официальных документах он объявил себя султаном и признал Канип ханом единой Казахской Орды и его власть, на самом деле он добился огромной власти. Во многих источниках того времени его называют ханом.

Каким бы ни было социально-политическое положение внутри страны, джунгарская опасность напоминала о необходимости новых действий. В 1717 году Канип-хан и Абулхайр-султан во главе тридцатитысячной армии Казахской Орды выступили походом против Дурбун-Ойрата.

Походу предшествовала соответствующая подготовка, на его итоги возлагались большие надежды. Встреча с врагом состоялась на берегу реки Аягуз. Вооруженные огнестрельным оружием калмаки численностью около 1000 человек укрепились на противоположном берегу и целый день удерживали казахов. К вечеру калмаки начали влиять лес и услаивать свои рубежи. Часть казахов пересекла реку выше по течению и тоже укрепились там. На помощь калмакам прибыло еще около полутора тысячи человек. Второй день также прошел в перестрелке на дальнего расстоянии. А на третий день подошло огромное войско — основные силы ойратов.

Мощная атака свежих резервных сил быстро расстрепала казахов, они в панике стали бежать с поля боя. Полдня топились за ними калмаки, пока не истребили почти поголовно.

Благодарный Канип и самонадеянный Абулхайр потеряли все войско и спаслись бегством. Когда Канип-хан вернулся в Орду, говорят, с ним было только два телохранителя.

В следующем, 1718 году джунгары открыли широкомасштабный фронт и наголову разбили казахские дружины на берегах рек Арысь, Бугень, Чалн и опустошили весь Юг.

Победившее калмыцкое войско являлось лишь пятой частью Дурбуи-Ойратской армии, основные силы которой были заняты на восточном фронте. Красноречивый пример, показывающий соотношение вооруженных сил враждующих сторон. Таким было фактическое положение дел, сложившееся не в один день, а постепенно, в течение сорока лет.

Отсюда видно, что сыны алаша своими бессмысленными делами, недалекостью еще больше приближали полорную, рабскую эпоху, тот вероятный смертный час, когда над всей нацией нависла бы опасность исчезнуть с лица земли.

В конце 1618 года догинул сей мир Каип-хан. Также же благодарные, близоручие представители правящей алашты шести алашей и в этот трудный период сделали далеко не лучший выбор — то ли выразили чувство уважения своим предкам, то ли не хотели отдать бразды правления другому, то ли почитали, что за спиной немощного хана легче править самим, но как бы там ни было, они подняли на белой кошке сына Азь-Тауко слабого, ограниченного Булата. Хотя наиболее достойным претендентом на трон был гордый, самостоятельный, крутойравный Абулханр-султан, имеющий опыт ведения войны, достаточно авторитета, но он был обойден. О Коюкал Бираи-султани и разговора не было.

Казахам в тот период нужен был жесткий, властный хан с большими полководческими способностями. А биев устроявал мягкотелый, слабохарактерный хан. «Жизни нации» оказала Казиханкой Орде медвежью услугу: несмотря на то, что не только сама, но и вся страна на краю пропасти, она почему-то оказалась «верной» традициям предков; буквально недавно, когда на чашу весов была поставлена сама жизнь, приватили, нарушив древний обычай, выбрали главнокомандующим выходца из «стерного» народа Бокенбая, теперь же на ханский трон они не допустили прямого потомка Азь-Исаяибек-хана Абулхайра, могли впрямь тем, что он представляет младшую ветвь казахских султанов, то есть менее благородного происхождения.

Тщеславный Абулханр после этого сразу же взял курс на обособление, стал фактически самостоятельным владельцем части большого улуса. Избранию Булата ханом противились и некоторые другие султаны. Таким образом, в самый ответственный момент страна осталась без настоящего лидера.

После нашествия в 1718 году, ханских выборов 1719 года дело окончательного разгрома Казахской Орды для Дурбун-Ойрата было уже решенным вопросом, который мог быть реализован в любое время.

ГОДЫ ВЕЛИКОГО БЕДСТВИЯ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Ердене-Батур-хунтайриц объединил весь Дурбун-Ойрат. Галдан-Вашухты-хан превратил его в военный лагерь. Развивая дальше дела дед и старшего брата, Цван-Рагтан уделил первостепенное значение окочтательной милитаризации Джунгарии. Сейчас нет-нет да встречается ошибочное мнение о том, что калмаков вооружали русские, проводировали китайцы. Обе великие державы были заинтересованы в том, чтобы проглотить ойратов. Если впоследствии мощные империи стали жить по соседству, то ойраты, веками веков жившие в одиночку, окруженные казахским и монгольским народами, для сохранения своей независимости были вынуждены обратиться только на свои силы. Когда в Казахской Орде к власти пришла династия Азь-Жанпбена, в Дурбун-Ойрате в лидеры выдвинулась династия Ердене-Батура, что явилось счастливым событием для калмацкого народа. К управлению народом пришли воистественные, прозорливые и мудрые личности. Упорный борец за будущее своего народа Галдан-Вашухты-хан на первый план ставил задачу освоения мощного огнестрельного оружия западных народов. Цван-Рагтан довел это дело до максимально возможной высоты.

Ойраты не только покупали и захватывали ружья, но и сумели наладить их изготовление у себя. В начале XVIII века, когда война между калмаками и казаками достигла апогея, в отношении с китайцами стали предельно натянутыми, в Джунгарии довелось пожить русскому мастеру Зеленовскому. По своей ли воле он оказался там или был в плену — неизвестно. Этот Зеленовский поповому наладил в Дурбун-Ойрате производство огнестрельного оружия. Калмацкие мастера и раньше ковали ружья, теперь же они научились самой последней технологии изготовления огнестрельного оружия.

У Цван-Рагтана имелся целый завод по выпуску не только ружей, но и другого разного боевого оружия и снаряжения. На этом заводе работали тысяча человек. Сто из

них были русские. Они занимались производством ружей, причем не старых фитильных, а скорострельных кремневых, надежных и в дождь, и в бурю.

В середине лета 1715 года трехтысячный русский отряд под командованием подполковника Вухольца вышел из столицы Сибири Тобольска и стал подниматься к верховьям Иртыша. С наступлением осени он остановился недалеко от озера Жамши и построил укрепленную крепость. Ойраты, чутко следившие за каждым шагом России, восприняли это как реальную угрозу пределам Джунгарии; десять тысяч калмаков во главе с Церен-Дондобом с наступлением зимы взяли в плотное окружение Жамшинскую крепость. Перебрав спешивший на помощь русский отряд, весной 1717 года они полностью вытеснили Вухольца из крепости. Из трех тысяч русских солдат спаслось только семьсот.

В боях с войском Вухольца и отрядом, посвятившим ему на помощь, ойраты кроме того взяли в плен несколько сот человек, захватили много оружия. Самой ценной добычей явился пшестый офицер Ренат, который был пленен русскими в Северной войне и вынужденно служил цовым хозяевам.

Взлей судьбы рожденный на радость калмакам и на горе казахам Ренат с 1716 года начал в Дурбун-Ойрате лить пушек. По достоверным сведениям, за четырнадцать лет пребывания в Джунгарии Ренат и его друзья отлили сорок больших и малых пушек. Разумеется, все они работали равно или поодиночке на казахском фронте.

Артиллерия Цеван-Раптана не ограничивалась пушками, отлитыми только Ренатом. Есть сведения о том, что в войне с Китаем в разное время было захвачено также несколько пушек.

Руководство производством оружия — лишь часть той огромной работы, которую проводили плановые шведские и русские офицеры. Нет сомнения в том, что они проводили образцово-показательные занятия по военному искусству Кироки нового времени, давали ценные советы в ходе сражений, по поводу той или иной конкретной битвы.

Тучи над казахами сгустились.

После того как в конце 1722 года в преклонном возрасте умер действительный еженхан Сюань Е, поднявший на качественно новую ступень древнее китайское государство, его место занял сын Инь Чисонь, который почитал

пузыным отодвинуть на второй план проблемы западных границ.

Сразу после заключения мирного договора между Ойратом и Цинем в начале весны 1723 года Ценап-Раптан объединил западные войска, четверть века громившие казахские земли, и войска восточного фронта, которые в течение последних 15—20 лет получали крепкую закалку в боях с превосходящей по численности и вооружению маньчжурско-цинской армией; и всю эту стотысячную железную армию Дурбун-Ойрата, собиравшую под красным знаменем с бунчуком, бросил на Казахскую Орду.

Обессиленный от прежних войн, изнуренный, не имевший достойного вождя, многострадальный и несчастный народ не мог оказать существовавшего сопротивления ойратскому вторжению. Отдельные бои представляли собой лишь последние судороги обреченных. Были физически истреблены почти все, кто мог носить оружие; беззащитный, беспомощный народ понес неопределимые потери, оставшиеся в живых бросали родные места и бежали спасаясь, что как мог... — начался катастрофический период в истории казахской нации, получивший название «Актабан-шубырынды», алкаколь суламаз — годы великого бедствия.

В нашей исторической и художественной литературе «Актабан-шубырынды» описывается как чрезвычайное несчастье, свалившееся на голову народа в результате внезапного нападения джунгар. А на самом деле джунгарское нашествие 1723 года, в результате чего казахи были вынуждены бежать с родных земель — закономерный итог, логическое последствие проводимой до этого сорокалетней политики и войны, непримиримой борьбы между Казахской Ордой и Дурбун-Ойратом. Следует удивляться не тому, как было разгромлена Казахская Орда в 1723 году, а тому, как она вообще достигла до 1723 года.

Не говоря о крупных позорных поражениях нового века, уже одна Сайрамская война 1681—1684 годов в начале правления Тауке-хана нанесла сокрушительный урон стране алаша. Выживание, существование в последующие годы стало возможным не потому, что в борьбе против врага была найдена новая тактика, а только благодаря возникновению жестокой войны между Дурбун-Ойратом и Маньчжурско-Цинской империей. Следует благодарить великий китайский народ, его воинственного богдыхана Сюань Е за спасение казахов от неминуемой гибели. Если бы живякан Сюань Е умер лет пять раньше, то Актабан-шубырынды

пастушья бы в 1718 году; если лет десять позже, то — в 1733 году. Это — истина!

Как сказка подвиги казахский историк, писатель, мыслитель Шакарим, в период Актабай-шубырайды казахский народ потерял две трети своей численности. А современные демографы считают, что эта потеря составляет одну треть. Другими словами, каждый третий казах исчез с лица земли. Как бы ни сводили это к жицимуму, база уныточкени колонна более чем двухмиллионного кельпото народа. Если даже одна треть — это значит 700—800 тысяч человек. Население целого улуса. Это равно некоторым из основных народов Европы той эпохи. Какая колоссальная потеря!

Мертвые сразу не имеют. Остатки же представляли собой живые трупы. После нового изгнания в 1725 году быстрая, без мучений смерть стала желанной для людей. Потери города Туркестан, Ташкент, Саурич, весь южный край, казахи безоглядно бежали через Мавералпахр на Сырдарыу. Растрепанные кочевья беженцев, кое-как добравшись до Жема и Ника, остановились.

Разрозненные, где конные, где пешие кочевья голодных, измученных, несчастных казахов, промкли и бухарцы, и башкиры, и волжские калмаки. Но как бы много людей ни полегло, казахов еще было немало, как бы они ни устали от мучительного отступления, не был еще унытожен окончательно их гордый дух, не была сломлена воля. По Средней Азии они прошли, опустошая все на своем пути, дали ощутимый отпор башкирам и отбросили, а торговцы от мощных ударов оказались на грани ищениа.

Оторвавшись от преследовавшего заклятого врага, казахи вскоре пришли в себя, вновь сомкнули свои ряды. Объединившись, три алаша на оккупированной территории дали два больших боя. Для Казахской Орды это был наиболее удобный момент: только что скончался Цезан-Радтай, а его сын Галдан-Церен еще не успел укрепиться.

Как свидетельствуют народные сказания, косвенные исторические документы, первое крупное сражение с джунгарами произошло примерно в 1728 году на берегу реки Буланты, что в западной стороне Сарысу. Следующее большое сражение состоялось весной 1730 года южнее Балхана, недалеко от озера Иштынес. В обоих сражениях казахские войска добились полной победы. Местность, где произошла Булантинская битва, получила название Калмак шырдаган («Где были истреблены калмаки»), а где

состоялись вторая — Апыракай. Так народ запечатлел в своей памяти первые две победы после Актабайшубырында.

В Булантиском сражении главным командующим был Абулхайр. Наряду с ним в этом сражении во главе отдельных отрядов и дружин активное участие приняли султаны Самоке, Абильмамбет, Кокжал Барак, батыры Саньрык, Бюгенбай, Шакшак Жанжыбек, Тайлак. «Победила врага дружина, а знамя батыры оставило за Барыком», гласит народная поговорка. Поэтому следует подчеркнуть, что всю тяжесть кровопролитной сечи вынесли на своих плечах, разбили наголову вооруженное до зубов джунгарское войско рядовые казахские аламаны, которые последние шесть-семь лет буквально проводили на поле свою жизнь.

Итоги Булантиской и Апыракайской битв воодушевили народ, убедили его в том, что в войне против Дурбун-Ойрата исчисаемых результатов даст только упорная борьба. К сожалению, финал сурьезной победы перерос в мелкую склоку. В этот период умирает ничего не значивший Булантхан. Исследователи предполагают, что все началось из-за спора за власть. Султаны, благодаря объединению доблестных общей победы, теперь рассорились. В результате святой трон Казахской Орды, которому никак не везло после Аш. Тауке, опустел вовсе.

Это случилось в 1730 году. После этого некогда единая Казахская Орда и на словах, и на деле официально разделилась на несколько владений: но не по границам трех жузов, как утверждают некоторые историки, а на основе степной демократии по улушной системе. Их условно можно было бы назвать удельными владениями Абулхайр-хана, Батыр-хана, Самоке-хана, Абильмамбет-хана, Жолбарыс-хана, Барак-султана.

В результате этой проблемы организованной борьбы против Джунгарии зашла в туляк. Один из русских политиков того времени говорил: «Если бы эти киргиз-кайсаки объединились, то они победили бы калмаков; но у них когда один хан выходит на войну, другой остается в стороне, таким образом они проигрывают калмакам». На самом деле не просто проигрывали, а терпели унизительные поражения.

Видя, что силы иссякли и продолжение войны бессмысленно, Жолбарыс-хан и Толдубий вместе с оккупированным народом были вынуждены признать ойратскую власть. Необходимость безоговорочного решения вопроса о сохра-

жени полновластного улуса приваза Абульхапра к мысли о принятии подданства России. Через некоторое время к этой скользкой ползатке был вынужден примкнуть и Абылмамбет, правивший значительной частью Среднего жуза.

Сформировавшееся в ту эпоху понятие о подданстве, особенно у кочевых народов, совершенно отличается от современного. Проблема подданства, на которое большие надежды возлагали сначала Абульхапр, позже — Абылмамбет и Шолбарыс, другие казахские правители, была связана не с потерей свободы, а представляла собой военный союз, тактика сохранения своей независимости, государственности, опираться на ашшту и политическую поддержку мощной, большой державы, более-менее безопасной в ту пору. (Однако на вопрос подданства у Российского правительства был свой взгляд и в соответствии с ним — особые расчеты...).

Разумеется, казахов никто не мог спасти кроме самих казахов. Если бы победы в Булаитинском и Апырыкайском сражениях, то Казахскую Орду постигла бы такая же участь, какая выпала сто лет назад на долю окончательно разбитой, рассеянной Ногайской Орды. Не знаящие поражения джунгарские калмаки буквально через некоторое время соединились бы с волжскими калмаками. А потеря Сарыарки для казахов означала бы потерю опоры под ногами. Бог с ним — с ханством, мог бы исчезнуть народ.

Мощная Джунгария получила ощутимый удар прямо в лоб. Конечно, Булаиты и Апырыкай не были решающими битвами, но явились весьма значительными событиями, возволившими продвинуть жизнь степей алана, давшими такую необходимую передышку в то трудное время.

На двухсотый год жестокой, непрерывной войны между двумя кочевыми народами Дурбуи-Ойрат добился явного преимущества. Казахская Орда была разгромлена, потеряла половину населения. Но прошла четверть века и положение дел круто изменилось, два улуса словно поменялись местами. Казахская Орда добилась великих побед, во изначному, заклятому врагу волею всевышнего сужденца было исчезнуть с лица земли. Но никогда не восполнятся тот громадный ущерб, который нанесли годы великого бедствия.

В первую очередь Актабан-Шубырынды явилось оплотающим ударом по казахской государственной систе-

ме. Казахская Орда называлась бы Алты Алаш («Шесть Алашей»). Киргизы, посвятившие белые калпаки, которые соединили с нами свою судьбу уже при Таур-хане, пользовавшиеся покровительством и заступой вождейного То-гум-хана, внушительного Салкам Жашгара, при первой же неудачной стычке с хунтайджи Цезаи-Раптапом, видимо, отошли от нас, приобретя свою суверенность. В кровопролитных сражениях, начиная с 1710 года, в наших рядах не видно киргизов. То есть, когда наступили смутные времена, мы в первую очередь потеряли родственных киргизов. Остались пять алашей. Когда же под мощными ударами врага, бросая родные земли и могилы предков, они бежали в чужие края, отделился род курама. Алашей оставалось четыре. Прошло лет двадцать, стал народ приходить в себя, но в результате недовольной политики Абульхайр-хана были заточены каракалпаки. И остались лишь три сына казаха — Ак Арыс, Жан Арыс и Бек Арыс — три алаша. Слава богу, основой шавырак огромного улуса, названному Казахская Орда, удержался.

В богатой, многонаселенной Казахской Орде являлось двенадцать пять городов, среди которых были Туркестан с голубыми куполами, Сауран с высокими крепостными стенами, плодородный Ташкент и др. Сыны алаша выжили во всех их. Заглохли торговые пути, имелись новоявленные спонсоры с Мавереннахром, Ираном и Афганистаном; зачахло ремесленничество, процветавшее в этих городах, служившее основой ручной промышленности, эпохеи своего времени. Производство товаров хозяйственного потребления, ковроткачество, производство тканей и орудий — все это было сосредоточено в городах. В результате опустошительного качества Джулгар почти поголовно были истреблены ремесленники, кузнецы и мастера, специалисты других отраслей, проживавшие в городах; оставшиеся в живых в качестве рабов мастеров были угнаны в Джулгарку, а те, кто бежал вместе с кочевым населением в чужие края, погибли или забросил свое ремесло. Потеря двадцати пяти городов во главе с Туркестаном не только опозоривала кривля Казахской Орды, уменьшила ее жизненное пространство, но и всецело изменила на будущее весь ее хозяйственный уклад: сделала чисто кочевым улусом, занимающимся только одним делом — животноводством.

Отдаленные от городов с их мечетями и медресе, которые служили не только экономическими, но и духовными центрами, привело к тому, что казахи стали отходить и от ислама, а следовательно в определенной степени религиозности отразилось на национальном самосознании, нравственности, духовности народа. Уменьшилась разборчивость по отношению к чужим народам с чужим языком, религией, обычаями, мировоззрением, и сылая в этом в целом ослабли собственно национальные позиции.

Невосполнимую утрату понесла духовная культура сынов алаша. Начиная с мавзолей Ахрет Султана в Туркестане, богатые библиотеки, арабистские и складки мечетей Суурца, Шыжкента, Сайрама, Ташкента, Сулана и других городов, религиозно-философские труды, древние летописи и манускрипты, переводное нам другое наследие предков — все это было сожжено, разграблено, уничтожено. Мы потеряли все письменное наследие со времен основания Казахской Орды. А сколько пропавший искусства, ювелирных изделий и других материальных ценностей разрушено и уничтожено вместе с городами?!

Через тридцать лет, когда новое поколение казахов, слышавшее о красивых городах, шумных базарах, живописных мечетях лишь по рассказам своих дедов, вернулось в родные края предков, на месте многочисленных городов его встречали только голые, обгоревшие городские степи.

Самый большой вред Актабан-шубырылды — демографическая катастрофа — на два века назад отбросила естественный рост алашского народа: населивший обширные степи, огромное пространство грозный улус, который в грядущие времена должен был бы наполнить людьми все земли предков, на кругом повороте истории не смог достигнуть диалектически неизбежной численности.

Но самое главное несчастье заключалось даже не в том, что казахи, по самым скромным подсчетам насчитывавшие два с лишним миллиона человек, входившие тогда в число наиболее крупных народов земного шара, жили своей колонией, а в том, что был сломлен дух страны, парализована воля народа. Не признававший других, гордый казах привык жить с оглядкой по сторонам. Глубоко заземленный и сознание страх передавался от внуков к правнукам, печальчивая болезнь предопределения перед собой и искусством других овладела всем существом. Именились характер, мировоззрение гордых сынов алаша. Ущербное сознание, страдальческий менталитет в конце концов при-

взяв в плене независимости, к рабству, поставили непреодолимый заслон будущим поколениям.

Прежних казахов не стало, мы превратились в другой народ.

АБЫЛАЙ-БАХАДУР-ХАН

Возрождение Алатау после Астабап-шубырыпды, возвращение вновь красного знамени Казахской Орды с изображением торе-тамга, восстановление единой, мощной государственности сказаны с именем Абылай хана.

Абылай-бахадур-хан родился в 1713 году. В последнее время и в литературе, и официально ошибочно был принят год 1714-ый. Ни в каком историческом документе нет сведений о том, что Абылай родился в 1711 году и прожил 70 лет. Напротив, все факты упираются в 1713 год. Например, командующий Сибирским пограничным войском России генерал-майор Огарев в тайном докладе в коллегию Иностранных дел в мае 1781 года пишет: «23 мая сего года мне сообщили, что хан киргиз-кайсакской орды Абылай, будучи в походе, от приключившейся ему болезни умер на шестьдесят девятом году...» В письме Уали-султана, сына Абылай хана, российской царице Екатерине Второй этот факт повторяется. Все эти документы хранятся в «Архиве внешней политики России», опубликованы в печати, много раз использовались русскими исследователями. То есть это не тайна за семью печатями. В сохранившихся в казахском народе исторических сказаниях, произведений мастеров устного творчества также говорится, что Абылай прожил 68 лет, из них 48 лет стоял у власти, впервые прославил свое имя в двадцать лет.

Словом, то, что Абылай родился в 1713 году — бесспорная истина. Конечно, можно было бы и не брать во внимание разницу в два года. Но по отношению к такой исключительной личности это тоже важно. Потому что жизнь Абылай-хана, ее определенные периоды прямо связаны со значительными историческими событиями.

Родословная Абылая известна. Его предки — Чингис-хан, Джучи-хан, позднее — основатель Казахской Орды Азы-Жалибек, затем Высокорослый Храбрый Есям-хан, Салтам Жымыр хан. Во все времена эта династия правила страной, служила опорой народу. Название сей родовой ветви казахов — торе.

Отец Абылай Уали-султан во время царствования врага

погиб в бою, а его младший сын Абыльмамбет — будущий Абылай-хан в сумятице остался без присмотра и защиты. Видимо, это случилось, во время Актабан-шубырынды. Благодаря верному рабу Оразу младший Абыльмамбет остался жив и стал расти, крепнуть.

Об этом периоде жизни будущего великого хана распространено множество легенд и рассказов. Суть их всех заключается в том, что гордый подросток, скрыв свое происхождение, жил наряду со всеми под именем Сабадат. Пас верблюдов Тале-бия из рода Уйсунь, в других легендах — Дуулетбайлы-бай из рода караул. Эти факты скорее всего дополняют друг друга. Но несомненно то, что юный Абылай в трудную пору после Актабан-шубырынды действительно был простым пастухом.

Этот период способствовал будущему властелину глубоко познать жизнь народа, досконально изучить все позитивные и негативные стороны его характера. Умение Абылая найти общий язык с массами, убеждать людей, найти путь к сердцу рядового человека берет начало именно с жизненного опыта юношеских лет, с тесного взаимодействия с простым народом.

Звезда Абылая вошла в двадцать лет. В одном из больших боев с друнгарами никому до сих пор неизвестный молодой джигит Абыльмамбет в соединке убивает Чарыша — главного батыра калмаков, близкого родственника хунтайжи Галдан-Церена. Это воздвигнуло всю армию, возглавляемую Абыльмамбет ханом, и дало начало грандиозной победе казахов.

Когда произошла эта битва? Наши историки и писатели предполагают, что, скорее всего, имеется в виду Булаатинская (1728) или Апыракайтская (1730). Но это не правдоподобно. Мало того, что Абылаю тогда исполнилось всего 16—17 лет, в это время как Среднего жуза Самене еще был жив, в исторических документах наряду с ним называется только имя Абыльмамбет султана.

Двадцатилетие Абылай совпадает с 1733 годом, именно в этом году, по китайским источникам, между казахами и калмаками произошло крупное сражение. Прекрасно вооруженное, сильное калмацкое войско потерпело сокрушительное поражение. Лишь его небольшая побитая, жалкая часть кое-как добралась до Дзукгарии. Нет сомнения в том, что это именно та битва, в которой Абылай впервые отличился своей отвагой и мужеством, в которой он открыл путь к великой победе.

Видно, это было не первое сражение, в котором принимал участие Абылай. Чтобы в решающей схватке в качестве главного батыра казахов выйти на поединок с грозным врагом, нужны не только храбрость и воля, но и немалый опыт. Бесспорно, что молодой Абылмансур активно участвовал до этого в небольших сражениях, отдельных боях, хорошо овладел военным искусством, особенно техникой поединка. Фольклор, исторические эпосы свидетельствуют о том, что Сабалак в первое время участвовал в чрезвычайных небольших походах, находясь в дружине Ботембай-батыра из рода Каныкыгалы.

Особое мужество Абылая в поединке, да и в последующей кровавой сече оставило неизгладимый след в народном сознании. На врага он кидался с кличем «Абылай!» и после этого победного сражения сразу завоевал огромный авторитет в армии и народе, был объявлен султаном Среднего жуза. Правитель города Карпак под Туркестаном за всю свою жестокость к врагам, безумную храбрость провакыши Канышер Абылаем (Провожаемым Абылаем), был дедом Абылмансура. Отцыне Абылмансур ставил Абылаем. Со временем вся власть в улусе переходит от Абылмамбета (впуск Азы Тауке-хана, тоже из династии Салтам Шангира) и двадцатилетнему отважному воюку. Здесь надо отдать дань огромного уважения Абылмамбету, который сумел преклониться перед мужеством и мудростью молодого Абылая и отдал ему по сути дела бразды правления народом, абсолютно не питая никакой зависти и ревности, и на все оставшееся время выходил только на уровне хана-советника, умного наставника младшего брата. Этот поступок в ту честолюбивую эпоху — проявление высочайшей сознательности, продиктованное искренними святыми целями и задачами народа.

Добившись власти в двадцать лет, Абылай почти полвека — ровно сорок восемь лет — правил страной. Конечно, степень его власти не была одинаковой во все времена. Если он начинал только как султан Среднего жуза, то со временем стал великим ханом всего казахского народа. К 1740 годам власть Абылая распространилась на две третьих прежней Казахской Орды, а в 60-е годы он был признан уже всеми тремя жузами. Вскоре Абылай покорил прежнюю Казахскую Орду эпох Тауке-хана, Есим-хана, Салтам Шангира, Азы-Тауке; по свидетельству исторических документов того времени, в 1771 году вся аристократия, ханы и султаны, бии и батыры трех казахских жу-

зов — Старшего, Среднего и Младшего — в городе Туркестане под священным куполом мавзолея мусульманского святого Хожа-Ахмета по древней традиции предков полиняли Абылай на белой кобыле и объявили ханом трех алишей. Вплоть до самой смерти в мае 1781 года Абылай являлся великим ханом Казахской Орды. Начав свой боевой путь с повстанца, Абылай, завершил и ханский путь на кобыле — он умер на берегу реки Арысь, когда возвращался из похода после усмирения древнего казахского города Ташкента. После него остались тридцать сыновей. Позднее из его династии вышли знаменитые, достойные своего предка Кенесарды и Саржан, Кенесары и Наурызбай, Чокан и Сыдык. Все же самым главным наследием Абылай-хана, основной его династией является оставшийся после него казахский народ, который после двухнедельных страданий и потерь все же нашел в себе силы отстоять родные земли, со временем свое древнее государство Казахскую Орду превратил в Казахскую республику, какие бы испытания не встречались на историческом пути, сумел сохранить сознание целостности, расстал поколения, защищал земли предков. Благодаря атому народу путь Абылая, дела Абылая находят продолжение сегодня.

Принципе чем продолжить разговор об Абылай-хане, хотелось бы остановиться на некоторых неверных утверждениях, которые сформировались в период советского колониализма, еще не выветрились из сознания многих современных ученых. Первое из них о том, что Абылай якобы был ханом не всех казахов, а правил лишь отдельной частью страны.

Известно, что колониальное царское правительство твердо придерживалось политики «Разделяй и властвуй». Руководство советской империи довело до совершенства этот коварный метод. Если царская Россия стремилась как можно медленнее раздробить казахский народ, то советская Россия вовсе отрицала, что мы когда-то были единой державой. Откуда исходит бред о том, что Абылай был только ханом Среднего жуза, хотя имеются достоверные документы о его избрании ханом трех жузов, о распространении его власти на весь казахский народ?

Поставив себе целью полностью поработить казахские степи, Россия, конечно, никак не была заинтересована в объединении Казахстана, в возмездствии эпох Еу Есимхана, Азы-Тауке-хана. В первое время она не применяла метод открытого завоевания, но старалась держать его в

страхе, прибегая к самым крайним тактическим приемам. Несмотря на все это Казахская Орда приобрела большую мощь, стала единой державой, но царское правительство явно пренебрегало этой истиной. Исходя из неприязни государственного единства заявили, что считает Абылай ханом не всех казахов, а только Среднего жуза. Таким образом, в бумагах дипломатических взаимоотношений, соответствующих документах всегда пишется «хан Среднего жуза Абылай». В связи с этим в письме императрицы Елизаветы Второй он вторично подчеркивает, что является ханом всего казахского народа, что избран волей всего народа. Как престолодержатель независимого государства он предостерегает: «Отныне следует признавать меня как владетеля всего казахского народа Абылай-хана». Такова истина.

Второе негативное понятие, касающееся Абылая, — разговор о российском или китайском подданстве. Вообще, подданство в прошлые эпохи — очень сложная проблема, тема специальных исследований. Еще в то время русские дипломаты и ученые отмечали, что подданство таких народов как казахи имеет место только на словах, они не считали себя зависимыми от империи и обязанными ей чем-то. В переводе на современные представления — это всего лишь равнозначность великого союза, политических взаимоотношений между большим и малым государствами. Договор о мире, взаимных дружеских сношениях, Абылай в 27 лет, когда еще был не ханом, а султаном, подписал документ о принятии подданства России. Позднее, когда маньчжурско-китайские войска полностью уничтожили Джунгарию и вторглись в пределы Казахстана, когда над казахским народом нависла реальная опасность быть стертым с лица земли как калмыки, он признал еженхана старшим братом. Но никто из прошлых и настоящих историков не отрицает то, что, находясь между двумя огромными империями, Абылай сумел сохранить народ, страну и в то же время фактически проводил совершенно независимую политику. А после его избрания ханом трех алашей забывается и подданство на словах, Абылай отказывался встречаться с пограничными российскими властями.

Политика Абылая как хана независимой страны, естественно, не нравилась русскому царству. Так, оренбургский губернатор И. Рейнсдорн в докладе в коллегию Иностранных дел пишет, что Абылай отказался присягать российской короле, не принял дары императрицы, пред-

назначенные к этому случаю, и расценивает это как несмысленное смутничество.

Однако как бы ни непонимало царское правительство были вынуждено считаться с Абылаем, так как он являлся всенародно избранным, полноправным властителем независимой державы.

Борьба Абылай хана по возрождению Казахстана длилась более сорока лет, проходила в весьма трудных условиях, но закончилась успешно.

Когда молодой Абылай пришел к власти, уже минуло лет двадцать со времени распада единого казахского государства, раздроблении его на отдельные ханства и владения. Национальное самосознание еще было достаточно сильным, не забылось совсем быстрое единство алашей, но после Ақтабая шубырыпды, казалось, распавшееся государство, наполювя истребленный народ никогда не подвигутся, не придут в себя. Коварная политика Российской империи по дальнейшему разделению казахских степей в окончательному их завоеванию должна была полностью лишить казахов суверенитета. Не было возможности думать о завтрашнем дне, весьма туманным был и сегодняшний день.

Джунгарское или Калмакское ханство, называющее себя Дурбун-Ойратом, истребляя казахов, захватывая Жетысу, весь Юг, намеревалось основательно осесть на землях наших предков. Мощные и в экономическом, и в военном отношении калмаки хогь и герсели порицались в отдельных битвах, но в целом в большой войне выиграли, их превосходство казалось неизменным.

Мы упоминали высказывания русских дипломатов и политиков о том, что объединившись, казахские правители могли бы разгромить калмаков. Но это была лишь одна сторона вопроса. Казахы упустили наиболее удобный период. Ханы и султаны почитали, что невозможно найти общий язык с Абульхайром, который после смерти Азтауке рванулся к власти и, нарушив единство алаша, обосновал отдельную орду; эти правители также поспешали укрепить свою власть в своих улусах, стали заботиться не о всем казахском народе, а о его небольших частях.

Расценив положение дел в Средней Азии, ситуация в военной и политической сферах, Абылай на первый план выдвинул вопрос об избавлении от казахской угрозы.

Он убедился в том, что помощи ждать неоткуда. Среднеазиатские ханства с единой религией, родственными язы-

когда казалось бы, должны жить с нами общими заботами, но они ни разу не протянули руку помощи казахам, даже не выстроились, когда грозный враг дошел почти до их пределов, шабобор, они стремились в этой гряде урвать пожирнее кусок от слабющего Казахского ханства. А могущественное Российское государство, которое уже заочно присвоило себе казахские земли, начало считать этот народ своим подданным, видя, что на его глазах он уничтожается врагом, ни одного своего солдата не выставил против джунгар, не произвел ни одного выстрела. Поэтому Абылай сделал ставку только на силу и волю родного народа. Организовал его против врага, всю энергию направил на укрепление военной мощи Орды.

Методы правления Абылай в мирное время, его мудрость и справедливость сплелись глубокое уважение в народе, высоко подняли его авторитет и власть. В делах правления Абылай восстановил древние законы — уложения Казахского ханства, возродил многое и в военном деле. Наряду с традиционным применением военной тактики почвенияков со времен Чпнгисхана изобретал новые приемы в соответствии с духом эпохи; чувствуется, что он, повышая активность и эффективность отдельных дружин, намечал и стратегический план большой войны, которая возможно произойдет не годича, а десятилетия.

К этому времени изменили тактику завоевания и калмаки. Понимая, что победить в открытом бою, в латнее время, когда народ максимально мобилен, невозможно, свои кровавые походы они переносят на зимнее время.

Осенью 1739 года один из избранных полководцев хунтайжи Галдан-Церен Септен во главе тридцатитысячного войска вторгся в Сары-арку. Именно в это время казахи не ожидали нападения, но они теперь всегда находились, как говорится, в постоянной боевой готовности, поэтому все же отбили атаку.

Но с другой стороны в степь выступил с большим войском второй знаменитый полководец Галдан-Церен Сары-Манжу. Оборонительные бои казахов под предводительством Абылая шли всю зиму, потери были огромными. Так и не добившись победы Септен и Сары-Манжу повернули коней обратно.

Лето прошло спокойно, в усиленной подготовке обеих сторон. Осенью 1740 года обратское войско под руководством Септена вновь двинуло на Сары-арку. Находившийся вачеку Абылай моментально выступил в контратаку, в

нескольких больших и малых битвах нанес громадные потери калмакам. Однако в середине зимы, в феврале, тридцатипятитысячное ойратское войско под предводительством Септега и старшего сына Галдац-Церепа Лама-Дорзи выступило в новый опустошительный поход.

В этот раз жестокие битвы с переменным успехом длились до лета. В зимней кампании казахи воевали отступая до Итима, Тобола, но к лету мобилизовали все силы. В решающем крупном сражении Абылай пацолу разбил Джунгар; по свидетельству исторических документов, в этом бою все правое крыло калмакской армии было уничтожено.

После этого полководцы-батыры Абылай начали организовывать походы во внутренние пределы самой Джунгарии, в одном из таких удачных походов был разгромлен улус Септега тайчи. Однако Дурбуц Ойрат оставался по-прежнему мощной державой, полностью изгнать калмаков из казахских степей было еще невозможно.

В летней кампании потери обеих сторон оказались внушительными, но ни одна из них не достигла своей цели. Явно чувствовалось лишь одно — беспредельному господству Джунгар пришел конец, силы враждующих сторон примерно уравнились.

В этот период Абылай во главе двухсот дозорных служилых караванов на многочисленную вражескую дружину и попадает в окружение. Его отряд почти весь был перебит, а сам султан попал в плен.

Жизнь Абылая в джунгарском плену — полная история. И в исторических документах, и в народном фольклоре особо подчеркивается стойкость, гордый нрав Абылая. Хунтайджи Галдац-Цереп до этого только зловеще знал Абылая, теперь же, узнав его поближе, он был восхищен мужеством, мудростью двадцативосьмилетнего султана.

Конечно, дышать его жизни хунтайджи ничего не стало. Но хотя Абылай был один, а в алташском царстве достойных сынов немало, есть кому отомстить за него, поэтому, видимо, Галдац-Цереп не хотел нескончаемой кровной вражды. Более того, убить на поле брани одно, а казнить попавшего в плен правителя соседней ослабленной, но с каждым днем набирающей силы страны — другое дело. Понятие международного права существовало и тогда. Кроме всего, Галдац-Цереп был не только правителем-полководцем, но и прозорливым политиком, который думал

не только о сегодняшнем, но и завтрашнем дне своего народа.

В одном из рассказов, известующих о пребывании Абылай в калмакском плену, приводится такой случай. Галдан-Церен спросил у Абылая, кто самый могущественный владыка в мире. Видимо, надеясь, что тот назовет его имя. Тогда Абылай ответил: «Самый могущественный — турецкий император, затем — русский белый царь. Последние — мы с тобой». «Это правда», — оставалось согласиться Галдан-Церену. Далее Абылай добавил: «Ты — правитель малого народа, а достоин править великим народом». В этих словах тоже была истина.

Галдан-Церен не мог не заметить в Абылае необыкновенность его натуре. «Если бы ты родился на сто лет раньше, то был бы владыкой половины мира», — говорил он. С пленным султаном идет переговоры по заключению казахско-калмакского договора о мире. Это, разумеется, говорит о величии Абылая, а также об авторитете и мощи стоявшего за ним народа.

А его народ в это время, узнав, что он цел и невредим, принимает меры для освобождения из плена. Скармывает специальное посольство в Калмакскую Орду. В состав посольства вошли в общей сложности девять человек — представители всех основных родов трех казахских жузов, а возглавил эту миссию Аяшора бий из рода Уак. На посольство наряду с освобожденным Абылаем были возложены и другие важные задачи.

По всему видно, что посольство во многом справилось с этими задачами. После этого с Абылаем были сняты кандалы, наручники, ему отвели специальную юрту, дали прислугу, разрешили верхом совершать прогулки, конечно, под строгим контролем. Вскоре согласно договоренности в калмакскую орду в качестве заложника и обмена на авторитетного пленника прибыл сын Абылаймабет-хана Абылпена, и Абылай был полностью освобожден. Галдан-Церен призвал Абылая единственным владетелем Казахстана, заключил с ним вышеупомянутый договор, оказал соответствующие высокие почести, дал ему в жены дочь одного из знатных беков и герцо проводил на родину.

Здесь следует конкретизировать один момент. Есть версия, высказанная русскими историками, а позднее подхваченная казахскими, о том, что Абылай был освобожден из калмакского плена по требованию русского правитель-

ства. Это в корне неправильное суждение, бесосновательное утверждение. Да, во время нахождения Абылая в калмацком плену Россия отправляла в Джунгарию послов, но Галдан-Церен отказался даже принять русского посла Миллера. Это посольство, так и не встретившись с хунтайджи, не добившись переговоров, было вынуждено вернуться обратно ни с чем. То есть не справилось со своими задачами и никак не могло повлиять на судьбу пленника.

Из сложной жизненной дерзюетки Абылай выводит: во-первых, родной народ, во-вторых, конечно, личные качества, глубокий гибкий ум, и также предначертанная всевышним звездная судьба.

Направляется вопрос, как же Галдан-Церен выпустил из своих когтистых лап Абылая, ведь явно-явля не на жалости к нему. Повторю: это он сделал за-за сохранения свойств своего народа, а также личного авторитета. Ведь в действительности уже наступили другие времена, мало было думать и о своей безопасности: с тыла явно слышалось грозное шипение дракона -- Китайской империи, от двухсотлетней войны изрядно устал сам калмацкий народ, хотя в последнее время фортуна была на его стороне. Беспрерывное кровопролитие, непрекращающиеся битвы заметно подточили основы ойратского государства. Мало того, с каждым днем набирали мощь казахи, которые буквально вчера, казалось, были на грани поголовного истребления. Калмаки нуждались в передышке. Правда, конечно же цели казахов были совершенно иными -- им предстояло биться до полного освобождения всех захваченных врагом земель, но они тоже нуждались в мире.

Фактически договор о мире, заключенный между Абылаем и Галдан-Цереном, четко соблюдался в течение десяти лет. Уставший от двадцатилетних постоянных боев до этого народ теперь полностью оправился от военных ран, пополнились стада скота, увеличилось население, на коня село мелодов, повес поколение здоровое, пламенное, не являющее что такое терпеть поражение от врага.

Со времени основания Казахской Орды существовала твердо сформировавшаяся национальная демографическая политика. Одно из эффективных ее направлений -- принимал в свою среду родственные, тюркского происхождения целые роды, племена, Орда расширяла казахский этнос. Наряду с этим в казахский быт прочно вошел своеобразный обычай, суть которого заключается в захвате в военное время вражеских детей младшего возраста, вос-

питание их наравне с родными детьми и повсюду таким образом пасекавил. В те жестокие замоснательные века для джигита являлось делом престижа как можно больше иметь в качестве добычи молодых, красивых женщин и девушек, на которых он женился законным браком. Женитьба на вдовах погибших на войне братьев, родственников (этот обычай называется *каменсерлик*) также продиктовано заботой в первую очередь о потомстве. Счастью и женитьбе на девушке — это лишь один путь создания семьи в те воинственные времена, поэтому полигамия была единым для всего общества, обычным явлением. Казахи всегда считали, что нет ничего ценнее человеческой личности, поэтому на первое место ставили задачу восстановления населения улуса, численность которого катастрофически уменьшилась в период Антабай-шубырынды. Таким образом, за короткое время народ количественно резко увеличился. Соответственно, возросла и численность армии.

С течением времени рос авторитет Абылай, крепла его власть.

В этот период политическое положение в Средней Азии круто переменялось. Через два года после заключения казахско-казахского договора о мире скончался знаменитый Галдан-Церен. Исполняя завещание могущественного правителя, калмацкие воины забрали хунтайджи второго сына Галдан-Церена Цван-Доржю. Но жизнь его была короткой, через некоторое время он был убит претендентом на трон старшим братом Мама-Доржю, который был избран хунтайджи. Но рожденный от рабыни он не считался законным наследником, поэтому оппозиционные тайчи и воины вступили в борьбу за реванш. Среди них наиболее знатными были Дабачи и Амирсага, по происхождению имеющие власть и законное право на джунгарский престол. Политическое противостояние переросло в открытую войну. Дабачи и Амирсага потерпели серьезное поражение и осенью 1751 года бежали в Казахскую Орду — спаслись под покровительством Абылай-хана.

Не будет преувеличением сказать, что именно в этот период в руках Абылай-хана находился ключ от будущего, повидя весьма значительных событий, определивших не только будущее калмацкого народа, судьбу казахского народа, но и ситуацию во всей Центральной Азии.

Неслучайно два князя оказались у Абылай, обратившись за помощью к казахам. Два народа примерно с одинако-

вым образом жизни, непрерывно война между собой, хорошо узнали друг друга. Не только в военное, но и в мирное время обменивались девушками, нередко были налажены взаимные спонсоры. Кроме того, как свидетельствуют достоверные исторические документы, накануне освобождения от калмацкого плена Абылай некоторое время находился в орде Дабачи, подружился с ним, пользовался его гостеприимством. Примерно в это же время он познакомился и с Амурской, который был младше его, они стали «анда» — кровными братьями, их связывала настоящая дружба, глядят вetchникл.

Абылай с почестями встретил двух знаменитых князей с многочисленными нукерами, оборудовал для них отдельный аул. Конечно, хоть и помаловали Дабачи и Амурсани как изгнанные-просители, за ними тоже стоит их парод. Абылай думал о делах перспективных. Нельзя сказать, что он не понимал чем может в конце концов обернуться ата забота. Прекрасно осознавал, что она приведет к новой войне с Джунгарпей, к качественно другой войне, тем не менее он смело пошел на это.

И действительно, вскоре прибыло из Калмакской Орды посольство с требованием связать Дабачи и Амурсану и отправить туза.

Здесь вопрос заключался не в судьбе отдельных людей. Но мирному договору между Абылаем и Галданом казахский и калмацкий пароды в течение десяти лет жили под ясным небом. Дальнейшее такое состояние было нежелательным для казахов. Давно наблюдал Абылай внутренние раздоры и распри в джунгарском ханстве и теперь сделал вывод, что настало удобное время. Поэтому решительно избрал путь войны, а не дальнейшего мира. Но что бы объявить большую войну Калмакской Орде, нужно было согласие всего народа.

Абылай выпудил послов Мама Доржи находиться в ожидании, а сам созвал чрезвычайный всеказахский курултай. Собранные бии и батыры трех жузов единодушно выразили мнение, что нельзя отдавать Дабачи и Амурсану. Это означало, что пришлось вопреки мирному договору и начинается очередная жестокая война между Казахской Ордой и Калмакской Ордой.

Абылай заявил обратному послу: «Дабачи и Амурсана пришли к нам сами, по традициям наших предков гостя, просящего защиту и покровительство, не выдают врагу».

Мама Доржи посчитал, что находясье своих сопер-

никог в соседней стране — прямой угрозы его власти, да и повод подвернулся проучить Казахскую Орду, и в сентябре 1752 года направил туда двадцатитысячное войско во главе с полководцами Саин Бетек и Батур Убачи.

Первыми удар приняли роды керей и найман, которые понесли очень серьезные потери. Но в это время подошел Абылай с многочисленной армией, сформированной до этого в Байп Ауле. Жуткая сеча состоялась в начале октября, калмаки были разгромлены. Это было поворотным событием в двухсотлетней казахско-ойратской войне, решающей победой.

Правда, новые походы и Джунгариям принесли бы народу новые колоссальные трудности, были бы сопряжены с непомерными расходами. Эту политическую ситуацию прозорливый Абылай подметил сразу, он отлично понимал и то, что Джунгарские государство раздирают внутренние разногласия и междоусобица, поэтому решил выиграть время и побежденному врагу отправляет послов с предложением заключить перемирие.

Лаха-Доржи отверг это предложение и чтобы навести страх противнику, умертвил двух послов, а остальных бросил в темницу. Несмотря на наступление зимы объявил сбор и отправил всю армию на Казахскую Орду.

В этот момент создавшийся уезд Абылай разрубил одним махом, без потерь, просто. У находившихся в казахской среде Дабачи и Амирсаи имелось сто пятьдесят верных пугеров. Абылай выделил дополнительно пятьсот отборных аламанов.

Дабачи и Амирсаи срочно выступили и только по им известным окольным дорогам незаметно преобразили в Джунгария, затем пашли на почти беззащитную калмскую ставку. Молниеносно перебили охрану, захватили самого Лама-Доржи и тут же отрубили ему голову. Это случилось 12 января 1753 года.

После этого Дабачи быстро собрал своих единомышленников и был объявлен хунтайджи; по заключенному с Абылаем договору вернул обратно калмакскую армию, которая уже приступала к боевым действиям на казахской территории.

На этом, казалось бы, должен был установиться мир.

Но, оказывается, это только начало смуты. Вновь поднялись поганы, не признавшие Дабачи. В схватках за власть Дабачи потерпел поражение и был изгнан из орды. Он опять обращается за помощью к Абылаю, который дал-

но намеревался перенести войну с давним врагом на его территорию и незамедлительно направил в Джунгарию большое войско. С его помощью Дабачи и Амирсана полностью разгромили оппозиционных воинов. Ударная дружина Абылай разорвала один из четырех калмакских улусов — дурбугетский — и с огромной добычей вернулась на родину.

С этого времени походы на джунгар стали обычным делом, а громить и побеждать — привычным занятием. Так как в эту пору началась непримиримая вражда уже между соперничавшими союзниками Дабачи и Амирсаной.

Когда поддерживал беглых калмакских князей, Абылай считал, что этим лишь способствует дальнейшему раздроблению Ойратского улуса; никак не хотел, чтобы Дабачи (Дабачи), установив сильную власть, стал для казаков таким же опасным врагом, как вчерашний Галдан-Церен. Поэтому он отныне оказывает поддержку Амирсане, который боролся против центральной власти.

В 1753-1754 годы казахские дружины под предводительством батыров Жанатай, Кабанбай, Козеубай, Ер Жалибек. Мурадды Утегена («мурадды» — буквально «рогатый») и др., и летом совершили немало победных походов на Джунгарию. Потерпев поражение за поражением и почувствовав близкий конец, Дабачи обратился за военной помощью даже к русским властям.

Хоть у Дабачи уже не было той силы, Амирсана не удалось добиться лично превосходства.

Смертельное противостояние хана и князя калмаков было на руку казахам.

В конце концов в одной из решающих битв Амирсана был наголову разбит и, оставив свой улус, бежал в Китай. Но это не остановило Абылай, осенью 1754 года он окончательно разгромил набравшего силу Дабачи.

За осенней победой последовала зимняя кампания. Победные походы продолжались и весной 1755 года.

Таким образом, в двухсотлетней войне, подобной которой не было в истории никакого другого народа, окончательную победу одержали казахи. Джунгарское государство перестало более быть угрозой, полное освобождение Итатусу должно было свершиться своим чередом.

Достижения Абылаем очень крупной военной и политической победы не привлекло соседней с казахами Российской империи и пограничной с Джунгарией Маньчжурско-Цинской империи.

Россия, считая с 1745 года отговаривавшая казахов от походов и теперь встревоженная растущей их мощью, начала подготавливать войска к границе, подумывать о захвате Джунгарии. Но ее опередил Китай, который вот уже триста лет бдительно следил за Ойратским улусом. Под предлогом посадить Амирсагу на его законный престол китайцы летом 1755 года вторглись в Джунгарию.

Измученный и ослабевший в результате внутренних противоречий и междоусобицы, систематических набегов Казахской Орды, а также обманутый тем, что к власти придет Амирсага, Дурбуи Ойрат не смог оказать никакого сопротивления. Калмацкий народ на протяжении трех столетий служил твердой крепостью между Китаем и всем тюркским миром, отважно вступил в борьбу с превосходящими силами врага и отстаивал свою независимость, теперь же за каких-то два-три месяца лег под ноги Маньчжурско-Цинской империи.

Когда китайская армия вошла в пределы Калмацкой Орды, там же стоял Абылай со своим огромным войском.

Китайский император направил казахскому хану специальных послов с письмом. «Вы раньше непрерывно воевали с ордитами, — говорится в нем. — Когда Поднебесная сдвинула армию, мы бражались с Дабали. Теперь джунгарская земля успокоилась. Весь ее народ является нашими слугами. Более мы не хотим ни чинить какой-либо вред вам. Если бы вы признали нашу власть и Престоловидец перед ней, то мы бы сделали вас счастливыми. А если желаете быть самостоятельными, то разрешаем сохранить границы и жить мирно. Отныне запрещается ступать ногой в нашу сторону, в противном случае мы направим нашу победоносную армию и накажем вас».

После разгрома Джунгарии независимой стране, чтобы жить по своему усмотрению, ничего разрешения не требовалось. Судя по данному документу, в период, когда между Казахским государством и Китайской империей уже непосредственно проходила граница, маньчжурско-цинский богдыхан, считающий себя властелином полмира, ясно представлял себе мощь казахов. Видно, что он признавал самостоятельность, независимость Казахской Орды под властью Абылая.

Позднее в указах для своих полководцев оженхан Цзялуи (Хун Лин) подчеркивал: «Эти казахи раньше жили самостоятельной страной, мы должны это признать». Предупреждает, что необходимо различать казахов и оло-

тов, т. е. ойратов, если казахи будут сохранять спокойствие и мир, то не следует переходить границу с войной. А в отношении завоеванной Джунгарии он выражает твердую решимость более не выпускать ее из своих лап.

На самом деле надежды и расчеты Амурсана на китайцев не оправдались, после пленения Дабачи Циньлуцун разделил прежнюю единую Джунгарию на четыре улуса, в каждой крепости сосредоточил свой гарнизон, а лично самому всей власти, превратившемуся в рядового воина Амурсана приказывает явиться в Пекин.

В это время весь калмакский народ поднялся на национально-освободительную борьбу против захватчиков. Возглавил эту борьбу Амурсана. Но силы уже были далеко не те, а судьба была предопределена. Циньлуцун уже считал, что окончательно завладеет древней джунгарской землей, которая когда-то была родиной казахов предков — древних тюрков, а начиная с XIV века стала владением калмаков — племени западных монголов. Весть о восстании привела ожесточен и возмущенный гнев и он издал бессмысленный указ — стереть с лица земли весь ойратский народ. В Дурбун-Ойрат была направлена армия в двести тысяч солдат.

Получивший поражение и оставшийся без войска и народа Амурсана с несколькими куверами опять бежал к Абылаю.

Цинские послы потребовали от Абылая задержать Амурсана и сдать китайским властям, не то — китайцы нападут на казахские земли, но кая ответил отказом. На то были две причины. Во-первых, не говоря об обычаях предков, враг мог сделать вывод о его слабости и предпринять соответствующие меры. Во-вторых, и самое главное — сохранить Амурсана, сохранить Калмакскую Орду. Именно в этот исторический момент главным вопросом была целостность вчерашней враждебной Джунгарии, восстановление ее единства и силы.

Мудрый правитель, прозорливый дипломат Абылай сразу оценил новую опасность, надвигающуюся с востока как всеразрушающий селевой поток, глубоко осознавал то, что остановить его могут не только силы, но и холодный ум, хитрость, гибкая тактика, рассчитанная на долгие времена продуманная политика. Поэтому поддерживал освободительную борьбу Джунгарии против Цинской империи. Начал укреплять армию Казахской Орды, готовиться к смертельному бою.

И вот летом 1756 года маньчжурско-цинские войска, возглавляемые полководцами Хадахой и Дарданой, с двух сторон двинули на казахские степи. Навстречу вышел Абылай во главе большой армии, состоящей из сынов всех трех жузов.

История казахско-китайской войны 1756—1757 годов еще не написана. Это — особая глава в героической летописи нашего доблестного народа.

Судя по достоверным историческим документам, которые стали известны в последнее время, действия восставших казахов проходила с переменным успехом. Плечом к плечу с казахами очагово воевали и калмацкие отряды во главе с Амйраном.

Армия алаша под предводительством Абылая нанесла весьма серьезные поражения китайцам сначала в Жезысу, у подножия горы Калмак-Толатай, затем — на Аягузе.

Император Циньлуи не ожидал такого поворота дела, поэтому отозвал обратно Хадаху и Дардану, покоривших буквально до этого весь Восточный Туркестан, заменил их полководцами Фу Да и Чжао Хуэй.

По численности китайские войска, конечно, во много раз превосходили казахские. В тяжелых боях потери казахов тоже были серьезными, сам Абылай получил ранение, и он отдал приказ к отступлению. Но как свидетельствуют документы, этот шаг был не военным поражением Абылая, а его крупной стратегической победой. Казахи сохранили свои основные силы, ведя непрерывную войну в виде партизанской, изматывая врага.

На второй год войны Дурбун-Ойрат был окончательно разгромлен. По приказу императора Циньлуи всех калмаков зарубили от мала до велика, милановский ойратский народ, являвшийся по тем временам одним из многочисленных, действительно полностью был стерт с лица земли.

Расправившись с калмаками, летом 1757 года цинские войска огнем и мечом вновь вторглись на казахские земли. Абылай привел в боевую готовность свою армию и вышел навстречу. Но после нескольких разведывательных боев выяснилось, что численность врага в десять раз больше, поэтому остановить его в единоборстве, в открытом бою невозможно.

Маньчжурско-цинские политики к этому времени тоже поняли, что не так-то легко справиться с казахами, что в бескрайних степях их ждет долгая и изнурительная война.

15 мая 1757 года Абылай отправил в полководцу Фу Да Абылайсуз-султана с небольшим отрядом.

В местечке Айдиу Су Абылайсуз-султан столкнулся с авангардом китайцев и принял вынужденный бой, только после первых обменов ударами ему удалось разбежаться сунь дэа противнику. Ему открыли дорогу в шатер Фу Да. В результате первоначальных переговоров была остановлена широкомасштабная война между казаками и китайцами. Примечательно, что переговоры между казахскими правителями и китайскими полководцами велись на калмакском языке.

Вскоре состоялось заключение договора о мире. Стороны организовали переходом официального обмена послами.

Здесь следует обратить внимание на один интересный факт, который берет начало с китайских летописей, пропитанных эгоистичным имперским духом, затем перешедшим в поздние исторические труды. Абылай никогда не отдавал свой народ в подданство, никогда не присягал китайскому императору и верности, зависел от него. Ни в какой истории нет подобного документа, подписанного от имени Абылая, его послы в Пекине вели разговор лишь о добрососедстве, дружбе. Во время встреч, переговоров они сразу отвергали намеки дворовой элиты о подданстве.

Говоря дипломатическим языком того времени, между Цинским императором и казахским ханом установились «отношения между старшим и младшим братьями», а система подданства тогда называлась «отношения между отцом и сыном».

Одним словом, победоносный полководец, прозорливый политик Абылай хан отстоял свои земли и народ, удержал святое звание независимости.

После разгрома Джунгария, установления мирных взаимоотношений с новым восточным соседом, после стабилизации политической обстановки в самом улусе Абылай приступил к наведению порядка во всех концах прежней Казахской Орды.

В 1765, 1770 годах он выступил походом против Киргизского улуса, очистил левобережье Или, территорию вдоль Чу, обложив грабидо между казаками и киргизами, которая протянулась от Нарынкола до Кордан и сохранилась до наших дней.

В 1774 году были разгромлены волжские калмаки.

В последние 15 лет жизни Абылай вел непрерывные войны со среднеазиатскими ханствами, вернул города Тур-

встал, Шымкент, Сайрам, приблизил к рукам Ташкент, вновь присоединил к Казахской Орде земли предков всего южного края. Многие из этого мы потеряли опять в годы советской власти.

Границы Казахской Орды при Абылай-хане были намного шире нынешней территории Казахстана. И казахский дух в эпоху Абылая был значительно выше, чем сейчас.

«Ормызда бар оналар», говорится в пароде (это означает примерно — «этот, кто цел, невредим и находится на своем месте, когда-нибудь заявит о себе, возвысится»). Отромная орда, пройдя столько мучитаний и страданий, вновь заявила о себе, только сейчас стала познать, осознать, кашим великим был народ, каких славных сынов он рождает в прошлом. Нет сомнения в том, что народ, давший Абылая, в конце концов найдет свой светлый путь, достигнет многовековой заветной цели.

«ПЫЛЬВЫЙ ПОХОД»

ФИНАЛ ДВУХСОТЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Самый последний аккорд двухсотлетней ойратско-казахской войны в сознании алтайского народа остался под названием «Шанды жорык» («Пыльный поход»). Сохранилось очень много исторических сказаний, связанных с событиями этого похода, был сочинен и кюй «Шанды жорык». На самом деле это был не поход, поднятый до небес пыльную бурю, а самый последний и крупный, самый тяжелый по жестокости майдан в истории войны с калмаками, где кровь лилась рекой и жертвы были неисчислимыми.

Мы уже писали о том, что в эпоху Высокорослого Храброго Кесима одна часть потерпевших поражение ойратов откололась от основной массы и эмигрировала на запад; состоявший в основном из рода торгут этот воинственный улус разгромил Ногайскую Орду, вытеснил ее народ на родных земель и обосновался на берегах Волги. Таким образом, в середине XVII века в тылу Казахской Орды образовалось еще одно калмакское ханство.

Со временем калмакский улус на Волге принял российский подданство, но сохранил относительную внутреннюю самостоятельность. Наряду с этим живянные интересы

воинственного калмакского народа именно в этот период в этом регионе во многом совпала с завоевательной политикой Российской империи.

На протяжении полутора веков калмакское ханство вело политику вражды по отношению к окружающим тюркским народам, даже во всему мусульманскому сообществу Восточной Европы. Оно полностью разогнало когитцев, вытеснило башкир из родных земель, производило набег на Дагестан и Кавбанду, участвовало в войне против Крымского ханства и Османской империи, во все времена служило карательным отрядом России, окончательно вставшей на путь хищнической экспансии. Постоянно находились на грани срыва и взрывоотношения с восточным соседом — Казахской Ордой. Но после сокрушительного поражения от Салкам Жангира в 1635 году на Янке калмаки притихли надолго, хотя по мере усиления Дурбуа-Ойрата установили связь с далекой Джунгарией и цел-цел да показывали прежний лоров.

В конце концов в середине XVIII века Джунгария была окончательно разгромлена, успокоились и волжские калмаки. Но не от того, что остались одни над ошеломляющим был удар казахов, а потому, что еще сильнее стали сжимать колониальные тиски России.

В одном из программных документов, раскрывающих суть коварной политики царского правительства в этом направлении, выражена такая позиция: «Если калмаки окажут нам какое-либо сопротивление, надо направить на них кзиков, и наоборот, проявят казахи негативное отношение, следует направить туда калмаков и башкир, если они так будут давить друг друга мы подчиним их и без применения русской армии. Калмаков, башкир и казахов необходимо держать только так, во взаимной вражде».

Это — лишь одно проявление внешней политики России в Евразии. В этом плане она максимально использовала подданной себе калмакский народ. Хотя иногда ему не давала ничего.

С каждым днем возрастали потери и горе калмакского народа, тысячи молодых джигитов которого вечно находились вдали от родины, в походах, участвовали во всех войнах России: в 1861 году была упразднена ханская власть, на освоение уже им Поводийе стали прибывать переселенцы из России и захватывать шамболев плодородные земли, пастбища и водоемы, со стороны казахов частыми

стали угоны скота и людей, грабежи и насилие, началось принудительное крещение местного населения.

Именно в этот период в сознании народа зародилась заветная мечта о возвращении на восток, в родную Джунгарию; распространился слух о том, что после истребления ойратов земля предков опустела и осталась без хозяев. Лидеры народа тайчи Убачи и Цереп начали агитировать соплеменников предпринять великое кочевье, что все волжские калмаки должны возвратиться в Джунгарию.

Отчаявшись в повседневной невыносимой жизни, в надежде на лучшую, пусть пока туманно неизвестную, перспективу калмацкий народ осенью 1770 года решается на великое переселение.

Откочевка назначается на начало января.

Торговцы, составляющие основную часть калмаков, занимают левобережье Волги, то есть восточную часть Дурбуты и хопсуты — правобережье. Когда начались тайные разговоры об откочевке, калмаки под разным предлогом стали перебираться на левый берег реки, а оставшиеся ядали известного сигнала. Однако в день 5 января, на который было назначено начало мероприятия, ударил сильный мороз, потрескались льды Волги и из трещин пошла вода, в результате 14 198 семей не смогли ядла подняться перейти реку, присоединиться к великому кочевью и остались навсегда в пределах России.

А численность тех оягов, которым удалось своевременно перейти реку и взять курс на Джунгарию со всеми людьми и скотом, составила в общей сложности 20 909. Это примерно 170—180 тысяч человек. Вушительными были и вооруженные силы — 40 тысяч воинов. Имелось только одно знамя — калмацкое кочевье должно было пройти через казахскую территорию, другого пути нет.

Получив весть об откочевке волжских калмаков, русское правительство намеревается огнем и мечом вернуть их обратно. Однако быстро двинувшиеся калмаки, уничтожая по пути отдельные воинские отряды, пока русскими была организована погоня, уже успели глубоко внедриться в казахские владения. Яицкие казаки отказались от опасного похода, войско генерала Траубенберга вернулось с полдороги.

Передававшая слово соль, калмаки смели несколько попавших на пути казахских аулов и ненадолго остановились на берегу Жема. Стало известно, что они намере-

ны перебраться через Иртыз и идти вдоль Сары-Арки, через Жетысу выйти на Джунгарию.

Узнав о приближении калмаков, хан Младшего жуза Нуралы оперативно сгруппиров войско и выступил им навстречу.

Первая битва состоялась на берегу Жема. Убавчи потерпел поражение и, отступая, послал Нуралы письмо о перемирии, в котором пишет, что он вынужден бежать от русских на землю своих предков, поэтому просит предотвратить кровопролитие. В ответном послании Нуралы требует очистить казахские земли, вернуться обратно.

В официальной литературе советского периода сложилось неправильное мнение о том, что казахи воспылавали трудным положением калмаков, хотели казнить их за это, а Нуралы-хан пошел на поводу царского правительства. Хотя в это время явно чувствовалось холодовое дыхание России, казахи твердо придерживались своей древней привычки действовать только с национальной позицией. Со времени Актабан-шубырынды прошло всего пятьдесят лет, многие из тех, кто своими глазами видел страшное нашествие, были еще живы. Чуть больше мучали прошло после завершения войны с Джунгарией. Поэтому в любых условиях казахам, чтобы выступить против калмаков, никакой агитации не требовалось. Стоило зазвучать тревоге, что приближаются калмаки, — все казахи уже были на конях. Как бы ни уверяли калмаки, что не нанесут ущерба, не было сомнения в том, что пройдя через весь Казахстан, вынуждая многочисленных жителей и зимовки, это грозное шествие послужит причиной многих столкновений, кровопролития.

Раз подыавшись с всплещенных мест, калмакам тоже было трудно возвращаться назад, поэтому Убавчи без ответа оставил требования Нуралы-хана. Калмацкое кочевье, оглябая Мутолжары и по возможности обходя густонаселенные казахами регионы, продолжало двигаться по первоначальному плану.

В весеннее половодье, соорудив плоты из камыша, беженцы с трудом перебрались через Тургай; исхудалые лошади, скот, па и люди изрядно устали. На их головы свалилось своего рода жестокое актабан-шубырынды. Вслед за кочевьем с каждым днем все больше и больше оставалось трупов умерших, обесчелавших.

Главное — чем дальше двигалось шествие, том чаще становились кровопролитные стычки. Казахы зорко следили

из движением кочевья, иногда — с флангов, уничтожая драгу тюрками, угоняли целые аулы, захватывали огромную добычу.

Конечно, целью представлять калмакское кочевье как степной беззащитный, бессильный табор. Со времен древних тюрков, монголов кочевые народы жили походной жизнью, месяцами, годами не слезали с коней. Вооруженные силы воинов калмаков, как сказано выше, являлись очень мощными; они были закалены в боях в Крыму и на Кавказе, в европейской стороне, хорошо вооружены, имели достаточный опыт ведения боевых действий; главной трудностью кочующего калмацкого улуса была невозможность пройти этот огромный путь спокойно, да и направление конечной цели в основном было предпретено.

Начиная с марта до середины лета, почти четыре месяца калмаки двигались без остановки, с трудом отражая непрерывные атаки казахских отрядов. К концу июня они полностью пересекли шагирсок Сары арку и приблизились к Балхашу, где сделали остановки на берегу реки Монты.

В этот момент большое войско казахов под предводительством Абылай-хана вошло в окрестности враса. Общая численность казахских воинов составляла пятьдесят тысяч, отдельные дружины возглавляли Шуралы-хан, Адиль-султан, Орус-султан.

Если до этого казахи гоняли вражеское кочевье и осповом проклинающими действиями, стегали с флангов, то теперь они планировали уничтожить его здесь окончательно.

Почувствовав смертельную опасность создавшегося положения, калмакские правители отправили Абылай хану специальных послов, в числе которых были семь самых авторитетных в их народе людей.

Калмакские послы, по древней традиции, слезли с коней на установленном расстоянии от хахской ставки и пешком приблизились к Абылаю. «Аллажар! — обратились они к хану. Мы передаем Вам приветствие Убичи и Церена. Казахи и калмаки надрезке родственные народы, вам нет смысла дальше воевать. Предлагаем мир. Поставим для Вас белую юрту, проведем достойные дары и приважем Ваше подданство. Нам больше идти некуда, дайте вам землю для кочевья и будет весь калмакский народ одним из Ваших улусов под Вашей властью, Предлагаем восстановить древние родственные обычаи».

Для обсуждения предложенных калмакских послов Абылай-хан созвал военный совет. По дошедшим до нас отрывочным сведениям, мнение собравшихся разделилось надвое. Абылай был склонен полностью принять предложение посольства. Бодьшад группа полководцев заявила, что договор ни к чему, надо использовать возможность и пока калмак в кулаке, следует его уничтожить окончательно. Легендарный герой борьбы против джунгар и китайцев Баян-батыр в своем выступлении говорил: «Убави и Царя обвел вокруг пальца и русских, и китайцев, обманет и тебя, мой хан».

Народные сказания и поздние повествования утверждают, что Абылай был обманут, позарился на богатые дары калмаков. А на самом деле полкитика Абылай-хана была какного глубока.

Опытный, закаленный в борьбе с иезуитами иригами полководец, восстановивший Казахскую Орду мудрый политик Абылай-хан после разгрома Дурбун-Ойрата и вхождение в Джунгарию весной 1755 года маньчжурско-китайской армии теперь уже был заинтересован в укреплении давнего врага. Он стремился предостеречь долному уничтожению ойратского народа, считал, что следует сохранить между Казахской Ордой и могущественной Китайской империей независимое, самостоятельное Джунгарское государство, которое бы служило в будущем естественным природным щитом на востоке. Если раньше он прилагал все усилия для разгрома Джунгарии, то в новых условиях оказывал ей всяческую помощь. В 1756 году, когда в Восточный Туркестан вторглись двухсоттысячные шуршутские войска, в дружине хунтайджи Дабачи имелся и казах, которые до самого конца находились рядом с калмакским правителем.

В национально-освободительной борьбе Амирамны против маньчжурского ига особо отличился и казахские воины; сын поиманного в плен владетельного сарбаза Хазык-Шары (Казах Сары, то есть «белый казах»), который родился и вырос среди калмаков, стал патриотическим героем ойратского народа; отдельные казахские дружины активно участвовали в уничтожении оставленных в Джунгарии маньчжурских гарнизонов, с этого момента Абылай и Амирсаи действуют плечом к плечу. Когда разгромили Джунгарию, шуршутская армия вторглась в Казахстан, в битвах Абылай против врага участвовали и вытесненные из своих земель калмакские отряды, то есть вчерашние

неприятель перед лицом общей опасности вовремя подавали друг другу руку помощи. Героическая борьба джунгарских калмаков против Маньчжурско-Цинской империи дала необходимую передышку казакам, позволяла им выигрывать время, найти новую тактику, накопить военный и политический опыт.

Теперь, когда на повестку дня выдвинулся вопрос о мире с бежавшими волжскими калмаками, о принятии их в казахское подданство или хотя бы о беспрепятственном прохождении в Джунгарию, Абылай не вспоминает о преклонной старости, не заботится о добре, а думает о будущих временах и конечных целях власти, о далекой перспективе.

От первоначальной численности калмаков, конечно, осталась малость. Если укрепятся в Джунгарию, они не будут представлять особой опасности казахам, и наоборот, послужат хотя незначительным, но буфером между Китаем. Вопрос о принятии в подданство тоже не имеет оснований. Видимо, Абылай подумывал и о том, чтобы расселить этот похолодевший облышем на нас этнос среди казахского народа и постепенно ассимилировать с ним. Хим вынес на обсуждение эти два пути, лишь бы договорился без кровопролития. Но представители народа, на протяжении десяти подолжений воювавшего с этим врагом, не соглашались с мнением хана. Похоже, совет затянчился. Была объявлена трехдневная передышка, намечено в последний день обмолвиться плешными и решить вопрос окончательно.

Убачи, видимо, с самого начала пошел на хитрость или понял, что после передышки все равно не будет мира, и опередил события. На третий сутки, посреди ночи калмаки повнялись все до единого и пошли в атаку. В результате сильнейшего удара под покровом темной ночи они прорвали кольцо окружения. Но калмак скакать, что чрезвычайное решение Убачи и Церена вывели калмакский народ на верную дорогу. Отныне были перекрыты все пути к согласию, к заключению мира.

После битвы на Момыты в июле 1771 года начался самый последний, завершающий этап в цепи событий «Шылыного похода».

Придя в себя после ночной внезапной атаки, наутро казахи вновь встали в строй. Теперь война между ними и калмаками приняла затяжную, походный характер. Казахские дружины день и ночь преследовали врага, изматывая его, постепенно уничтожая боевые силы.

Калмаки планировали обойти Балхаш с западной прес-

поводной стороны и, поднимаясь по Или, прошли в Джулгарию. Однако казахи все время не подпускали их к воде. Калмаки, измученные от жажды, от полученных в бесконечных битвах ран гибли мучительной смертью, ежедневно сотнями и тысячами попадали в плен; только наиболее стойкая, хорошо вооруженная кучка людей, оставшая за собой пыльный туман, прошла через Кастек, Каскален, Кегец и Нарышкел и с огромным грузом достигли Джулгарии.

В ночной суматохе на Момшты, оказывается, от калмаков откололась большая группа и ускользнула от внимания. Безглазыйсын Гажу-гайчи, эта группа двинулась по северным баратам Балхаша, некоторых время ее никто не беспокоил и плены этого кочевья несколько поправили свое положение. Однако казахи вскоре настигли и эту группу, которая уже успела пересечь реки Аягуз, Лешсы, Каратал и достичь Или. В результате беспощадной рубки спаслась лишь десятая часть калмаков. Они безоглядно бежали вверх по Или и чудом добрались до двайских рубежей.

Но пройдя такой огромный кровавый путь и испытывая порой нечеловеческие испытания, оставшиеся в живых калмаки попали в родной Джулгарии не в долгожданное обитие, а в ярмо рабства. Цинская администрация расселила их в отдельные мелкие аулы и объявила своими подданными.

«Пыльный поход» еще раз продемонстрировал то, что вражда между народами никогда не приносит им счастья. В результате непрерывной войны на протяжении шести месяцев, на пути от Яика до Джулгарии длиной несколько тысяч километров был уничтожен последний очаг образско-калмачского народа. Буквально до этого пал Дурбун-Ойрат, видимо ослабевший от тяжелых ударов Казахской Орды под руководством Абылая, от внутренних противоречий, от борьбы за престол; его попытку вновь возродиться Магшчмурско-Цинское вшествие потопило в крови — виновные восточные калмаки численностью свыше одного миллиона человек были стерты с лица земли. В суровую зиму 1771 года также было истреблено 170—180 тысяч, то есть 31 тысяча очков, западных калмаков, которые свались с берегов Волги и двинулись в Джулгарию. Но туда добрались всего 15—20 тысяч человек, которые уже были не в состоянии захватить самостоятельную, независимую жизнь. Лишь по воле случая на сумевшие пере-

браться через Волгу и первый день откочевки 50—60 тысяч людей остались живы. Они как раз составляют нынешнюю автономную республику в составе России с населением 140 тысяч человек — самые последние остатки некогда мощного, грозного ойрата.

Глядя на жестокую судьбу ойратского народа, который когда-то завоевал весь Восточный Туркестан, тисался с Китайской империей, потряс Казахскую Орду, приходится благодарить всевышнего, что он сохранил нас, не обожел милостью своей.

Не только предыдущая война с ойрат-калмаками на протяжении восьми-деяти поколений, но и даже победоносные битвы при эпильном походе, привели казахскому народу непоправимые бедствия и потери. Тысячи аламолов погибли героической смертью, среди которых особо следует выделить две невозвратимые жертвы. В одном из сражений «эпильного», точнее, кровавого похода погиб один из выдающихся казахских полководцев XVIII века Жанатай-батыр — организатор многих побед в казахо-джунгарской войне, самоотверженно боровшийся и против пурштов. Говорят, когда Абылай-хану сообщили о гибели Жанатай-батыра, он плакал навзрыд, восклицая «О мой черной конюх, который не умирает в злочке!» Прогнав остатки джунгар за пределы казахских земель, с победой возвращался другой прославленный батыр — Баян, но прямо в пути он скончался от внезапной болезни. Его имя известно народу по произведениям Чоюана Балханова и поэта Матжана Жумабаева. А вот героическую личность Жанатай-батыра в народе еще знают не все. Видно, это и понятно, ведь мы и самого Абылай-хана начали познать буквально недавно. Наша самая серьезная болезнь в познании собственной истории — не болья пятна, а рукотворные герые пятна. Мы знаем лишь имена (а шорой и вовсе не знаем) многих реально существовавших и историчи батыров; и наоборот, в настоящее время сколько энергии и сил нопусту тратим на то, чтобы возвести в ранг национального героя случайные образы, само существование которых сомнительно; если и жили, то в другое время, да и не отличались особой отвагой в бою с врагом, и лидером народа никогда не были. Место прямой бокаливой истории стремится занять историчи ложная. Но это, конечно, тема отдельного разговора.

В этой связи считаем уместным назвать батыров, священные имена которых приводятся в конкретных история-

ческих документах эпохи Абылай, встречаются в древних памятниках устного народного творчества, повечно сохранились в памяти народа. Это самые выдающиеся легендарные полководцы, которые в третьей четверти XVIII века разгромили Дурбул Ойрат, храбро сражались с Маньчжурско-Цинской империей, разбили торговцев, прогнали кыргызов за Алатау, держали в страхе узбекских правителей, в непрерывной двадцатилетней войне возродили дух и клич Алаши и дали в руки Абылай-хана бразды правления трем жузам: Каракаерей Кабанбай, Мужады Утеген, Нуралы-хан, Абылпана-султан, Каяжыгалы Коганбай, Ералы-султан, Адиль-султан, Орус-султан, Жанатай, Баян, Малийсары, Олжибай, Керей Жаныбек, Шашырашты Наурызбай, Ахтамберды, Жалек, Бердылжа, Тлеуке, Сагымбай, Кулеке, Инауташ, Дат, Кокжарлы Барак, Кулашбек, Турсуазбай, Парбота, Кожаберген... Кроме них можно назвать имена Шабая, Сырымбета, Байгозы, Елчимбека, Сары, Сапкебай, Мамута, Молдыбай, Таусыка, Оразымбета, Дарпалы, Рахымбека, Чинтожи, Айбаса, Иналарара и многих других.

Мудрость, самоотверженность, пролитая кровь этих великих людей способствовали направлению казахской истории в правильное русло, повышению авторитета хана, определению ее будущего. В середине XVIII века Казахское государство, само существование которого в начале столетия стояло под вопросом, благодаря Абылай-хану пошло по пути возрождения, победоносно завершило двухсотлетнюю войну, да и после этого успешно выдержало еще одно, более серьезное испытание.

Когда Абылай покинул сей мир, его Орда уже достигла того духовного могущества, которое могло противостоять будущим историческим бурям и селам, передать будущим поколениям достойную астафету.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Абылай был самым прославленным ханом единой Казахской Орды. После его смерти в 1781 году алатайский народ вновь подвергся раздроблению. Конечно, нельзя сказать, что не стало государственности, улуса на национальной основе. Еще в течение семидесяти лет Казахская Орда существовала в виде различных отдельных ханств. В эту переходную эпоху, когда постепенно терялась независимость, в Старшем жузе правила династия Абылпейиз хана, в Среднем жузе — Абылай-хана.

После Абылая объявленный ханом Уали правил собственно только Средним жузом. Продолжая политику отца, он обменивался послами с Россией, с одной стороны, с Цинским царством — с другой, и стремился сохранить целостность своего народа. Однако на самом деле впал в зависимость от России.

Абылпейиз-хан еще при жизни Абылай-хана укрепился в Старшем жузе, в свое время он успешно воевал с Джунгарией и с Китаем, сумел показать свою доблесть и мудрость. После его смерти в 1783 году власть перешла к его сыну Жавтоже. И он, и после него его сын Калкожа установили политические взаимоотношения с Россией и Китаем, ставили основной целью мир и спокойствие в стране.

После Абулькяира в Младшем жузе ханом был объявлен Нурали, который в тяжелые для Казахской Орды времена всегда находился на переднем крае борьбы, признавал верховную власть Абылая, громил ойратов, маньчжур, торгаутов, теперь же он был вынужден считаться с российским правительством. Выполнял неблагоприятную миссию по сглаживанию отношений между непокорным родным народом и российской администрацией, которая с

каждым днем сжимала колоссальный обруч, Нуралы проводил жизнь в безвыходной тоске, и в конце концов он был смещен с престола в 1786 году и сослан во внутреннюю Россию. Его место на троне занял младший брат Ералы, но и при нем сыны алаша задыхались от тяжелого гнета. Стало нарастать недовольство народа против российской колонизации, марионеточного хана.

Самым существенным событием начала XIX века, которое дало свободу Казахию, установило колониальные порядки, явилось образование Букеевской Орды. Внук Абулхайр-хана, сын Нуралы-хана султан Букей в 1801 году мирным путем получил разрешение обосноваться на западе от Никы до самой Волги, где когда-то были владения Золотой Орды, позднее ногайцев-казахов. Перебравшись на земли предков, народ избрал ханом Букея, а новый подвластный России улус со своей системой управления получил название Внутренней или Букеевской Орды. Так прорывивший, мудрый Букей даже в условиях зависимости сумел расширить территорию алашского народа: всецело перешел огромные, благодатные владения, куда вместе сош бы крупное европейское государство.

В ту пору территориальная политика, сформировавшаяся еще в эпоху Казахской Орды, нашла свое закономерное продолжение, умело проводя эту политику, Казахстан не только на западе, но и повсеместно расширялся в географическом отношении. Под предлогом уверения российского подданства казахи преодолели на севере сформировавшиеся за двести лет воинские рубежи и обосновались вновь на исконных землях предков в Сибирском ханстве; на северо-востоке перешли Иртыш, углубились в Алтайские горы и заняли древние владения, принадлежавшие им еще со времен кыпчако-кимаков, древних тюрков. Весь Восточный край, служивший колыбелью древних воинственных тюрков, в позднюю эпоху поделенный ордатами и монголами, неоднократно подвергавшийся нашествию самих казахов, но в итоге перешедший под власть Джунгарии, в конце концов был возращен его исконным хозяевам. Сыны алаша, начиная с 1760-х годов, сначала под руководством Жаншубен-батыра из рода Керей, затем Котырак-батыра, непрерывно кочуя, постепенно опять заходили джунгарские земли. В этом краю, подвластном Китаю, Маньчжурско-Цинское правительство вело свою кавалерийскую политику. Но казахский народ в любом краю

стремился к свету, находя приемлемый уклад хозяйствования в соответствии с новыми условиями.

С течением времени петля затягивалась.

Постепенно весь Южный край подпадает под влияние Кокандского ханства. Сильным утешением было сознание того, что это влияние родственного мусульманского улуса.

В восточной округе с самого начала не было желания избирать хана. Отдаленные племена возглавлялись родовыми князьями, а общия для всего народа проблемы разрешали представители торы из династии Абылайхана.

А в районах российского влияния царское правительство любой ценой стремилось ослабить ханскую власть. Но особо жаловала царская Россия и покорного, послушного Уали, она еще при жизни пашагыяа ханом части Среднего жуза Букея — сына Кокжал Бараяа.

И на западе наступила эпоха, когда ханы-маршкетки в любое время могли быть назначены или смещены.

Но Россия показала, что ханство на словах тоже много для казахов. Специальным указом она объявила о ликвидации ханской власти: в 1822 году в Среднем жузе, в 1824 году — в младшем жузе. Часть Казахстана, попавшей во власть России, была раздроблена на основе русских порядков, ими решено было управлять по новой административной системе.

Но судьба Казахской Орды не определялась окончательно указом царя. Она хоть и лишилась самостоятельности, но не желала одеть ярмо рабства. То там, то здесь вспыхивали малые и большие восстания. Дети одного из сыновей Абылай-хана Насым-султана начали борьбу за возрождение Казахской Орды. Их поддерживали все три алаша.

Самый выдающийся впуск Абылай-хана Келесары в 30-е годы вступил в открытую борьбу и стал вождем национально-освободительного восстания всего казахского народа. Он объявил независимость Казахской Орды, народ по своему древнему обычаю подним его на белой кобыле, избрав ханом трех алашей. Но не суждено было ему как предкам править всей Казахской Ордой, вся его жизнь прошла в борьбе и в конце концов он ушел из жизни, так и не достигнув заметной цели. Страна казахов, раздробленная после смерти Абылай на песчинки владений, истекавшая кровью, уставшая, при Келесары вновь воспрянула духом, ради свободы пожертвовала тысячами и тысячами

своих гордых сыновей и возложила на будущее поколение священный наказ — бороться до конца за независимость.

Кенесары родился и жил в смутную эпоху, но он честно и до конца выполнял свой долг перед духами предков и всевышним; он был самым последним ханом Казахской Орды.

С момента гибели Кенесары-хана в истории Казахстана начался небывалый кошмар — эпоха колониального рабства. Только через сто сорок четыре года показался свет в конце туннели. Нет, не суждено было все же испуть сынам алаша. Конечно, нужно еще очень много времени, чтобы в полную мощь расцвело и укрепилось Казахское государство. Но самое главное — разорваны цепи, отброшены кандалы. Одно из свидетельств этого — возрождение забытой истории. Перед вами лишь одна часть этой истории.

Низкий поклон посланнику Аллаха Мухаммеду-галайх-уассалаяму! Да будут удовлетворены души всех, начиная от высокородных ханов до отважных батыров, от молочных младенцев до глубоких старцев, у кого жизненный путь протек в Казахской Орде, знамя которой гордо развевалось на протяжении четырех веков.

Я завершил свой небольшой труд.

*13.I. — 30.IX, 1993 г.
Алматы*

РУССКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

I

Известно, что Российская империя, которая в XIX и XX ввках покорила шестую часть мира, во не домогавшись этим, добилась власти в доброй половине земного шара. Более того, хотела завоевать все континенты. В самом начале она сама была небольшим государством под названием Московское княжество. Благодаря удачно сложившимся историческим условиям оно постепенно обрело силу и мощь, и в результате непрерывного вытеснения соседей, проведенных хитроумной, коварной политики, а зачастую завоевательных войн и беспощадного истребления захваченных народов, насильственно лишая их национального самосознания, создало огромную империю. Это — объективная, известная всем истина. В этом признавались и сами русские историки, служившие во славу Русского государства, способствовавшие укреплению царского правительства. Они открыто говорили, что все это было и так надо было поступать. Потому что даже те историки эпохи царизма, проникнутые духом шовинизма, расового превосходства, были в общем-то честными, но типичными представителями и образованными людьми.

А советская, коммунистическая Россия такие понятия как совесть, нравственность вовсе отодвинула на задний план. Все колониальные завоевания были объявлены либо просто присоединением, либо добровольным присоединением. Получилось, что Россия вывела кочевые и восточные дикие, неграмотные народы на путь культуры и цивилизации; восхвалялась ее коварная политика и оправдывались крупнейшие злодеяния. Но и в ту советскую эпоху никто не мог отрицать, что Россия становилась и расширялась постепенно, что вошедшие позднее в состав империи края являлись в свое время владениями других государств и народов.

И вот теперь, в последние годы XX столетия, коллеги из новой России — новые русские мыслители поднялись как бы на другую своеобразную ступень общественного познания. Лоботметиз этого познания — беспардонное заявление типа «Все мое!»

Утверждают, что их древнее государство разделилось на пятнадцать частей. Например, нет такого народа, как украинцы, этот бред по инициативе немцев в 1918 году придумали буржуазные националисты Малороссии, то, что называют сейчас Украиной, — лишь частичка Великой России...

Прибалтика — древняя русская земля, там проливалась наша кровь, тратились наши деньги...

Молдавию от турок освободили мы, Грузию спасли от угнетения тоже мы, следовательно, их жальшие отдаться, быть самостоятельными державами — неблагоприятно, самая пагубная безответственность...

А по отношению к Казахстану вовсе все ясно. То, что сейчас называют Северным Казахстаном — не одна область, а целый огромный регион — древняя российская земля, ее большевики передали казахам...

Легенда о том, что многие районы России по ошибке отошли к Казахстану, сейчас постоянно муссируется в московских изданиях, стала привычной цезлей. Но влрода им и северного региона кажется мало, поэтому они к числу всякой русской земель присоединяют и Жетысу — Семиречье.

Когда читаешь газету «Цель», журналы «Молодая гвардия», «Шест современника», которые постоянно поднимают разговор о том, что нет народа, имеющего украинцами, что Прибалтика это древняя русская территория, а Казахстан захватил огромные регионы России — когда этот бред повторяется систематически, невольно задумываешься, а в своем ли уме вообще редакторы этих изданий, авторы публикующий на подобные темы.

Да что говорить о бывших колониях — нынешних суверенных соседних государствах, «Наш современник» в № 11 за 1992 год замахнулся даже на самую Америку! Он заявил, что «Россия не продала Аляску, а отдала в аренду», хотя сразу же спохватываясь, мол, с Америкой, конечно, не будет территориального спора. Великодушная щедрость, не правда ли? Сначала заявляет, что один из штатов заокеанской Америки — их собственность, затем снисходительно возвращает его обратно. Понимают, что с такой могущественной

деревяной палки плохо? А с вами? Как быть с «древними русскими землями», которые захвачены Казхстаном? Тут, конечно, великодушью, щедрости нет места. Автор статьи вопрос оставляет открытым.

Но цель его видна: перевооруженным глазом. Разговор о российских землях, отсеченных в пользу бывших союзных республик, неуставно повторяется не только в упомянутых выше казахских «Деш», «Молодая гвардия», «Наш современник», но и во многих средствах массовой информации, книгах, выпускаемых в Москве. Возможно, такие заявления делают люди без совести, но они далеко не глупы, и сами эти заявления хоть и отдают абсурдностью, но не могут быть незамеченными.

Безусловно, Россия и после отделения бывших зависимых республик является и по территории, и по численности населения, и по вооружению сильным государством, мировой империей. Стоит сравнить с могущественными державами. По русским провинциям, которые равноправие воспринимают как оскорбление, все еще гложет nostalgia по старым властным временам. Они деш и ночь мечтают о их возврате. Они серьезно рассчитывают на то, что Россия вновь будет на коне, опять обуздает «непокорных», если как можно шире разгорится пожар войны между бывшими народами Советского Союза, ныне самостоятельными государствами. Даже если и не получится это, то по крайней мере можно отвлечь внимание собственного народа от экономического кризиса и китайских интриг. Главное — внедрить в сознание людей шовинистическую мысль о том, что вокруг все твое. То есть поставлено готовить основу для того, чтобы со временем, пусть даже через века, «проглотить» любого соседа.

Но такое время кануло в Лету. Стало ясно, что такие боронисцы, как Соловьевич, Шафаревич, Распутин, Белля, Болдаренко, Казяков не только не проанализировали историю России, а вообще не имеют никакого представления об истории человечества. Как это ни печально для них, но лет и не может быть вечной империи! Пали в свое время Вавилон и Египет, Карфаген и Рим, распались Непокорный Тюркский каганат и Золотая Орда. Буквально недавно была раздроблена Австро-Венгерская империя, а Великобританская империя превратилась в объединение дружественных, независимых государств. Судьба последних двух империй — яркое свидетельство того, что в любом случае можно расстаться мирно, без какой-либо

вражды. Особая показательный пример сообщества Британских Наций.

Российская империя без того просуществовала дольше на семьдесят пять лет, чем выпускалось историей. В 1917 году, после февральской революции, каждый народ мирно и дружно должен был начать строить свою жизнь. Но ни белые, ни красные не позволили этого. Вода непримиримую борьбу между собой, нашли общий язык в одном вопросе — беспощадно душили всякое движение освободительного характера в национальных окраинах. В конце концов власть завоевали беспощадные большевики. Проявлялись лозунгами о свободе, равенстве, прижизненном расе, они начали кровавый поход за установление диктатуры свиссвенной нации — русского народа.

Действительно, власть сменилась. На смену Романовым пришло правительство большевиком-коммунистов. Но это было новым периодом, самой высшей ступенью русского колониализма.

Придя к власти, большевистское правительство приступило к восстановлению распадавшейся старой империи. Борьба против белых переросла в борьбу против свободы наций.

Была разгромлена Украина, вновь объявившая о своей независимости. Объявлено вне закона правительство Алашорды в Казахстане, уничтожены Ковландская автономия и Бухарский эмират, весь Туркестан впал в имперскую зависимость.

Теперь была объявлена война против поляков, возродивших свое древнее государство, но строптивые поляки разбили под Варшавой красную армию и отстаивали свою свободу.

Только после этого позоренное перед мировой общественностью правительство большевиков воздержалось от боевых действий против Литвы, Ливии. Эстонии и Финляндии, которые в хаос гражданской войны получили независимость и отделились от России.

Но долго ждать ему не пришлось. Когда реальность второй мировой войны стала неминуемой, оно договорилось с гитлеровским третьим рейхом и захватило Прибалтику, раскромсало Польшу, затем паннаго на Финляндию. Мужественный финский народ в Зимней войне отстаивал свою свободу; и концу всемирной войны Польша восстановила свою государственность.

В этот период Российская империя, именуемая «Совет-

ский Союз» под лозунгом войны крушила все на своем пути и овладела опять же большими территориями и на западе, и на востоке. Покорив многие народы, сотрясала весь земной шар. С тех пор ни на миг не останавливала экспансию, пока не разбила свой лоб об афганский утес.

В итоге сила, служившая только злу, и политика грабежа и насилия не привели ни к чему хорошему. Империя распалась, имперская идеология сгнила. Но не исчезли у потомков господствовавших славян чувство превосходства, желание властвовать.

И на самом деле, если кто-то из них серьезно заявляет, что Жетысу, где сто сорок лет назад не было ни одного русского, — земля русская, то хочется и дохотать, и плакать. «У сильного всегда бессильный виноват», гласит мудрость. К сожалению, глубоко въевшаяся в сознание эта пагубная психология по сей день мет-лет да дает о себе знать. Отдельные патлы коллети, считающие себя русскими патриотами, в первую очередь мутят мировоззрение своих соплеменников, подбрасывая им неверные ориентиры; можно было бы пропускать их бред мимо ушей, но последствия могут быть весьма нехорошими.

Как свидетельствует газета «Цель», один из известных общественных деятелей кышевской свободной Украины в гневе высказался так: «Мы не можем считать себя в безопасности, пока Россия вновь не вернется в свои границы эпохи Московского княжества». Здесь разговор в древних, первоначальных границах русского народа — Московского княжества — поднимается неслучайно.

В этой связи как раз настал черед дать краткую информацию о колониаторской истории Русского государства.

2

В первой половине XV века в силу многих исторических, общественных причин окончательно распалась Золотая Орда, которая объединяла тюркские племена и на протяжении более чем двухсот лет являлась могущественным государством Евразии и по территории, и по численности населения, и по военной мощи.

В среднем течении Волги, на земле древних булгар-тюрков образовалось Казанское ханство.

Северное Причерноморье, Великая Степь и Крымский полуостров были объявлены Крымским ханством.

Нижнее течение Волги отделилось как ханство Хаджи-Тархана.

Регион между Волгой, Янгом и Жемом народ назвал улусом Ногайской Орды.

Сибирские тюркские племена стали основоположниками Сибирского ханства.

На землях Коп Орды, которая еще в эпоху Золотой Орды стремилась к самостоятельности, на территории нынешнего Казахстана образовалась Казахская Орда.

А многочисленный народ, населивший громадную территорию между Волгой и Доном (по тюркски — Тана), простиравшуюся на юге до Кавказского хребта, на севере — до русских лесов, назывался Улы Орда (Великая Орда).

Таким образом, огромная Золотая Орда распалась на семь независимых образований. Конечно, их территории, численность населения, уровень развития и могущества были разными. Но каждое из них уже могло существовать полностью самостоятельно, только требовались взаимные братство, единство, помощь друг другу.

Потому что именно в этот период возросла угроза со стороны Московского княжества, которое уже достаточно окрепло, покорило соседние народы — мордва, коми, карелы, удмурты и теперь хищно поглядывало на восток.

Но наследники Золотой Орды были еще в силе. Даже Крымское ханство в единоростве ни в чем не уступало России. А Улы Орда только одна могла выставить триста тысяч солдат.

К сожалению, у братских тюркско-кипчакских племен с единой религией, с едиными корнями и обычаями, почти с одинаковым языком как раз не хватало единства, сплоченности. Более того, не замечая надвигающуюся опасность, они были склонны к междоусобице.

В итоге внутренние распри в улусах привели к их разрушению: распалась Улы Орда — прямая преемница Золотой Орды, крайне ослабла Ногайская Орда.

Таким образом прошло сто лет и от потрясенной в свое время весь мир Золотой Орды остались лишь воспоминания.

Теперь же взошла звезда русского государства, которое стало называть себя не Московским княжеством, а Русью. Чтобы открыть дорогу на восток и по образцу древней Византии создать мировую империю, ей надо было разгромить поодиночке могущественное государство тюркских улусов

и в первую очередь покорить соседнее Казанское ханство.

Открытая война была сопряжена с огромными расходами, поэтому Россия считала хотела захватить Казань политическим путем. Умело используя раздоры между правителями Казанского ханства, прибегая к самым хитрым выстрелам, она стремилась посадить на трон соседней страны своих сатрапов, с помощью предателей постепенно уничтожала лучших представителей улуса. Но в целом духовная сила, солидарность тюркского народа в Казанском ханстве были весьма крепкими, он выше всего ставил свою независимость, поэтому хорошо сознавал приближающуюся угрозу с запада.

Убедившись, что тактика «холодной войны» не даст результатов, Россия перешла на тропу открытой войны. Однако все первые походы окончились неудачей. В конце концов русское царство поднялось всем миром — 19 августа 1552 года огромное войско Ивана Четвертого подошло к Казани.

Русское войско состояло из ста пятидесяти тысяч солдат, ста пятидесяти пушек, многих тысяч ружей. А Казанская крепость имела всего тридцать тысяч воинов. То есть враг превосходил по живой силе в пять, а по вооружению — в двадцать-тридцать раз.

Народ Казани предпочитает смерть, чем жить рабской жизнью, и решает бороться до конца. В ответном письме царю Ивану Жадигер хан писал: «Вы пришли на кровавый путь, мы готовы к войне, встретим вас!».

В течение двух-трех дней в результате непрерывных боев Казань-град был взят в железное окружение, началось одно из самых кровопролитных, трагических в истории всех братских тюркских народов сражений, которое и то же время является и славным сражением, служившим примером для последующих поколений.

Предводителями воинов в крепости были: Кулшарип-молда, Ивэнеш-бий из Ногайлы, Кебек-батыр из Тюмени, Дербеш-батыр, Суняпшали-батыр, а также родные братья Шора-батыра Нарзык-улы — героя казахского эпоса, умершего накануне Казанской битвы в 1549 году — батыры Шапыны, Аталык, Ислам, Алькей. Тут следует заметить, что в то время между татарами, башкирами, ногайцами, казаками еще не было четкой национальной грани, поэтому не будет ошибкой сказать, что в обороне Казани приняли участие представители почти всех тюркских племён Евразии.

Беспощадная битва длилась сорок дней, Казанцы периодически наступали на крепости, наносили ощутимые удары по русским позициям и быстро возвращались. Но пятикратное превосходство давало знать, ряды врага хоть и резали, но окончательно победить его было невозможно.

В первую неделю под стенами крепости пали смертью храбрых батыры Ислам и Суюншали. С каждым днем оборонявшихся становилось меньше и меньше.

Все же оборона Казани не была безнадежным делом. По всей Волге, по обе стороны Яика, в Сарымарке и вдоль Сырдарьи жидлись большие родственные народы, неисчисляемое количество воинов. Только расстояние было огромным, весть об осаде Казани русскими не сразу дошла до них. Но вот буквально рядом находилась еще достаточно сильная Великая Ногайская Орда. Ее правитель великий бий Жусуп за десять дней мог сформировать войско в двести тысяч сабель. У Жусупа было тридцать отважных сыновей, каждый из которых имел дружину численностью от двух-трех до пяти-десяти тысяч воинов; после получения вести об угрозе Казани они собрались вместе и пришли к отцу за разрешением выступить в поход, заявив, что действовать надо быстро, ибо падение Казани — это и их гибель. Но Жусуп не забыл тревогу в детях запретил думать о походе. У Жусупа была дочь по имени Суюмбике, женщина легендарной красоты, обаяния и ума, она являлась байбиче казанского хана; даже когда от нее прибыл нарочный с просьбой Суюмбике, что враг у стен города, всех ждет неминуемая гибель, поэтому надо срочно оказать военную помощь — Жусуп не возрадовал.

Кто знает, может он уже вынул из ума, может рассчитывал на то, что с падением Казани расширится владения Ногайды.

А дети Жусупа, конечно, не могли перешагнуть через отцовскую волю. Таким образом была упущена реальная возможность помочь Казани.

Все же остановить отдельные горячие головы было невозможно. С разных концов вчерашнего огромного улуса Золотой Орды немало аламанов отправились на помощь Казани. Но многие из них не успели, а достигшие цели своевременно объединились под началом бека по имени Жапайша и составили дружину всего в семь тысяч воинов. Они ударили с тыла русских, осаждавших город. Хоты им не удалось прорвать кольцо окружения, они, атакуя беспрерывно, нанесли серьезные потери врагу.

Конечно, силы были неравны. Дружина Жалайти тоже попала в окружение и была полностью уничтожена.

Трагедия Казани подходила к финалу. Русские сделали подкоп под крепостные стены и взорвали их. Но вернуться в город не удалось, их отбросили назад. Взрывы стен и атаки повторились.

В конце концов крепость была полностью разрушена, обороняющиеся почти перебиты и начался завершающий штурм. На сороковой день труднейшей обороны крепость пала, русские воины, перепрыгивая через горы трупов, ворвались внутрь.

К этому моменту в Казани оставалось примерно шесть тысяч человек, могущих держать оружие, пишет русский летописец. Многие из них были ранены, но все же никто не сдавался.

«Мы разгромили наш народ, разрушили наш город, нам теперь не стоит жить. Мы хотим крови, так выйдем в широкую степь на последнюю битву!» — кричал в сторону русских один из последних казанских батыров.

Защитники города были до единого истреблены.

Русские полностью овладели Казанью. Иван IV отдал приказ оставить в живых только маленьких детей и женщин, а остальных умертвить. Приказ был выполнен.

Захватчики в течение нескольких дней устраивали кровавый пир — истребляли оставшееся в живых мужское население, грабили город, наскакивали на девушек и женщин, беременным вспарывали животы.

Трупы захваченных свалились горами, обезглавленные, изуродованные тела погружались на плоты и пускались по Волге, чтобы навести страх на страну Ногайлы, расположенную по обе стороны реки в ее нижнем течении.

Это кровавое побоище потрясло не только турецкий мир, но и далекие европейские народы, узнавшие об этом лишь понаслышке. Папа римский написал специальное письмо русскому царю, в котором заявил, что подобное злодеяние, зверская жестокость противоречат нравственности, христианской религии.

Падение Казани оставило глубокий след, незабвенную рану в сознании братских турецких народов. В казанском эпизоде, который перевесен на бумагу лишь через три-четыре века, Казанская война занимает особое место. В некоторых сказаниях говорится, что ногайско-казахские батыры, получив весть об окружении Казани неверными, выступают в поход и освобождают город. Например, в дастане

«Шора-батыр» главный герой Шора Нарик-улы говорит:

Получив тревожную весть,
Что Казань взяли кафиры,
Как могу увидеть спокойно?!¹

Несмотря на отговоры, слезы разбитой, любимой жены твердо стоит на свободе.

Пока я не дойду до Казани,
Пусть идет снег, но не льется кровь.
Но как достигну я Казани,
Пусть льется кровь, но не идет снег!

И Шора-батыр, и другие батыры из многих эпических песен побеждают войско неверных и освобождают Казань. Это не только перебывшее в свое время мечта нашего народа, но и свидетельство тюркского единства в ту эпоху, проявив того, что еще продолжал витать дух Золотой Орды, что достоинство наши еще находилось на должной высоте. В этой связи уместно заметить: народ Татарстана после четырехста сорокалетнего ига в 1992 году объявил о своей независимости и организовал поминки в честь мужественных защитников Казани, отдавших жизнь за честь и свободу страны. Это было особенным событием, касающимся не только татарского, но и казахского, да и всех тюрко-язычных народов.

Казань в ту пору являлась непреодолимым барьером, каменной крепостью, запиравшей не только родственные тюркские племена, но и всю Евразию, все народы, населявшие этот континент. После ее падения Россия превратилась во всеразрушающий селевой поток, готовый потопить полмира во мгле кабалы. Открылась дорога и неисчислимым богатствам, к грабежу и насилию, уничтожению целых народов Евразии или захвату с целью колонизации.

Не прошло два-три года, как многочисленное Ногайцкое, населявшее все Поволжье, тоже было разгромлено. некогда мощный улус, теперь залымавшийся от междоусобицы, рушился быстро. Алшы Смайл Тобаяк-бий еще раньше с помощью русского царя хотел добиться верховной власти, сейчас он, воспользовавшись моментом, убил старшего брата, рожденного от старшей жены отца, Жусуна, который из-за своей мягкости в тревожные дни практически потерял весь авторитет. Одни сыновья Жусуна со своими

¹ Здесь и далее отрывки из стихотворных форм фольклора даны в виде поэтического перевода — Г. Г.

войскам ушли на северный Кавказ, другие со всеми родами — в Казахское ханство, то есть ушли подальше от опасного региона и вошли в состав родственного народа с близкими обычаями, языком, верованиями.

Таким образом, все Поволжье в результате истребления его обитателей, с одной стороны, отключенки в силу политический деградации, с другой — пришло в запустение. Через четыре года после падения Казани Россия завоевала и Астрахань, то есть ханство Хаджи-Тархана.

Казани и Хаджи-Тархану более не суждено было подняться, видя все это, башкирский народ, уже окруженный со всех сторон Россией, боясь полного уничтожения, принял русское подданство. Вскоре признали власть белого царя еще одни представители торковского мира — чуваша, а также соседи с ними черемисы и удмурты. Этому примеру последовал братоубийца Смаил, правитель несчастной Ногайской Орды — преемница некогда могущественной Золотой Орды, которая уже потеряла все свои земли, а население уменьшилось в десять раз.

Так вся Восточная Европа оказалась под пятой молодой могучей Российской империи. Уже в те 1560-е годы Россия по своей территории и богатству превратилась в могущественное государство мира. Одно из ее преимуществ перед другими захватническими империями заключалось в том, что российские колонии находились не за океаном, не на других материках и островах, а рядом, по соседству. Имелась огромная возможность «заглатывать» новые земли путем постепенного агрессивного расширения своей территории, увеличивая численность населения. Но самое главное, это были лишь первые шаги колонизаторской империи. В последующие века предстояло захватить пол-Азии, перейти через Янку и овладеть Казахской Ордой.

Но это удалось не сразу. После падения Казанского ханства казахский народ еще в течение двухсот пятидесяти лет сохранял свою независимость. Россия, конечно, уничтожив Казань, истребив Поволжье, не прекращала поворачивать новые земли в народы. Но очень долгое время она не могла поработить Казахстан.

Не потому, что жалела — не получалось.

Разгромив Казанское ханство и Хаджи-Тархан, рассеяв Ногайскую Орду, Российская империя без остановки двинулась на восток — аппетит все разгорался — и уперлась в Камынный пояс — Уральские горы. Русским судам открылся свободный путь по всей Волге и через Каспий — в Иран,

Среднюю Азию. Казахская Степь была своеобразными воротами всей Азии, через нее по караванным тропам можно было попасть с одной стороны в Бухару, с другой — в Хорасан, Афганистан и Индию. Но хищная империя привыкла, поэтому ставила своей целью не мирные взаимоотношения, торговлю, а захват и грабеж огромного края, этот путь казался ей наиболее легким и выгодным.

И этот период почти весь ногайский народ со всеми землями на Лике вошел в состав Казахской Орды, объявил себя казахским народом. Оставшийся на старых кочевьях в Поволжье ногайлишский бий Смаил, принявший русское подданство, в одном из писем царю Ивану IV жалуется: «Многие мои соплеменники, подвистные моему старшему брату Жусуцу, переметнулись к казахам, тецерь они враждуют со мной, поэтому положение мое очень трудное».

Двадцать лет назад Казахская Орда вела нелегкую борьбу на два фронта — на востоке — с Моголистаном, на юге — с Бухарой. И там, и тут терпела неудачу, а экономика была доведена до крайности. Тецерь же, после прихода к власти Хакназар-хана, страна находилась в расцвете своего могущества. На западе она полностью владела территорией нынешнего Казахстана, казахи свободно жили на землях нынешней Оренбургской области России, на юге Уральских гор, на Мутоджарах; даже часть башкир, не покорившихся русским, признала власть Хакназар-хана. Казахская Орда была сильным государством.

Конечно, потенциал русской державы с ее мощным огнестрельным оружием был огромен. Но именно в те годы открыть большую войну ей тоже было нелегко. Оружие и финансы, кровопролитные походы — один вопрос, другой, не менее важный, заключался в географических масштабах — громадные расстояния, бескрайние степи. Поэтому Иван Четвертый обратил свои взоры на запад, чтобы отобрать у тамошних народов Прибалтику, он открыл Ливонскую войну и все силы, всю армию сосредоточил там.

Однако русские веротили, приступившие к экономическому освоению завоеванных земель на востоке и лично ощущающие все новые источники прибыли, не довольствовались достигнутым. Среди них особо выделялась династия Строгановых, которая владела огромными богатствами, землями и населением, даже имела свое войско.

Строгановы имели разрешение самого белого царя на постоянное расширение и свободное пользование своей

территорией. Они собственно являлись полноправными хозяевами всего западного Приуралья, теоретически им принадлежали торный хлеб и запустить хищные когти в Сибирское ханство.

Для завоевания Сибири, естественно, требовались войска, и немалые. Вскоре нашлись и они. К этому времени по Волге и Дону, подвластных царю, развелось много разбойного люда, которые беспощадно грабили и убивали и русских, и чужих, наносили таким образом большой вред торговле, взаимоотношениям с другими народами. Это были в основном казаки. Их группировкой и дружинкам имелось большое количество, каждая выбирала своего атамана. Чтобы очистить Дон и Поволжье от разбойных казаков Иван Четвертый снаряжал целое войско с воюющими кораблями.

За два-три года эти войска практически справились со своей задачей, на своем пути они беспощадно уничтожали казаков, оставшихся в живых велели и в основном очистили регион от казаков. Но перебить всех до единого, конечно, не удалось. Многие спаслись бегством, скрывались, затем вновь сколачивали группы, но теперь уже действовали осторожно, подальше от больших дорог. В конце концов они вышли на Строгановых, которые собирали войско для своего дела.

Численность наемных разбойников, вызывавшихся служить Строгановым, составила в общей сложности 540 человек, главным атаманом звали Ермак. Его настоящее имя неизвестно, некоторые исследователи утверждают, что звали его Ермаком, другие — Василем, мравом покрыты и его происхождение, и место рождения. Но уже в то время его популярность была огромной. Еще бы! Все кровавые атаманы, которые прославились своими злодеяниями, имели свои дружины, которые российским правительством заочно были приговорены к смертной казни, все они признавали Ермака как верховного руководителя. Здесь как-либо комментарий излишен.

За малейшую выгоду, незначительную добычу Ермак мог лишить жизни и мусульманина, и христианина, это было его профессией, образом жизни и этим он выдвинулся в лидеры среди разбойников всех сторон и всех времен. Характерен такой эпизод.

Накануне прихода к Строгановым, летом 1581 года казая во главе с Ермаком внезапно напали на город Сарайчик, расположенный в устье Яика. Когда то шумный, кри-

сильный город находился на далекой окраине, имел всего две тысячи жителей. Казаки захватили только красивых девушек и женщины, остальное население полностью умертвили, дома сожгли. Кровавый пир длился несколько дней, озоренные девушки и женщины затем были преданы мучительной смерти.

Все это — привычное дело для разбойников. Но самое жуткое заключалось в другом. Когда в городе все было разграблено, разгромлено, сожжено, все живое истреблено, Ермак распорядился разрушить древние казармы с небесными куполами, но и этого казакам казалось мало и они разрыли старые могилы, собрали полуистлевшие останки, соорудили целую гору из человеческих костей. Обложив эту гору хворостом, подожгли. Получился невиданный костер как символ величайшего кощунства, дикости и бессмысленного варварства.

Это — достоверный факт, зафиксированный в исторических документах, и он не результат мести или гнева, а скорее показатель патологической болезни, ненормальной психики.

Даже у кровожадного царя Ивана Четвертого от этого кошмара волосы встали дыбом. Поздние историки, особенно эпохи царства пишут об этом с упреком, а наиболее бессовестные из них попросту умалчивают. Исследователи же советского периода, наши коммунистические историки... с восхищением говорят об этом как об образце особого героизма. Тут тоже комментарики, так говорится, «нашиши, принцип примерно тот же — «хворон ворогу глаз не выщелост».

Итак, воротилы Строгановы, по сути дела некоронизованные царя края, взяли на службу пятьсот сорок разбойных казаков. Долгая зима прошла в подготовке к длительному походу, в наблюдениях и разведке. С наступлением весны Строгановы смариджили вдобавок к головорезам Ермака еще триста своих хорошо вооруженных и обученных воинов, которые тоже имели богатый опыт подавления таких местных цариков как коми, вогулы и т. д., и отправили всю эту грозную дружину за Уральский хребет, в Сибирь. Отдельные документы говорят, что войско Ермака состояло из пяти тысяч человек, а поздне историки остановились на цифре восемьсот сорок.

Много это или мало? Если учесть, что за шестьдесят лет до этого испанский разбойник Кортес всего лишь с четырьмястами бойцов завоевал Мексику, а после него та-

вые копейшадоры, как Альваро, Писсарро, во главе отряда всего в двести, триста человек разгромили по одно царство на западном континенте, то должно, что восемьсот сорок разбойников Ермака были равносильно стотысячной армии.

Дело тут не в превосходстве какой-либо расы и исполненности местного населения. В XVI веке европейцы, свободно завоевавшие и запад, и восток, были вооружены огнестрельным оружием, самым передовым и грозным оружием, которое не просто изрыгало огонь и свинец, пробивало самые крепкие доспехи, а производило ужас даже своим грохотом. Люди с таким оружием, чужие по облику и жестокле, не знающие пощады, казались настоящими страшлищами.

Однако какими бы грозными, вооруженными до зубов ни были люди Ермака, сибирские тюрки, говоря языком поздних времен, сибирские татары бесстрашно выступили навстречу врагу. Чем дальше пролинял Ермак, уничтожая все на пути, тем сильнее становилось сопротивление. Частыми были кровавые срачки, но всегда грохот оружия оказывался слышнее свиста стрел.

После трехмесячных непрерывных боев, потеряв тысячу людей, Кучум-хан отступил в глубь Сибири. 26 октября 1582 года потрепанный, поредевший отряд Ермака вошел в столицу Сибири — покинутый населением город Искер или Канлыт. Этот день считается началом покорения хищной Российской империей Сибири и в дальнейшем ценовала Азии, а для нас, для всего единокрвного тюркского мира, не равносильен второму дню октября 1552 года, когда пало изобильное, святое Казанское царство, то есть должен считаться одним из трагических дней в тысячелетней славной истории.

Сибирская земля вошла под каблук русского царства. Ермак сварядил большой караван из пограбленного добра и поручил одному из знаменитых разбойников, заочно приговоренных русскими к прашительству и смертной казни, доставить в Москву.

Увидев богатые дары, царь Иван IV простил все грехи разбойников, отправил караван обратно примерно с такими же дарами, порохом и свинцом, другими необходимыми вещами для вчерашних преступников, ставших сегодня героями, а лично для Ермака были предназначены золотом расшитый кафтан и две дорогие кольчуги.

На обратном пути каравана к людям Ермака примкну-

ли, говоря языком историков того времени, «гулящие люди», то есть беглецы без определенного места жительства и рода занятий, «оры, разбойники с большой дороги, словом, немало людей с темной репутацией». Конкретного документа о их численности нет, но по всему видно, что составляли они не одну тысячу.

Выше мы сказали, что Ермак покорял Сибирь. Но он не смог подчинить себе народ сибирский, его хана. Воистинный Кучум-хан не прекращал сопротивления. И наконец через два года на берегу Иртыша, в одну из дождливых ночей он пал на дружину Ермака, которая к тому времени полностью обосновалась в городе Искере и теперь выступила в очередной поход.

«Голове вскигеля приключений суждено валиться на дороге», гласит поговорка. В ночном бою была перебита вся дружина, отправлен на тот свет сам Ермак, спасся только один человек.

А из всего войска Ермака оставалось еще человек сто пятьдесят, которые услышав об уничтожении основной силы ударились в бег. Казалось, Сибирь освобождена от непростительного гонимого.

Но, увы, дорога туда уже была открыта, край в основном известен. Тот, кому это надо было, убедился в том, что Сибирь — это неисчерпаемый, бесплатный кладовый богатства. Поэтому царское правительство снаряжает все новые войска и за каких-то два-три года русские завоеватели полностью овладели этим обширным краем. Сибирь была объявлена шестымслезной частью России.

После завоевания Сибири Россия лицом к лицу столкнулась с Кавказской Ордой.

Здесь может возникнуть закономерный вопрос — где же были казахи, чем они занимались, когда Россия громилла Сибирь. Казакхия хоть и являлась родственной ей державой, но была самостоятельным государством. К этому времени общие идеи эпохи Золотой Орды были забыты, общие догадки сошли с арены. Если западные турки из-за отсутствия единства ни за что, ни про что отдали врагу Кашан, то их восточные единокровные братья вступили на тропу междоусобицы. Буквально накануне этих событий бухарский хан Абдолла, который уже овладел всей Средней Азией, присоединил к себе половину Афганистана, многие районы Ирана, считал себя прямым потомком Хромого Тимура, организовал ряд кровавых походов в казахские степи. Во время жестокой битвы с Абдоллой, кото-

рый мог вытеснить за один раз до пятисот тысяч солдат, в силу казакам с северной стороны ударили Кучум-хан. Но казахи разбиты его войско и прогнали, теперь же им предстояла тридцатилетняя война с Абдоллой, которая только в 1598 году завершилась огромной победой.

То есть было не до Сибири. Да и не успело забыться вчерашнее ввроломство Кучума. Однако Казахская Орда никогда не упускала из виду сибирский вопрос. Русские детским глупством свидетельствуют о том, что казахи до все времена так или иначе оказывали помощь Сибирскому ханству. Нет сомнения в том, что в конечном счете, когда был убит Ермак, участвовали и казахи. В казахском эпосе, народный сказаниях четко констатируется, что голову разбойника Жарманга, то есть атамана Ермака, отрубил казахский батыр Сатбек. Допустим, что это легенда. А конкретный исторический факт заключается в том, что в 1586 году, когда русские вновь пришли в Сибирь, казахи дали многочисленное войско на помощь Сейт-Ахмет-беку (Сейдаку) — вразу и соратнику Кучум-хана. Это войско возглавлял младший брат Таукель-хана, известный на всей исторической литературе запада и востока султан Ораз-Мухамед.

Осенью 1588 года во время мирных переговоров Сейт-Ахмет и Ораз-Мухамед предательски были вынуждены в плен и город Искар опять переходит в руки русских; а в 1598 году, когда была уничтожена последняя дружина Кучум-хана, огромная Сибирь, куда могли вытесниться несколько европейских государств, была покорена окончательно. Следующая аляхостью кровожадная империя не могла остановиться на этом. В этот период западные страны уже полностью завоевали американский континент и теперь открыли дорогу в богатые восточные страны, в том числе в сказочную Индию. Россия еще не имела выхода к теплым морям, для нее Казахстан являлся ключом всего востока. Стоило ей преодолеть казахские земли — открывались прямые дороги сначала в Среднюю Азию, затем — в Афганистан и Индию. Тогда империя, естественно, добьется неслыханного богатства, неограниченной власти.

Только в первую очередь надо завоевать Казахскую Орду...

Чувствуется, что не только было такое намерение, а имеется конкретный план. Но именно в ту эпоху еще невозможно было покорить гордых, сильно вооруженных казахов. Русские восторги в письме на имя белого царя, ввеш-

неполитической администрации, которая называлась Посольский приказ, отмечали: «Широкие степи населяет очень многочисленный, могущественный и воинственный народ, поэтому дальнейшее продвижение на юг невозможно».

Южную часть Сибири, то есть казахские степи завоевать было невозможно, но восточное направление оставалось открытым. Этот край населяли немногочисленные племена, живущие первобытным укладом. Русские завоеватели, покорив Сибирь и не останавливаясь, мощным седьмым потоком разливались дальше на восток.

Истребляя бесчисленное множество невинных людей, объявив оставшихся в живых добровольно присоединившимися, буквально лет за пятьдесят они прошли до берегов Тихого океана.

Российская империя, завоевав огромную территорию в границах нынешней Российской Федерации, вновь устремляла свои взоры на юг, на казахские степи. Но казахи, хоть и не имели огнестрельного оружия, представляли собой крепкий орешек.

Какой бы могущественной ни была Российская империя, она еще ровно сто пятьдесят лет после покорения Сибири не могла подступиться к Казахстану.

В противостоянии, в результате постоянно проводимой умелой политики прошло еще пятьдесят лет.

Только после смерти Абылай-хана в 1781 году Россия стала активно влиять на Казахскую Орду.

Для окончательного подавления казахского народа, липовного великого ханства, раздираемого со всех сторон, требовалось еще восемьдесят лет. В итоге российский сапог ступил на землю Средней Азии лишь в шестидесятые годы XIX века.

Если для преодоления казахской степи потребовалось целых триста лет, то вся Средняя Азия была завоевана всего за три года!

Одним словом, наше великое государство — Казахская Орда, казахский народ эти мужественные силы алта — в течение трех веков защищали Среднюю Азию от российских захватчиков. Сколько времени этот народ сохранил свою независимость и, даже лишившись ее, не прекратил борьбу, таким образом, триста лет служил крепостной стеной не только для ближних узбеков и киргизов, туркмен и таджиков, но и для далеких афганцев и персов, цунгунов и индийцев. Таково одно из великих дел Казах-

ской Орды, нашего родного народа, которое должно получить свою достойную оценку в истории народов мира.

1993, февраль.

В ЭПОХУ ТАУЕКЕЛЬ-ХАНА

Эти мысли, по тому или иному поводу перенесенные на бумагу, я считал поверхностными и малозначительными, не принимал особо всерьез. Но пересматривая записи, понял, что они хоть и не углубляют исторические знания, но способствуют расширению кругозора. Поэтому решил включить их в книгу.

1. МЛАДШИЙ БРАТ ХАНА

Во времена Тауекель-хана международный авторитет Казахской Орды был высоким, азиатский народ гордо смотрел на окружающих. В этом можно убедиться и на судьбе Ораз-Мухамед-хана, имя жителя которого отражено в исторических документах. Читатели, наверняка, помнят, что мы именно его взяли главным героем известного двухтомного романа «Весна снега», написанного в 1980—1982 годы, изданного в Алматы, Москве, Пекине. Этот труд был написан на основе реальных событий, исторических документов. Но у художественного произведения есть свои особенности, в нем обязательно присутствуют элементы вымысла. Сейчас же мы хотим вести разговор не о творческом опыте писателя, а о документально-настоящему облике Ораз-Мухамед-хана, оставившего заметный след и в казахской, и в западной истории.

Происхождение Ораз Мухамеда — из древней династии казахских правителей. Его отец — родной старший брат Тауекель бахадур хана, второй сын Штай-хана Ондансултан Дилжиял ствара. Имя матери — Алтын-ханум. По словам казахского историка Кадыргали Жалилпа, Ораз-Мухамед в тридцать лет остался без отца, в шестнадцать лет попал к белому царю. О том, как Ораз-Мухамед оказался в Москве, как попал в плен, и русской историографии известно много документов и фактов.

Руссия, победив и отослав в 1582 году Кучум-хана, приступила к полному завоеванию Сибири и вскоре лицом к лицу столкнулась с Казахской Ордой. Занятым в это вре-

мя борьбой против Абдоллы-хана на тоге, казахи первоначально не могли участвовать в Сибирской войне, но с течением времени они постепенно увеличивали военную помощь единокровным братьям. При этом поддерживали шейбанида Кучум-хана, а его соперника, потомка древних ханов рода керей Сейдак-бека. Как было сказано выше, Сейдак-бек с помощью казахов вернул себе столицу Сибири Искер, но не смог организовать стойкого сопротивления против русских захватчиков. Прибывший из Москвы во главе огромной дружины воевода Давид Чулков под самым городом Искер выстроил сильно укрепленную крепость, названную Тобольском. Молодой Ораз-Мухамед со своими вошами, видимо, именно в этот период попадает в Сибирь.

Кадыргали Жалаир в своей знаменитой истории, подаренной Борису Годунову, пишет, что Ораз-Мухамед был в плену у Сейдак-бека, перенес лишения и унижения. Казачские историки этот абсурдный факт принимают за истину, в буквальном смысле. Не учитывают или попросту не знают того, что сам Сейдак был ставленником казахов. Действительно, если бы мудрый Кадыргали, выражая от имени Ораз-Мухамеда благодарность белому царю за его милосердную заботу, утверждал, что буквально до этого он во имя спасения Сибири боролся против России, то это было бы элементарной непорядочностью. Поэтому он старался тонко, деликатно донести легенду о непричастности Ораз-Мухамеда к Сибирской войне, делал акцент на особенностях его судьбы, на то, что он мало общего имел с Сейдаком — беспорядным правителем Сибири. На самом деле, во всех русских документах того времени отмечено, что Сейдак является выходцем из казахской степи, что он получил серьезную военную помощь со стороны Казанской Орды. В ряде источников указывается, что эту дружину возглавлял не кто иной, как сам Ораз Мухамед. Конечно, захватить крепость с пушками на башнях, с тарязовым, вооруженным огнестрельным оружием, было очень трудно. После безрезультатного штурма Сейдак-бек принимает предложение русских властей о перемирии.

На переговоры с самым большим представителем России, полководцем Давидом Чулковым, который к этому времени имел неограниченную власть над новым завоеванным народом, отправился Сейдак-бек, Ораз-Мухамед-султан и сибирский Нарача-бек. В русских документах того времени, особенно в знаменитых летописях Каипова, Ра-

мывова это событие описано досконально, конкретно. Русские источники характеризуют трех посланцев Сибирского ханства как главных персонажей, а Ораз-Мухамеда называют «нариччем Казахской Орды».

В обычаях наших тюркско-кизачских народов, по древней традиции тюркско-монгольских, да и вообще всех восточных народов, послов других стран не притесняют, гостям не причиняют зла. Причем эта традиция веками соблюдалась scrupulosamente. Все же, есть и другая мудрость, которая гласит, что идя до конца доверяться врагу. Из-за легкомысленности Сейдах-беки, молодости Ораз-Мухамеда и, самое главное, убежденные в своей неприкосновенности, три правителя Сибиря сделали опрометчивый, опасный шаг. Поверив в предстоящие мирные переговоры и взяв с собой лишь около сотни воинов-телехранителей, они беззащитно вошли в русскую крепость.

Как сказано в русских летописях, воевода Давид Чуднов притеснил трех вождей Сибирского ханства — князя Сейдахя, советника Нарачу и царевича Казахской Орды Ораз-Мухамеда за стол переговоров. Но никаких переговоров не было. Русский правитель начал скандалить якобы из-за того, что гости отказались от трапезы, от водки, и вскоре все трое были связаны. Предварительно подготовленные русские воины моментально перебили ничего не подозревавшую свиту, которая ожидала своих предводителей снаружи. Непосредственно через два-три дня город Искер, лашейный всего руководства, не оказав никакого сопротивления, был захвачен врагом. А Кучум-хан в это время обитал в сибирской таунге, всецело познательные доклады стечки, поэтому теперь для России открылась прекрасная возможность завоевать все Сибирское царство и продвигаться дальше.

Летописи тех лет, естественно, оправдывают поступок русского воеводы, предложившего сибирским правителям мирные переговоры и захватившего их обманным путем; обвиняют послов в том, что они побрезгали и отказались от водки, угощения, выдав таким образом свои темные намерения, поэтому было справедливо взять их в плен, а телехранителей — уничтожить. Поздние русские историки, восстающие по-европейски, испытывают от этого некоторую неловкость, говорят, что русский воевода являет сибирских вождей в ловушку, мол, с современных позиций, получилось же совсем красиво, но что поделать, по-другому нельзя было. А русские советские историки, вообще ото-

двигнув в сторону такие категории как совесть, мораль, с восхищением констатируют, что тобольский воевода проявил находчивость, поступил мудро. Русские советские писатели, подобные Распутину, изображают кровожадного Чулкова как национального героя, а местных сибирских жителей — коварными, ограниченными. Разумеется, это не легкомысленное мнение отдельных людей, а укоренившееся понятие, сформированное коммунистической идеологической системой. После того события, облажившего подлинный облик насильника, который всегда выдавал честность за глухость, в подлость — за мудрость, Казахская Орда избирает другой путь обустройства своей границы. Таким образом, даже то, что Ораз-Мухамед стал жертвой коварного обмана, сослужило добрую службу для будущего своего народа.

В ту эпоху Казахская Орда и Сибирское ханство не просто тесно граничили друг с другом — с самого начала основными торговыми рынками сибирского народа были роды керей, уак, аргын, кипчак, жаланр и табын. Исследователи истории Казахстана указывают на то, что после падения Сибири эти роды со всеми владениями вновь вошли в казахскую орду. Чисто прослеживается тот факт, что молодой Ораз Мухамед был султаном правителем этой ослабленной, распадающейся окраины Сибири. Неслучайно, что он на переговоры с русскими властями отправился в равной степени с Сейдак-беком. После чрезвычайного происшествия в Тобольской крепости в паше была конта иск семья Ораз-Мухамеда, это тоже свидетельствует о том, что он был не рядовым полководцем, не простым представителем или послом. В исторических документах перечислены все члены семьи Ораз-Мухамеда, живыми почитание в плен: его бабушка Азт-ханум, мать Алтын-ханум, сестры отца Алтын-ханум, дочери старшего брата отца Сейткуд-султана Бикты-ханша и Кунь-ханша, то есть пять женщин во главе с байбице Шыгай-хана. Это значило, что разгром Сибири по сути дела перерос в разгром окраины Казахской Орды.

Высокопородных пленников отправляли в Москву. Сведения о дальнейшей судьбе Сейдак-бека и Карата-бека нет. А настоятельной болящей женой султана Ораз-Мухамеда назначается именно в этою времени — с осени 1588 года. При дворе царя Федора он был принят как представитель независимого, могучего государства — Казахской Орды, как родовитый царевич, потому что был внуком правящего ха-

на, а пытаящему доводился племянником по отцовской линии. И буквально через несколько лет Ораз-Мухамед стал одним из виднейших и влиятельнейших людей России.

В то время в стране русских еще не существовало районов и национальных окраин, как позднее при династии Романовых. Прошло всего двести лет как Россия отделилась от состава Золотой Орды, в системе управления, обычаях, мировоззрении было еще много общего, к тому же буквально вчера падишах Казань и Хаджи-Тархан, подчиняемые России башкиры и цыганцы были еще достаточно строптивы, поскольку нес подданного ей турецкого общества была значительным, не считаться с этим фактором невозможно. Самое главное — в течение последних ста лет Россия накопила достаточно информации о Казахской Орде. «Казахи — очень могущественный народ», — информируют цесаря, лобызавшие среди поганцев. «Казахи — многочисленный, воинственный народ, завоевать эту страну невозможно», — докладывают захватившие Сибирь воеводы.

Уважение к Ораз-Мухамеду выросло уважением к его родня, проявлением признания могучей Казахской Орды с его огромными территориями и народом. Конечно, и личность самого Ораз-Мухамеда была исключительно выдающейся.

Царь Федор отдал Ораз-Мухамеду богатое имение под Москвой, кроме того и в других регионах России выделил плодородные, прибыльные владения, назначил солидное жалование чистым серебром. Ораз-Мухамед, имеющий почетный титул «Царевич Казахской Орды», участвовал во многих военных учениях и наковен в русско-шведской войне 1591 года возглавил российский полк турецко-татарского происхождения; а в зыбном походе на Прибалтику проявил героизм, полководческие способности и завоевал огромную славу.

Судя по документам, касающимся жизни царского двора, Ораз Мухамед после шведского похода приглашался на заседания военного совета, участвовал в охране границы, в мероприятиях по демонстрации военной силы. При проведении торжественных застолий во дворце, официальных церемоний по случаю приемов иностранных гостей и послов ему отводили самые почетные места среди именитых бояр и князей России. Ораз Мухамед сумел продемонстрировать российской общественности широту души, мудрость, мужество и гордость своего далекого родно-

го народа. Самой заветной его мечтой было возвращение в родные края, однако судьба распорядилась по-своему.

2. КАЗАХСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Часть конкретных исторических документов об эпохе Тауекель-Бахадур-хана связаны с дипломатическими взаимоотношениями между Казахской Ордой и Россией. В этих материалах ярко отражены внутреннее и внешнее состояние Казахстана, его государственная политика и международное положение в то время.

Похоже, что посол Казахской Орды прибыл в Москву в конце 1594 года. Первое письменное упоминание об этом датировано 20 января 1595 года. Возглавлял послов Казахской Орды Кул-Мухамед-бек. Сколько людей было в составе посольства — сведений нет. Документы, касавшиеся этой миссии, сохранились не полностью. Но все же можно четко представить, какие цели преследовал Тауекель-хан, отправляя почетных послов в Москву, всю значимость переговоров между дипломатами двух стран.

Посольство вело переговоры в основном вокруг двух главных вопросов. Первый — предложение о союзе в борьбе против Бухарского хана Абдоллы, второй — об освобождении из русского плена брата Тауекель-хана Орас-Мухамеда. Как мы писали раньше, в последней четверти XVI века Абдолла-хан завоевал всю Среднюю Азию, Афганистан, часть Ирана и создал могучее, хитрое государство и теперь представлял для Казахской Орды реальную угрозу. Все свои силы азиатский народ мобилизовал на отражение захватнической политики опасного соседа; после прихода к власти Тауекель-хана борьба велась на равных, но вернуть захваченный восток не было возможности. Тауекель подвиг на новый, более совершенный уровень военное дело, изменил вооруженную тактику, по-новому повел внутреннюю и внешнюю политику. Его верный соратник и председатель Кул-Мухамед-бек на переговорах в Посольском приказе выдвигает тот факт, что Бухарское ханство, захватив весь Мавереннахр, теперь имеет притязание на подвластный России Хаджи-Тархан. Он утверждает, что Россия должна предвосхитить события и заключить военный союз с Казахской Ордой против Бухарского ханства. В борьбе против Абдоллы Тауекель-хан хотел опереться на помощь русских, вооруженных огнестрельным оружием. Тогда будет предотвращена потенциальная опас-

ность России со стороны Бухары, а в ответ на эту помощь он сохранял бы нейтралитет в Сибирской войне.

Первые переговоры не дали результатов и ранней весной Российское правительство отправило в Казахскую Орду ответное посольство. Эта миссия во главе с Вельяминовым Степановым в начале лета достигла ставки Таусколы-хана, расположенной у подножия Алатауских гор. Послы пробыли в Казахии два месяца, прежде встретили теплый прием, по возможности знакомилась с жизнью улуса и в конце концов, уклонившись от конкретных переговоров, вернулись обратно с посольством Кул-Мухамед-бека, который был повторно направлен в Москву. На это посольство возлагалась задача продолжить начатые в начале года переговоры и довести их до конкретного завершения.

Документов относительно второго посольства не сохранилось. Однако о сути дела, о его окончательных итогах можно судить уже по материалам первого. Россия опасалась того, что, вооружившись огнестрельным оружием, Казахская Орда обретет непредсказуемую мощь, поэтому ставила условие за условием: мол, сначала признайте подданство России, затем войдите и приведите Кутум-хана, только потом выделит войско с ружьями и поможем разгромить Бухару. Требования невыполнимые, расчеты провокационные. Таким образом, цель Казахской Орды завладеть передовым в ту эпоху европейским огнестрельным оружием не была достигнута.

Но нельзя утверждать, что посольство вообще вернулось ни с чем. Таусколы-хан и его опора — Шах Мухамед-султан, Котек-султан, Есем султан, Сутемтеп бий и другие деятели Казахской Орды — полностью раскрыли для себя настоящую суть внешней политики России, накопили необходимый опыт для будущих взаимоотношений. Стало ясно, что в борьбе против Бухары останется надеяться только на свои силы.

Наряду с этим посольство решило другую важную задачу. Еще при первом посещении Москвы Кул-Мухамед-бек встретился с прибывшим в русскую столицу посланцем Ирана Гади-беком и вел с ним переговоры о борьбе против общего врага — Бухарского ханства. Для заключения конкретного договора с Аббас-шахом одного своего человека отправил с иранскими посланцами, в свою очередь и Гади-бек отправил своего человека по имени Дервиш-Мухамед вместе с казахскими посланцами в Таусколы-хану. В то время Иран и Казахия не могли обращаться непосредственно,

поэтому представители обеих стран, только встретившись в далекой Москве, могли заложить основы условий совместной борьбы против общего врага Абдоллы. По условиям Российского царства, прибывшие в Москву послы не имели права самостоятельно передвигаться, встречаться с посторонними. Свободное общение Кул-Мухамеда и Гада-бека стало возможным только благодаря специальному разрешению главного визиря и боярина Бориса Годунова. А добился этого разрешения Ораз-Мухамед-султан, имевший при царском дворе особый статус и почет.

Во времена прибытия в Москву казахского посольства во главе с Кул-Мухамед беком Ораз-Мухамед был не только почетным гостем двора, но и известным полководцем-воеводой России. Вторым главным вопросом посольской миссии, как мы писали выше, был как раз вопрос возвращения на родину этого незаурядного человека. Русское правительство и здесь окончательного ответа дает не сразу.

Казахские послы неоднократно встречались и беседовали с Ораз-Мухамедом, правда, не с глазу на глаз, а всегда под наблюдением. Борис Годунов создал возможность и условия казахским послам посетить богатое имение Ораз-Мухамеда под Москвой, встретиться с его семьей и даже выделить средства для достойного приема дорогих гостей, соответствующего угощения их. Он же разрешил Ораз-Мухамеду написать письма старшему брату Таукель-хану, младшему брату Кошек-султану и другим представителям аристократии Орды. И дал понять, что для возвращения султана на родину нет никаких препятствий, лишь бы Таукель-хан взамен ему в заложники отдал одного из своих сыновей.

Действительно, со следующим посольством в обмен на Ораз-Мухамеда прибыл восьмилетний сын Таукель-хана Мурут-султан. Но царское правительство так и не освободило Ораз-Мухамеда, как не дало и огнестрельного оружия. Такие люди, как Ораз-Мухамед, прекрасно знающие не только военное искусство, но и всю внутреннюю и внешнюю политику России, не могли быть возвращены назад.

В Центральном архиве российских Древних актов сохранилось самое последнее письмо Ораз-Мухамед-султана на родину, перечень его посланных родным и близким. Аллах всемогущ, пишет Ораз-Мухамед. Силовою голову перред Таукель-бахадур-ханом, великим из великих, мудрейшим, отважным, высококордным старшим братом нашим,

храши в сердце своем преваный образ родного тебе Ораз-Мухамед-султана, пишет он. Шлет привет от находившихся и почетном плеву бабушки Азь-ханум, матери Алтын-ханум, тети Алтын-ханум, сестер Нахты-ханши и Куль-ханши. От своего имени в качестве подарка Ораз-Мухамед выслал Тауекель-хану расшитый золотом царевичий халат, ладе Есым-султану — вышитые золотым полуэментом сапоги, младшему брату Кошек-султану — лук со стрелами, другим родственникам также различные подарки. Сохранился и перечень подарков, отправленных родственникам бабушкой и матерью Ораз-Мухамеда. В отношении подарков большую щедрость проявило и русское правительство. Царь Федор от своего имени выслал Тауекель-хану пять кобыл, самым влиятельным султаном Орды Есыму в Кошкеку — по кобылке, дорогие ткани и другие подарки. По обычаю тех времен русские цари дарили самим почетным правителям других стран донных птиц, но царь Федор как бы извинился перед Тауекель-ханом, пишет, что из-за зимнего времени не удалось преподнести сокола, но даст бог, в будущем этот преобесподается.

Видимо, неудачная миссия посольства связана в основном со всей государственно-политической, но все же представители Казахской Орды были встречены с большими почестями, им преподнесены достойные самых высокопоставленных в то время посланцев дары. Разумеется, это — свидетельство международного авторитета Казахской Орды, у руля которой стоял Тауекель-хан. Через пять лет после этого Ораз-Мухамед был избран ханом автономной структуры в составе России Хиц-Гермена, или Касимовского царства. И это в первую очередь является признанием значимости всей далекой казахской страны.

Из исторических документов, касающихся посольства Тауекель-хана 1594—1595 гг., можно почерпнуть достаточно сведений о социальном и политическом положении, внутренних и внешних делах Казахской Орды той эпохи. В посольских бумагах Тауекель называется ханом Казахской Орды и Калмакского народа. В беседе с Ораз-Мухамедом посол Куз-Мухамед говорит: «Твой брат Тауекель-хан подчинил себе палмиков и их правителем назначил своего младшего брата Шах-Мухамед-султана». Отмечает, что в настоящее время казахи живут в согласии с Ногайской Ордой, но с Бухарским ханством мира не будет. В первом документе посольства, записи Вельямкина Степанова дают богатую информацию о географическом положении

Казахской Орды, об улусах в ее составе, об единстве султанов-правителей, о мудрости и дальновидности хана, о высоком уровне казахской дипломатии.

Самой главной задачей посольства явилось достижение возможности приобретения и освоения мощного огнестрельного оружия, уже имеющегося на вооружении русского государства, всей Европы. Даже сам этот факт свидетельствует о высоком уровне национального самосознания, государственности Казахской Орды эпохи Тауеель-хана.

3. ИСТОРИЯ ХАН-КЕРМЕНА

Благодаря прозрачной политике, самоотверженной и героической борьбе Тауеель-бахадур-хана в 1598 году Казахская Орда разгромила грозное Бухарское ханство и расширила свои владения, усилился ее международный авторитет, увеличилась численность населения, возросло могущество государства. Именно в этот период в далекой Москве высоко взошла, засияла и звезда казахского султана Ораз-Мухамеда. В том году скончался царь Федор и российский трон занял влиятельнейший боярин боярского происхождения Борис Годунов (его предки были выходцами из Золотой Орды), который еще будучи главным министром фактически правил страной, весьма заботливо относился к иноплеменцам. По официальным документам царского двора видно, что с первых дней правления Бориса Годунова «царевич Казахской Орды» Ораз-Мухамед постоянно находится в числе самых высокопоставленных вельмож России. Через два года, в 1600 году весной достойный сын казахского народа Ораз Мухамед султан избирается ханом улуса Хан-Кермен в составе России.

Хан-Кермен — тюркско-калчакское ханство со своей достаточно независимой системой управления, но подвластное России, было образовано в середине XV века на реке Оке в границах Рязанского княжества. Но имени первого правителя русские называют его «Настимовское царство». Двухвековая история Хан-Кермена почти полностью находит отражение в письменных источниках. Много сохранилось документов и по взаимоотношениям с Казахской Ордой. Коренным образом исследовал историю Хан-Кермена великий русский ученый Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, он же написал еще в прошлом веке одну из самых первых историй, впрочем и самую дущую, Казахской Орды. Темой особого разговора у него является

интересная судьба Ораз-Мухамеда, в течение долгих десяти лет стоявшего во главе ханской власти в Хан-Кермене.

Хан Кермен являлся как бы свободным тюркским обществом в составе России, в то же время он в авангарде ее армии активно участвовал в войне против немцев и литовцев, поляков и шведов, не остался в стороне и от борьбы России сначала против Золотой Орды, позднее против Ногайлы, Крыма и Казани. И хан, и народ этого своеобразного улуса выполняли роль дубины, хотя сохраняли сложившиеся традиции, обычаи предков. К приходу к власти Ораз-Мухамеда уже пала Казань и Хаджи-Тархан, поэтому в Хан-Кермене и общественно-политическая ситуация, и военно-административная структура приобрели уже отличный от первоначального характер. В это время Хан-Кермен, имеющий полуторавековую историю, представлял собой особый улус, который не только сохранил язык, обычаи тюркского народа, но и служил на благо всех единоверных братьев в составе империи.

Ораз-Мухамед хоть и был назначен большим царем, но по традиции предков был поднят на белой кошме и объявлен ханом, что явилось выдающимся, отрадным событием для всего русского тюркско-мусульманского общества. Годы правления Ораз Мухамеда явились на самом деле последними годами Хан-Кермена. Он по возможности возродил и обобщил древнюю систему правления страной, максимально использовал выгодные стороны географического расположения своих владений: через них проходили водные и караванные пути, соединяющие Европу и Азию. В исторических документах особо подчеркивается, что он большое внимание уделял совершенствованию военного искусства, увеличению боеспособности и мощи хан-керменской армии, а сам поднялся до уровня виднейших полководцев.

Нуждательно через год царствования Ораз Мухамед был вызван в Москву, в Кремль. После традиционного торжественного приема с его обязательными застольем и преподнесением дорогих подарков он, говоря языком того времени, хан Касимовский Ураз Магмет Анданович, был объявлен главновозвещающим всероссийской армией. Но в том году войны не было, хотя Ораз-Мухамед во главе шестидесятитысячного войска все лето находился на юге России — в Давном шире. Последней осенью он возвращается в Москву, проводит несколько дней при дворе в придворной обстановке, в официальных заседаниях, затем вернулся в Хан Кермен.

Правление Ораз-Мухамеда отличается справедливостью, он сильно мог проявлял заботу о всех представителях тюркских народов, мусульманской религии — подданных России. Советник крымских ханов, аристократ, волей судьбы оказавшийся в России Ибрагим-мурза Сулейман-оглы нашел покровительство именно у него, стал его первым другом. Во время Сибирской войны попавший в плен казахский мыслитель Кадырғали-бек благодаря заботе Ораз-Мухамеда в новой стране попал в число правителей и царил свой знаменитый труд об истории Дешт-и-Кипчака. Всех плененных родственников Кучум-хана — жен, дочерей, маленьких детей и т. д. — Ораз-Мухамед, добившись высочайшего специального разрешения, перевел к себе, устроил, постоянно защищал и заботился о них.

Судя по различным письменным источникам того времени, с усилением колониальной политики в Хан Кермене с его ограниченными правами все труднее становилось сохранять язык и религию народа, защищать его достоинство. Тому свидетельство даже сама судьба Ораз-Мухамеда: взятый в плен, насильное отлучение от родины, правление не по своей воле, повседневные тоска и горе, гнев и сожаление. Поэтому когда начался тревожный период в истории России, который называется Смутное время, не случайно, что Ораз-Мухамед принимает самое активное участие во внутренних и внешних войнах.

С первых дней всеобщей смуты Ораз-Мухамед становится одним из вождей восстания против Московского царства. И престоидержатель Шуйский, и Лжедмитрий Второй, объединявший себя силой Ивана Грозного, хотели переманить на свою сторону Ораз-Мухамеда; Шуйский даже дал разрешение хану Касимовскому свободно громить такие мятежные регионы, как Рязань, Юрьев-Польский, Владимир и т. д. Но даже независимый центральную власть Ораз-Мухамед-хан с удовольствием подчиняется спешному указу, скрепленному печатью царя Дмитрия, которого хорошо знал и уважал, который согласно легенде остался жив и теперь вел борьбу войну Москве. По свидетельству исторических документов того времени, народ Москвы ждал помощи от Касимовского хана, но когда Ораз-Мухамед отвернулся от них, он встревожился не на шутку.

Конечно, авторитет Ораз-Мухамеда, буквально до этого заманявшего вост. Главнокомандующего русской армией, был высок. В огромном регионе, который назывался Поши-

зовье, он сформировал многочисленное войско, к армии Хан-Кермана присоединились дружины, состоящие из русских, мордвы, татар, мецаряков. Вся эта сила затем объединилась с главным воеводой царя Дмитрием, возмездом восстания Волотниковым. Ораз-Мухамед участвовал в кровопролитных боях под Москвой, это было в октябре-ноябре 1606 года.

В результате внутренних раздоров и предательства восставшие потерпели поражение, и когда будущие отступили, Ораз-Мухамед вернулся в свой улус. Из документов того периода видно, что Ораз Мухамед объявил Хан-Керман независимым ханством. Он думал лишь о мире и спокойствии для своего народа, но все кругом полыхало, ничто не оставалось кроме барибы.

Весной 1609 года с целью уничтожения Хан-Кермана во главе большой армии с пушками выступил московский воевода Албьев. Ораз Мухамед встретил его подальше от столицы на границе муромских лесов и нанес сокрушительное поражение. Русские воины бежали с поля битвы, оставив пушки, все имущество и обоз. Но Ораз-Мухамеду со своим малочисленным пародом одному невозможно было противостоять всей России. Не прошло и двух месяцев, как на Хан Керман напал воевода Шереметьев, который сформировал в Хаджи-Тархаше крупное войско и отправился в Москву на помощь царю Шуйскому. Ораз-Мухамед привел в боевой порядок свою потрепанную, поредевшую в первом сражении армию и выступил навстречу. В тяжелом бою с превосходящими в несколько раз силами царских сторонников мусульманские воины понесли огромные потери, поэтому были вынуждены отступить и закрепиться в городе. Но основные стены крепости не могли быть надежной защитой. Шереметьев захватил столицу ханства и всех оставшихся в живых, включая детей и женщин, бесовщадно предал смерти.

Ораз-Мухамеду с небольшой дружиной удалось прорвать вражеское кольцо и достичь поселка Тушино под Москвой, где стояло войско царя Дмитрия, точнее Лжедмитрия II, и присоединиться к нему. Во время стояния под Тушино вся Россия разделилась на две, видно, Ораз-Мухамед в этот период не принимал участия в повседневных сражениях. Хан Касимовский пользовался особым авторитетом среди русских вельмож, сгруппировавшихся вокруг царя Дмитрия, большой почет ему оказывали и прибывшие на Западной России воеводы, а также полководцы

Речи Посполиты. Непосредственные очевидцы Смутного времени, видные французские, шотландские, германские путешественники и историки капитан Маржерет, Исаак Масса, Конрад Буассоф и другие, оставившие последующим потомкам очень ценные записки, с восхищением и благодарностью характеризуют необычайный образ Ораз-Мухамеда. Описывают они его героическую и гордую натуру, человечность, чистоту и широту души. Особое расположение к нему испытывал главный гетман Станислав Жолковский — крупный деятель Речи Посполиты, занимающий видное место в истории Европы средних веков, вестный много войства и военных искусство своей эпохи. Он оставил ценные факты об Ораз-Мухамеде. Глубокий ум, исключительность натуры хана Касимовского признает и другая крупная личность, известный из польской истории гетман Ян-Петр Сапега. В дружеских отношениях Ораз-Мухамед состоял и с такими выдающимися людьми Смутного времени, как главный предводитель восставшего войска князь Роман Рожкицкий, который неоднократно прогнал войско царя Шуйского и вывел их до самой Москвы, а также польский аристократ полководец Зборовский, мятежный казачий атаман Иван Заруцкий и др. Все они видели в Ораз-Мухамеде представителя династии золотых ханов, правивших несколько веков в скалистой далекой Центральной Азии, сынов сурового, вольного, воинственного народа.

Все эти свидетельства подтверждают и собственноручно написанные письма Ораз-Мухамеда, хранящиеся до сегодняшних дней в архивах. Они написаны при разных обстоятельствах, но в них сквозит не только глубокая интеллект и элания, сильный дух Ораз-Мухамеда, но и тонкая чувствительность его натуры, даже трепетное бисние его сердца. Без волнения читать невозможно.

В одном из писем, написанных на русском языке, адресованном гетману Сапеге, Ораз-Мухамед пишет: «А я здесь иноземец, рода и племени у меня нет, во всем надеюсь на Бога!» Но он хоть и был иноземец и оди в чуждой стране, а свой долг честно выполнял до конца.

Вой под Москвой длились полтора года и не дали никаких результатов, теперь уже восставшие разделились на два лагеря и полностью покинули Тушино. В это время Ораз-Мухамед приносит визит королю Речи Посполиты Сигизмунду Третьему, который буквально перед этим начал открытую войну против России и теперь стоял под Смо-

ленской крепостью. Правитель Хал Кермена был принят как представитель торжеско-татарских ханов Евразии и всего мусульманского общества России, ему оказаны достойные почести.

Отдохнув больше месяца, Ораз-Мухамед вместе с армией под предводительством главного гетмана Речи Посполитой Станислава Жолкевского отправился в повстаный в истории Московский поход. 4 июля 1610 года участвовал в Клушинской битве, определившей судьбу всей Восточной Европы на целых сто лет.

О том, какие переговоры Ораз Мухамед-хан вел с королем Сигизмундом, какие заключил договоры с Жолкевским, можно лишь догадываться. Если он получил от законного царя Дмитрия указ о необходимости соблюдения целостности, сплоченности и ограниченного суверенитета Хал-Кермена, то духа этого документа придерживался и при Дмитрии II. Теперь, когда Россия разгромлена и сила была на стороне литовско-польского короля, все заботы Ораз-Мухамеда, похоже, сводились к сохранению автономной структуры Хал-Кермена. Ни что для себя у него в любое время хватало богатства и авторитета. Легко отказаться от борьбы. Но несмотря на опрделенную зависимость, явноко объявленный хан самостоятельной орды избрал путь борьбы за будущее своего народа. Пока же Хал-Кермен подчинялся московским боярам. Казалось, до освобождения недалеко. Поэтому Ораз-Мухамед с согласия главного гетмана Жолкевского отделился от основных сил и со своей небольшой дружиной осенью 1610 года направился на Калугу, где находился Дмитрий Второй, сумевший собрать новое войско.

Целью Ораз Мухамеда было не скорее войны под крыло лжецаря, а выволочь свою семью, оставленную в заложниках. Увы, ему уже не суждено было живым выбраться из Калуги. Лжецарь хоть и встретил хана Касимовскую с почестями, но оказался коварным злодеем. Через несколько дней во время охота, по заранее продуманному плану Ораз-Мухамед был предательски убит.

Родина Ораз-Мухамеда находилась далеко. подвластные владения были зависимы от других, но оставались верные пукеры и друзья, хоть малочисленная, но отважная дружина. Одним из этих друзей был выходец из династии славного Едиге-бия внук Орус-бия Орак-мурза, который в период распада Ногайского улуса в молодые годы пошел в плен и жил в России. После крещения он стал называться

князем Петром Урусовым. При дворе он пользовался большим уважением, добился поста видного чиновника, после того, как женился на овдовевшей сестре царя Шуйского, его значимость возросла еще больше. Но когда началось Смутное время, он бросил все и примкнул к восстанию, во главе перусских войск неоднократно участвовал в битвах, пользуясь покровительством короля Сигизмунда, сражался под Клушино. В Калугу он прибыл применительно в одно время с Ораз-Мухамедом. Это был храбрый, отчаянный, задиристый человек. Выяснив обстоятельства гибели Ораз-Мухамеда, Петр Урусов поклялся отомстить за него. Это ему удалось через три недели. Когда Лисадмитрий Второй со своей многочисленной свитой находился на очередной охоте, Петр Урусов всего с двадцатью воинами настал его в тыловой степи. Тут же объявил, что накажет его за предательское убийство Ораз-Мухамед-хана, и отрубил ему голову. Разметав поспешивших на помощь своему хозяину телохранителей и воинов, благополучно добрался до стоявшего в засаде своего войска. После этого он вовсе покинул Россию и переехал в Крым, под своим настоящим именем Урак-мурза участвовал во многих исторических событиях, происходивших в Восточной Европе. В битве под Цецорой, когда была поголовно разбита армия Речи Посполитой, возглавлял авангард Крымско-Турецкого войска; участвовал в русско-турецкой войне, словом, жизнь этого Урака-Петра тоже могла бы служить богатым материалом для двух трех объемных романов.

Смерть Лисадмитрия Второго, который был результатом гибели Ораз-Мухамеда и последовавшие за этим события считаются поворотным периодом в истории России. После этого события Смутного времени переходят в другое русло. Но это тема отдельного, не нашего разговора.

Тело Ораз-Мухамеда было доставлено в Хан-Иермен и предано земле на Старом кладбище под аулом Улан-гау, что недалеко от столицы. В середине прошлого века в Касимове побывал великий ученый-востоковед Вельяминов-Зернов и нарисовал упавший и разломившийся пополам надгробный камень Ораз-Мухамеда. Путешествуя по местам, где жил когда-то Ораз-Мухамед, мы тоже посетили в 1981 году Касимовский район нынешней Рязанской области. Древнее кладбище уже сравнилось с землей, а годы советской власти, оказывается, были разрушены, разобраны и использованы в строительстве сотни средневековых надгробных камней, других каменных плит, на которых име-

лись высеченные древние афоризмы и отрывки песен, аяты из Корана, всевозможные узоры и знаки. Это были бесценные памятники культурного наследия прошлого.

После гибели Ораз-Мухамеда смута закончилась и в казати пришла династия Романовых, а в Хай-Кермене ханом был избран сын Кучум-хана Арслан. Но это был уже не тот улус, одно название — ханство. Вскоре исчезло и это название. Касимов превратился в один из рядовых городов России. Удельный вес русского населения древнего ханства рос с каждым днем. Но коренное население старалось сохранить традиционные обычаи, язык и религию. Представители так называемых Касимовских татар служили у московских правителей в качестве послов, переводчиков в их дипломатических взаимоотношениях с зарубежными мусульманскими странами, с тюркоязычными народами внутри самой России; но они не ограничивались ролью передаточного механизма царской политики, а со своей стороны тоже выступали инициаторами многих добрых дел по распространению религии, просветительства, бережно хранили древние духовные и культурные наследия.

Значение мусульманского общества Хай-Кермена для всего российского тюркского мира еще не оценено по достоинству в истории наших народов.

4. УЧЕНЫЙ

Яркое свидетельство высоты казахского духа в эпоху Тугуевель-хана, показатель широты мировоззрения нашего народа, глубины его знаний и исторического сознания — книга Кадыргали Жалаира «Тарихи шежире» («Историческая летопись»). Этот труд был завершен в 1602 году в России, в городе Хай-Кермен. Как мы сказали выше, за два года до этого представитель древней казахской ханской династии Ораз-Мухамед-султан был избран ханом Хай-Кермена, или по-русски Касимовского царства. Кадыргали писал свою книгу в честь этого события и, по литературной традиции старых времен, посвящает ее самому большому правителю — дарю России Борису Годунову.

Судьба преподнесенного дарскому двору первого экземпляра неизвестна; в 1626 году в Москве произошел огромный пожар, который уничтожил деловые бумаги государственных приказов, большинство исторических документов в реликвий со времен Золотой Орды. Русские исто-

автографии делится на два периода: до пожара 1628 года и после пожара; русские исследователи казахской истории считают, что все документы относительно русско-казахских взаимоотношений эпохи Касым-хана и Хакназар-хана сохранились в этом пожаре. Видимо, эта же участь постигла и книгу Кадыргали. Однако она не исчезла вовсе. В свое время «Шежире» распространилось широко в виде переписанных от руки копий, одну из них выдал татарский ученый Ибрагим Халифиц сдал в 1819 году в библиотеку Казанского университета. Где и когда он взял этот экземпляр, сведений нет. И отец Ибрагима Халифица Исхак, и дед Сагит жили в XVIII веке, были по-европейски образованными людьми, первыми тюркологами России, следовательно, есть основание предполагать, что книга Кадыргали хранилась в семье Халифиных; конечно, копия сделана в Хан-Кермене. Именно эту копию подарил в 1854 году в Казани знаменитый востоковед, русский ученый Илья Николаевич Березин как очередную книгу из систематизированной, публикуемой им серии «Библиотека восточных петриков».

Оказывается, первый лист оригинала рукописи не сохранился в Березин поступил ее как одна из вариантов древних исторических летописей, поэтому при подарке назвал книгу «Сборник летописей» («Жамиг-ат-тауарих»). Это название в свое время широко использовали автор истории Казахстана Вильямов-Зернов, пап выдающийся мыслитель Чокан Валиханов. В начале текущего столетия татарский исследователь литературы Гали Рахим обнаружил в Восточной библиотеке Казани цоной, более поздний вариант «Шежире», после этого в одном из частных собраний встретил еще один отрывок-копию. Поздние татарские истории на основе этих трех вариантов осуществляли новые публикации «Шежире», основательных его изучение.

Сохранение копии на территории России и в результате труда татарских переписчиков, а также исследование ее до последнего времени исключительно татарскими учеными — все это способствовало возникновению версии о том, что «Шежире» — памятник татарской истории и культуры. В пользу сданного служило и сложившееся неправильное положение в среде русских, которые применяли этноним «татар» по отношению ко всем народам тюркского происхождения (если этот термин был воспринят на мировой арене, то мы сейчас казывались бы на тюркских, а татарскими народами). А ведь на самом деле Хан-Керменские тюрки (татары) и Сибирские тюрки (татары)

одинаково родственны Казахским татарам (тюркам) и казахским тюркам, более того, по родовому укладу, улусскому образу и в ранней истории ближе к Казахской Орде нежели Казахскому ханству. Как бы там ни было, нет оснований утверждать, что Хан-Кермен и Сибирь ближе к татарам, чем к казахам. Когда же речь заходит о Кадыргали, то, безусловно, казахская чаша весов перевешивает. Сразу же после первого издания книги «Камыт-ат-таурих» одним из первых ее исследовал наш великий Чокак, который писал, что она написана казахом и является памятником казахской духовности. Позже, когда народ начал терять и земли, и независимость, вопросу было не до этого, только в новое время, начиная с 1960-х годов, казахская наука вновь стала обращаться к «Историческим летописям».

О личности самого Кадыргали, его биографии конкретных фактов не сохранилось. По высшим меркам, фамилия его Жалаир, что указывает на название его родного рода. Здесь уместно заметить, что некоторые наши этнографы-верхоглядцы пишут Жалаире. А это арабско-персидская традиция. В традиции же наших тюркских народов и в тюркско-чагатайских письменных источниках, и в устно-бытовой форме — нет окончания «е», указывающего на происхождение человека, название его рода или предка применяется в именительном падеже. Эту традицию не нарушает и сам Кадыргали, он так и пишет — Кадыргали Жалаир. Так оно и должно быть. Если мы считаем, что в наше время достигли кое-чего в научном плане, так давайте же не мудрить, а будем хотя бы правильно читать имена древних, как они написаны в оригиналах.

На последней странице труда Кадыргали приводит свою родословную. Пишет, что в эпоху Чингис хана жил воин по имени Суртан. От него родился сын Жалаир Саба, от него — Жалаир Тебри-бек, от него — Шейх-Софы-бек, от него — Айтоле-бек. Последний был знаменитым человеком своего времени, при Урус-хане занимал должность главнокомандующего армией. От Айтоле-бека родился Камбар-мурза, от него — Кубай, от него — Карат-бек и Адам-Шейх-мурза. От Адам-Шейх-мурзы — Креччи-бахадур, от него — Темедик-бахадур, от него — Косум-бек, отец Кадыргали. О себе историк подчеркивает: «И служил родителям достопочтенного Ораз-Мухамед-хана». Как бы ни говорили вольные татарские ученые, бесспорной истиной является то, что предки Кадыргали служили ханам

Нок-Орды, а сам он вышел из казахской среды и судьба с самого начала свела его с Ораз-Мухамед-ханом.

Когда и при каких обстоятельствах Кадыргали Жалапр оказался в Хай-Кермене, можно догадаться с вероятной точностью; конечно же, в одно время с Ораз-Мухамедом. Здесь есть еще один нюанс. Татарские ученые говорят, что Кадыргали не кто иной, как Карача бек, который попал в плен в Сибирь вместе с Сейдак-беком и Ораз-Мухамедом. В исторических документах немало упоминается о Сибирском Караче, или Карачи, Карач-беке, или о Думном Караче. Обычно слово «каралмыз» означает пунер, советник хана. Но в войне с русскими ни разу не упоминается имя такого важного бекка. А бекка-советника действительно ловят Карачи (Карача, Карач), он имеет в истории свое место, это действительно видная личность. Но он и Кадыргали — разные люди. Если и допустить, что Кадыргали — Думной Карача, как сказано в русских источниках, и вышел из Сибири, то это несколько не приближает его к татарам, отдалив от казахов. Конечно, мы не ставим целью любой ценой сделать его своим, а просто констатируем истину. А как он оказался в Хай-Кермене, логически объясняется просто. Когда Ораз-Мухамед со всей семьей и приближенными попал в плен, Кадыргали — его советник, воспитатель с детских лет, вероломно, был рядом. Не зря же сам он с гордостью пишет, что служил даже родителям Ораз-Мухамеда. После избрания Ораз-Мухамеда ханом всего Хай-Кермена Кадыргали занимает место по правой стороне от его трона, назначается одним из четырех полновластных бекков ханства. Сведений о последующей жизни и службе Кадыргали, о дате смерти не осталось. Даже Вильямович Зернов, который нашел и нарисовал в середине прошлого века могилу в надгробный камень Ораз-Мухамед-хана, а также надгробный камень на могиле его друга Кырымлы Йехавиша-бека, не встречает никакой дополнительной информации относительно Кадыргали-бека. Все наши знания ограничиваются лишь сведениями, которые приводятся в его «Шежере».

Теперь о главной книге по казахской истории. Мы сказали, что в ней отсутствует первый лист. Но сложившейся в мусульманском мире традиция, любая рукопись начинается с хвалебных слов, уважительного обращения к Аллаху, к пророку. Затем приводятся цели и задачи автора. Как раз сохранились последние фразы Кадыргали по этому каноническому поводу. Пусть моя книга принесет поль-

зу слушателю и читателю, всем, кто стремится познать прошлое, пишет он. И, продолжая традиционную форму своего времени, адресует хвалебные слова великому властителю, белому царю Борису Годунову.

Свою историческую летопись Кадыргали начиняет с повествования о происхождении тюркских народов, приводит легенду об Огуз-хане. Затем переходит к Чингисхану, останавливаясь на его предках, описывает его военные походы. Рассказываются истории сыновей Чингисхана: Джучи-хана, Укитай-хана, Чигатай-хана, а также ханов Золотой Орды — Джучидов. Причем Кадыргали подчеркивает, что основные исторические факты он взял из знаменитой летописи Рашид-ад-Дина. В связи с этим ряд исследователей придерживается неверного мнения, что подавляющая часть книги Кадыргали — не авторское творение, а всего лишь перевод. Но разве существует исторический труд, не опирающийся на предыдущий? Кто написал предыдущую им историю? История, летописец конкретнее описывает события, очевидцем которых был сам, а прошлое анализирует в силу своего интеллекта, опираясь на уже имеющиеся исторические источники. То есть восприятие нынешними казахскими исследователями первой половины книги Кадыргали как перевод, а последних глав как написанное им самим, — элементарное непонимание книжно-исторической традиции, вообще, если хотите, самое настоящее невежество.

Труд Кадыргали в той части, где речь идет о Чингисхане и его ближайших потомках, написан на основе средневековой исторической литературы, известных фактов, а последняя часть, в которой рассказывается об Урус-хане, его эпохе и династии, полностью построена на свежих, неизвестных фактах. В этих главах собраны весьма полезные материалы, непосредственно касающиеся казахской истории. О ханах Уруса, Тохтамыше, Абулхаире, об Елге-бие, Ногайской Орде имеется очень ценная информация. Завершающая глава книги называется «Дастап Ораз-Мухамед-хан». В ней приводится вся родословная казахских ханов, начиная от Азь-Иганибек-хана, дается четкая картина о царстве Хан-Кермена, его полнотитеской структуре.

Човек Валиханов рассматривал «Шежире» Кадыргали как бесценный труд для казахской истории. Причем его значение велико не только в историческом плане, но и как особый образец духовной культуры, литературы. Книга написана, по книжной традиции того времени, на тюркско-

тагатайском языке. Но в отличие от ей подобных рукописных источников она имеет ярко выраженный характер казахской духовности. В книге много встречается чисто казахских оборотов, образов казахского ораторского искусства. Так, в знаменитом посвящении царю Борису Кадыргали пишет: «О хан, правящий всеми четырьмя сторонами света. Хан, желающий народу только справедливость. Хан, заботящийся о бездомных, накормивших голодных. Трон твой подобен неприступной горе, народ — неисчислимому богатству, твои намерения — сама доброта, а доброта твоя подобна морю. Да живет до ста лет достопреставный Барыс-хан...» Это не просто красивые слова, а истинная благодарность автора в связи с избранием Ораз-Мухамеда ханом. Это — тридипрошняя в мусульманской литературной традиции ода, прием в духе древнетюркских образцов и толпау подвиг казахских биев. Одно из красивых проявлений национального характера словесного искусства.

Познание Кадыргали Жалаира по-казахски началось в прошлом веке, с великого Чокана. Это доброе дело после длительного перерыва нашло свое продолжение только сейчас.

5. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КАЗАХСКИЕ КРАЯ...

В истории Золотой Орды в течение всего XV века термин «казахи» встречается очень часто; когда речь заходит о внутренних и внешних войнах улуса, о различных знаменательных событиях, исторические документы особо выделяют этот термин; много раз повторяются словосочетания типа «казахские войска выступили в походе, казахи разбили...», «это сделали казахи» и т. д. В более поздние времена, когда казахов называли киргизами, кайсаками, укрепились тенденции понимать приведенные в древних источниках слово «казахи» как русское «кавказ», объяснять его значение как синоним понятия «кочный воин, эскадриальная дружина».

Обособление большой группы тюркских родов в составе Золотой Орды под названием «казахи» проявилось на много раньше образования Казахской Орды; не было только самостоятельной границы, отдельной территории, они жили вперемешку с другими родственными народами. Когда расцвела Великий Улус, то есть Золотая Орда, на его древней территории образовались три ханства под названием казахское. Первое — Казахская Орда, современный

Казахстан. Второе — Казахское ханство на Кавказе, которое образовалось на территории Казахского района и соприлежных ему регионов нынешней Азербайджанской республики. Третье — в пределах России, на окраине нынешней Рязанской области — казахский улус Хав-Кермен.

История Казахского ханства на Кавказе неизвестна даже нашим казахским историкам, которые на протяжении семидесяти лет проповедовали социалистический строй, колхозное строительство и зарабатывали на этом званья доктора, академика, а теперь за один-два года обретения независимости они с коммунистической предприимчивостью, с большевистской напористостью ринулись в родную историю и с шумом и треском стали намерстывать ушаченное.

Еще в X веке большая группа тюрко-кипчаков во главе с известным из русской истории Атырак-ханом обосновалась в самом центре Кавказа — между Арменией и Грузией, в широкой долине в верхнем течении Куры. Атырак-хан установил теплые взаимоотношения с известным из грузинской истории царем Давидом Куропалатом, заключил с ним военный союз, усмирил Византию, отразил нашествия арабских завоевателей. В последующие времена они поддерживали мирные отношения с восточными соседями огуз-тюрками, сохраняли связь с Дешт-и-Кипчаком, находясь в составе Золотой Орды, а примерно в 1550-ые годы создали самостоятельный улус — Казахское ханство. Видимо, это событие совпало с окончательным распадом Великого Улуса, с приходом в эту смутную пору на Кавказ новой волны тюрко-кипчаков, которые смешались с коренным населением. Прекрасно зная свою историю грузинские историки и писатели, даже русские писатели, исследовавшие данный период, рассматривают кавказское Казахское ханство как часть большого казахского улуса, считают, что кавказские казахи и казаки Казахской Орды — разделенные судьбой единый народ.

Казахское ханство на Кавказе, находясь в кольце многочисленных недругов, почти сто пятьдесят лет сохраняло свою независимость. Особенно продолжительные, непрерывные войны оно вело с грузинами. Казахи хоть и уступали им по численности, но выигрывали буквально каждое сражение, много раз католону разбивали грузинско-картлийское царство. Но потерпели поражение от Ирана, который завоевал почти весь Кавказ. Потеряв суверенность, они стали смешиваться с родственными огуз-тюрка-

ме с единым религией, языком. В конце концов были ассимилированы полностью.

Сейчас этот край называется Казахским районом Азербайджана, население считает себя азербайджанцами, древнюю свою историю не знает. У них изменилось и обличье, но все же чувствуется близость к вам. Дать один пример. В 1983 году я с семьей отдыхал в Абхазия, в Доме творчества Пицунды. Отдыхал там со своей семьей и видный азербайджанский поэт, позднее первый секретарь Союза писателей Исмаил Шихли. При первой же встрече с ним я сказал: «Вы родились в Казахском районе Азербайджана». Он очень удивился, это было на самом деле так. С Казахского района вышли такие знаменитые деятели литературы и искусства, как Самед Вургун, дед и внук Мигомаевы. Известные на весь мир казахские ковры Азербайджана своим орнаментом точь-в-точь повторяют патн казахские узоры.

Героическая история кавказских казахов, их трагическая судьба не отражены в нашей литературе, ниго не запечатлена в исследованном памятниках искусства, обрывков древней литературы. Конечно, то казахи казудн в Лету, но ведь в это одна из глав индустриальстиселитисей истории нашего великого народа. Время полного познания еще шире...

Выше мы довольно подробно остановились на истории Хан-Кермена, или Каспиевского царства. Отметим, что па эту тему нами написан и роман. Теперь несколько дополнительных слов.

У русских так повелось, что в те далекие времена все народы тюркского происхождения они именовали татарами, поэтому и население в составе Хан-Кермена называлось ими каспиевскими татарами. Судя по историческим документам, по исследованиям русских ученых прошлого, царю Хан-Кермена называл себя казаками. Но русские историки воспринимали термин «казаки» эпохи распада Золотой Орды как военное сословие, а не этническое понятие, отсюда проводится параллель между Каспиевскими казаками и привычным понятием «казаки». Противоречие здесь не только в том, что само русское название «казаки» происходит от тюркского слова «казак». В середине XV века, примерно в одно время с образованием Казахской Орды на далекой северо-западной окраине Золотой Орды Касимхан обосновал на древней тюркской земле улус Хан-Кермена и, говоря языком того времени, сам Касым и все его

войско стали казахами. А коль для русских имя Золотая Орда была татарской, то понятно, что ее небольшая часть — тем более будет татарской. Все же в официальных документах, даже в эпоху Ораз-Мухамед-хана название этого народа — казахи — встречается постоянно.

Сохранились конкретные документы и родовом составе казахов Хан-Кермена. Это — артылы, кипчаки, жалаиры, машхаты, другие названия родов не встречаются, в основном эти главные, многочисленные четыре рода. А в Крымском ханстве главными были четыре рода — артылы, кипчак, барыш и шырын. Вообще-то, последние тоже родственный народ, хотя имеют своеобразные отличия, в древней казахской истории о барыше и шырыне сведений нет. То есть первоначально этнические различия у народов в составе Хан-Кермена и Казахской Орды почти не было. Но территории были разные, далекие друг от друга, другими были и соседи, с кем приходилось общаться. Из исторических документов следует, что в войнах с западными народами, внутри самой России главной военной добычей войнов Хан Кермена являлись немецкие, русские, шведские девушки и молодые женщины. Такие смешанные браки в те времена были обычным делом, и это не могло не влиять на антропологические признаки народа. Влияние эпохи, окружающей среды и природы — само собой. Со временем в угоду властвующей нации хан-керменцы и сами себя стали называть татарами. К настоящему времени полностью сформировалось понятие, что касимовские татары — одна из этнических групп большого татарского народа. Именно таким образом татарами считаются и мещеряки, и ряд сибирских народностей. Только крымские татары считаются самостоятельной нацией.

Обычно все это — лишь внешнее проявление. На самом деле не только собственно татары, но и казахи и башкиры, каракалпаки и ногайцы, кумылы и беклары — все народы, бывшие в составе Золотой Орды — один народ, или хотя бы тюркский народ. Да и он — часть великого тюркского народа. Суперэтнос с едиными корнями и историей, единым языком, близкими обычаями и традициями. Часть этого великого народа, находившаяся в пределах России, на протяжении последних четырех веков постигла трагическую судьбу, и это в первую очередь относится к населению Хан-Кермена.

Хан-Кермен понес в смутное время серьезные потери и ему больше не суждено было подняться. После Ораз-Муха-

меда автономное привидение было максимально ограничено и политика русификации проводилась открыто. Через полвека ничего не осталось от самостоятельности на словах. Достоинство народа было растоптано, обычным делом стало духовное иго. Распространилось добровольно-принудительное крещение людей. Но религия, язык продолжали жить, сохранилось название народа.

Окончательное обрусение Хан-Кермена-Касимова произошло при коммунистическом режиме. Все приватные школы, медресе были закрыты, мечети разрушены. Когда я в 1981 году специально ездил туда, востро убедился в том, что у древнего народа Ораз-Мухамед-хана практически не было возможности учиться на родном языке. Молодежь, и то не все, могла изъясниться на нем только на бытовом уровне. Представители коренного населения подвергались дискриминации буквально во всех сферах, их нет среди руководителей района, чуть что со стороны русских терпят гонения, поэтому многие стараются скрыть свое происхождение. Наиболее талантливые молодые люди, которых посчастливилось окончить вузы в Москве, Ленинграде, Казани, устремляются, как правило, в другие регионы, ищут свое счастье в Татарстане, Узбекистане, Казахстане. По связи с малой родиной не гонят, легкий отдых всегда проводят у себя.

Нынешние поколения Касимова, конечно, не знают древнюю историю, слышали лишь то, что когда-то здесь существовало ханство, считают себя ответственным татарского народа, но между ними и казанскими татарами есть холодок, главной причиной этого считают древнюю вражду между Казанью и Касимовым. Как бы там ни было, они чувствуют себя одинокими, спротами. Многие ищутся русскими. Родовое деление позабыто, обычаи предков тоже.

Старожилы вспоминают, что в их детские годы дошли кобылиц, дедали куры, говорят, сами даже пробовали, кислый был паветок. Ели конину, до недавнего времени, утверждают, некоторые делали козы, пужих. Таково нынешнее положение в Хан-Кермене, где когда-то правил наш славный предок Ораз-Мухамед-хан.

Конечно, в том вины народа нет. Разве можно упрекать в этом братьев, которые шестьсот лет находятся под властью России, а последние три с половиной века вообще жили словно во мраке. Ведь даже мы, многомиллионный народ, не за шестьсот, а за каких-то шестьдесят лет успе-

ли подойти к самому краю пропасти. Что стало бы с нами через тридцать-сорок лет...

Древняя белокаменная мечеть, где когда-то по пятницам совершал намаз Ораз-Мухамед-хан, молился духам предков перед дальними, трудными походами, сейчас стала хранилищем древнего материального наследия — историко-краснокаменным музеем. Я поднялся на высокий минарет мечети и, глядя на старый лес, зеленые дуга и задумчивую реку — на всю эту красоту, которая была таковой, наверное, и четыре века назад, словно убедился, что прошлое и будущее тесно связаны, что добрые дела никогда не забываются, что вечно будет жить народ, сумевший бороться за свою свободу. Однако и могила Шах Али хана, предавшего свой народ и участвовавшего в разрушении Кавказа, до сих пор стоит в целости и сохранности. Зло не стареет, гласит истина.

Май 1998 года.

ТРИБУН И ДУХОВНЫЙ ОБЪЕДИНИТЕЛЬ НАЦИИ

Мусульманскими новей
Сделаю приюдами и бревнам деляи,
Черных подмазов в сером сааев
Порчиши слову укалу,
Грозный свой айбыга
Покрел чистым золотом им.
Песенда забитали о кияях,
Чтоб маля овозок искарминнали их.
Народ некого вонда по дивни Лобая
Плывтой держка и уде.
Кречка и Царевя
Громил беспощадно.
Ангил тийи всегда
Витва над людскими судьбами..

Эти слова великий казахский жырау Бухар посвящал Абылай-хану, когда тот покинул сей мир. Это был не просто плач по усопшему, а оценка роли и места Абылая в казахской истории.

Бухар-жырау, прозванный глашатаем эпохи, был мудрым советником и крупным бием Абылай-хана. Если неслучаен выход на историческую арену такого гения как Абылай, когда все помислы и стремления казахского народа слились в одно русло, то и появление в этот период на общественно-политическом Олимпе Вухара-жырау — непревзойденного мастера слова, мудрого выразителя гордого алашского народа, следует считать закономерным явлением.

У Бухара не было другой цели и заботы, кроме задачи сделать свой народ счастливым, поэтому он всячески поддерживает Абылай хана и словом и делом, активно пропагандирует среди людей личность хана и проводимую им политику. В этом плаве все творения жырау, адресован-

щие Абылаю, по сути дела посвящены всему народу Казахстана. Эти нескромности, всегда несущие правду иронизированная быстро распространились в стране, заучивались людьми; они не только восхищали Абылая, но и поднимали дух казахов, служили укреплением национального самосознания, способствовали единению народа.

Причина особой эффективности слов Бухара-жырау по отношению к Абылаю заключается в том, что это не голые оды, не безосновательные дифирамбы. Бухар говорит свободно, прямо и резко, основываясь на известных истинах, художественно, образно и четко передает свою мысль.

Эй, Абылай, Абылай,
Когда я впервые увидел тебя,
Ты был юнком не больше турпантая (кобылка)
И не звали тебя еще Абылаем,
А звали только как Сабайка.

Далее он упоминает о том, что Абылай в юности много лет пас верблюдов, что не сразу он добился власти, а стал грозным и могущественным правителем только благодаря многочисленному казахскому народу, его гордому духу и славным батырам.

Но даже такой прием — один из путей пропаганды таланта, его личности и деяний. Пережить такие трудные периоды и из рядового пастуха превратиться в мудрого правителя говорит о многом, разве может быть для народа лучше и ближе хаца, чем Абылай, вот к какому заключению пришел бы любой казах, слушая песни жырау.

Абылай не просто правитель, а мудрый лидер нации, имеющий особые заслуги перед страной.

Когда тебе исполнилось тридцать лет,
Послал сыновей трех жузов
Ты объединил в грозный кулак,

говорит Бухар в одном из посвящений Абылай-халу. В другом он продолжает так:

Сидя на золотом троне,
Объединил все три жуза.
Сиротам, вдовам и бедным
Не делал никакого зла,
Справедливость была твоим законом
Лишь добрыми делами отличался ты.

По мнению жырау, усиление власти Абылая — результат возрождения всей Казахской Орды, укрепления ее военно-экономической мощи.

«Ты не стоишь в мизинца Высокорослого Храброго Есим-хана», — говорил Бухар Абылай, когда рассказывал ему о героическом прошлом алашта. Этим он по-своему оттачивал волю, мысли хана, вдохновлял на подвиги свершения.

Конечно, в эпоху Абылай казахи в силу исторически и диалектически сложившихся условий не могли достичь того могущества, которое имели при ханах Касыме и Есиме, но Абылай сделал максимальное все возможное для своего времени, порой даже невозможное.

Бухар и это понимал прекрасно. Он благодарил Абылай за то, что тот сумел создать казахам наиболее благоприятную для того периода жизнь, восхитился его гением:

Звезда твоя явилась высоко,
Лесь парад потнуумен за тобой.
Все дела ялтыя э десять сакоп
По поле Алтыка смотрят на теби.
Заболысь о пак, держа в помырөөөнө.
Одра распорядкөтсья от судьбамы.
Дня переживаешь светаме
И с салыамы, э с могущестөөөнөмы
На радных звучит твой галыс.

Мудрый мыслитель Бухар четко улавливал пульс времени, особенности эпохи. Джунгары являлись неизбежными врагами, но этот узел, каким бы он тутям ни был, будет развязан, «актабай-шубырынды» в конце концов обернутся великими победами. Но черные тучи над казахским народом все равно не рассеялись, напротив, они стали сгущаться.

Теперь самой серьезной угрозой для будущего страны стала Российская империя. Бухар прекрасно знал причину падения Казахского ханства, распада после этого Ногайской Орды на Волге, тяжелой судьбы башкирского народа с его сосредельной территорией, поэтому он хорошо понимал и то, что Россия теперь строит реальные планы по окончательному колониальному завоеванию Казахстана. Постоянно предупреждал о необходимости сохранения спокойствия на границе, не вступать в открытые столкновения. В то же время он ясно раскрывал конечные цели многочисленных, хорошо вооруженных русских колонизаторов, с грустью в душе прогнозировал печальное будущее.

В одном из посвящений Абылай хану, обращая его внимание на чаяния и судьбу народа, Бухар-мырау с поразительной пророческостью обрисовывает контуры будущей

колониальной эпохи, черных времех рабской зависимости и кабалы. Вот как он говорит об этом:

Сосны, забегая воды,
Степенили в пустынной суши.
А среди раб даже шума
Не переносят сухости,
Не думай, что она не может иллететь,
И наоборот на сосну!
На зареде есть один прап.
Когда-нибудь уррара будет отгудь.
Сам он светлый, стала спие,
Предидателя зинут ииния.
На взоры устремлены на востак.
Волосы оно не стригут, только расчесывают.
Не знают била, нет ринкиа,
На коварности нет предать.
Темного проежидения этот кафир,
С полонатым лицом этот кафир.
Цетком он прыдет в твою страну,
Накрасет на твои плечи расшитый хиват,
Мед с маслом накажет на твои усы,
Прожорливых будет кормить,
Поддерживать немилых для себя удобных.
А гед, кто заботится о народе,
Будет бить в лице, не даяя сна.
Крова будет пить, не щервяая горло,
Ушу вавет, не убывая тело,
Весь свет опинет на бужаге,
На учет возьмет все добро.
Так вырвет из твоих рук страну,
И сильнее сделает своих воинов,
Неблагодарного поставит лидером,
И когда встанит тот день,
Даже раб не будет признавать тебя.
Помыни мое слово. Абаши,
Послушай старца твоего,
Все, что перечислил он,
Напрямую обудетс ииниз.

Какие пророческие предсказания! Мы являемся свидетелями подтвержденной печальных прогнозов великого им-
рау.

Бухар открыто выражала свою позицию и по поводу надвигающейся на казахский народ с востока другой угрозы — хищной Маньчжурско-Циньской империи, разобла-
чал суть ее далеко идущей политики.

Когда между двумя странами установилось относитель-
ное спокойствие, начала развиваться торговля, налажи-
ваться другие взаимоотношения, Бухар говорил:

Шуртут находится за спикой
На берегу озера Барын,

Своёю растёт себе он хлеб,
 А безмятегой гуляки наших
 Прорвёт кожей кафиран.
 Завладеет этими конями,
 Когда-нибудь примчатся те кафиран.
 Станут они толпами,
 Станут они полками.
 С виду безвинными покажутся она,
 Но где нулаз иступит жер,
 Там же он выделит и испраженни.
 Не дай бог, кабела шуршута.
 Если случится такое,
 Ты переживает тебе все ребра,
 Глотку вырвет в один миг!

Бухар всегда был за сохранение дружбы с могущественными соседями, за мирное с ними сосуществование, поэтому как и мыслители эпохи Тюркского каганата ратовал за уважительные взаимоотношения с табраш-шуршутским народом, держась на дистанции. Нельзя близко подпускать многочисленного, сильного соседа к своим внутренним делам, следует внимательно следить и за его шагами, только тогда удастся сохранить независимость, предупреждает жырау.

Бухар, конечно, хорошо видел надвигающиеся со всех сторон черные тучи, поэтому не скрывал предостережения. Буквально убиваясь по этому поводу, он в то же время остаётся оптимистом, далек от мысли, что казахский народ ищет такой же участи, какая постигла соседних некогда могущественных ойратов. Он поет о добрых делах и намерениях, способных поднять дух народа, умножить его силу. Напоминая героическую летопись борьбы против джунгар, ставит в пример славные деяния отважных батыров и мудрых биев. На первый план выдвигает лозунг о единстве народа.

Говоря, что сначала пужила централизованная власть, уважаясь к хаксиям указам и распоряжениям, он указывает, что самая неприступная крепость, самое неисчерпаемое богатство — это братство и согласие внутри самого народа.

О, дети мусульман,
 Силитуйтесь друг с другом.
 Поддерживайте друг друга всегда,
 За обремененную лошадинку,
 За овражек, который останется в poste вас,
 Не учивайте тябы меж собой.

Чтобы наглядно показать, что грызена за власть между

ханами и султанами, соперничество между родами и племенами до добра не доводит, что это всегда кончается трагедией не только для отдельных людей, а для целого народа, он приводит в качестве примера катастрофическую судьбу айратского улуса.

Когда закатывается солнце налмана,
Плещет безвестных
Ничего не значащих для всех.
Всюду было противостояние,
Любовь наполнила душу всех,
Только зависть брала верх.
Не сдобровать черни, поспевающей на хана,
Падение хана — конец всех.
Калмак пошел против своего хана
И небо покорило этого калмыка
В местах Уш-Каркара, Коктюбе.
Где обитали калмаки
Сейчас не онит даже собаки.

Этот толгау звучал в ставке Абылая, в районе Уш-Каркара, Коктюбе, которые являлись исконно казахскими землями и к тому времени были освобождены от калмакских захватчиков. Сейчас это территория Кегеевского района Алмаэтинской области, в мятежном 1916 году здесь взошло знамя освободительного восстания, которое описано в романе Мухтара Ауэзова «Нылы аяман» («Лихая година»); если сегодня не только в Уш-Каркаре, но и на всей огромной территории Казихетана — от Алтайских гор до Каспийского моря, от садов Жетысу до лесов Сибири ярким пламенем горит огонь в адалских очагах, казахи переживают бурное возрождение национального самосознания, то следует считать, что воплотились в жизнь заветы Бухара:

Ходяте уперенко, степенно по земле,
Останавливайтесь лишь в доме, где солданы,
Пусть сдохнет козь, которому будет
Язымогу обжать все глот земли.
Пусть умрет враг,
не различая нас друг от друга.
Пусть умрет он от зависти.
Будьте все как дети,
рожденные от одной матери!

Обращаясь к будущим поколениям, он отмечает, что только те достойны называться настоящими сынами народа, кто

Трудится за родную страну.
Мстит врагу за его злодеяния.

За честь, достоинство калахан,
Да юный отдал силы свои.

Бухар — один из крупнейших мыслителей в духовной истории казахского народа. Великий жырау не ограничивается только подписанием актуальных проблем современной ему эпохи. В ряде своих произведений он глубоко раскрывает такие темы, как сущность человеческой природы, времени, тайны эпохи, микродание и действительность. Жизнь человека, ее скоротечность заводят Бухара на глубокие размышления. Исследуя биографию Абытая с детских лет, он делает вывод, что будущее каждого человека, его место в обществе зависит от его личных качеств; в целом характеризуя жизненные этапы человека в тесной связи с его возрастными периодами, выводит мудрые умозаключения о смысле бытия. Сочными, яркими красками обрисовывает пламенные молодые годы человека, а драматическую старость изображает как картину заката жизни; сравнивая, сопоставляя два периода жизни на примере одного человека, делает обобщающие выводы в целом о жизни человечества, подчеркивает, что каждый из нас — лишь частичка вселенной, обладатель переходящей жизни. Не только человек с его ограниченной жизнью, даже живая природа исчезает, рождается вновь и развивается, утверждает жырау. То есть нет ничего вечного в мире.

Не думай, что светловатая луна
Не закатится за земную темь.
Не думай, что нестерпимое озеро
Не пересохнет когда-нибудь.
Не думай, что пыльная растительностью
степь — обиталище кулаков,
Не зарастет никуда пшубль бурным.

Когда меняются человеческие поколения, гибнет и возрождается природа, то постоянные изменения претерпевают и человеческое общество — тоже незначительная часть вселенной. Бухар прозорливо подмечает, что с течением времени и эпоха приобретает другие качества. Поэтому он считает аяквожерным, природным явлением все изменения, происходящие в жизни, в обществе. Эти выводы Бухара мы должны воспринимать как мировоззрение наиболее интеллектуальной части казахов того времени. И слова жырау по отношению к исламу тоже являются зеркалом казахской философии удусского периода.

Однако Бухар не ограничивается чисто национальными или религиозными рамками, а поднимает в своих кази-

давних общечеловеческие проблемы. Хотя ему приходится жить в жестокий, воинственный век, в произведениях Бухар жырау нигде не встречаются нотки неприязни, ненависти к другим народам; предложенные им моральные и этические нормы основаны на чистых чувствах и представляют собой свод нравственных и добрых правил. И достойны они уважения и почитания во все времена, в любой среде. Можно сказать, никогда не увядающий пример. Признак нравственной чистоты казахского общества того времени, да и для нынешних дней — это верный ориентир.

Толгау Бухара с их высокой духовностью, художественностью и внутренней силой являются не только вершиной поэзии жырау, имеющей четырехвековую историю, но и ее вдохновляющим фактором. Наряду с этим Бухар-жырау — один из выдающихся личностей в полуторатысячной истории нашей великой литературы, истоки которой 거ходят в далекой эпохе древних творцов.

О жизни жырау сведений немного. Он родился в 1668 году, проclaimsся еще в юности, во времена хана Азь-Тукуе; в трагические годы Актабан-штубырынды терпел большие лишения и тяготы; с момента становления и прихода к верховной власти Абылай Бухар был признан мудрым жырау всей Казахской Орды; участвовал в делах управления страной, несмотря на преклонный возраст участвовал в военных походах Абылая; весной 1781 года, когда умирал Абылай-хан, он неотлучно находился рядом. Именно тогда родился стихотворение:

Благодаря тебе нам удавалось спать беззаботно,
о мой хан,
Строить мы коней проручать, о мой хан,
Красавца без изъяна и жемчуга, о мой хан,
Если трех человек из трех жемчуга принесу и жертву,
Останется ли в живых, о мой хан?

Тогда Бухару было 113 лет. Через некоторое время после смерти Абылая он тоже покинул сей мир. Тело жырау было предано земле на территории нынешней Паратгандинской области, у подножия горы Далба, являющейся одним из ответвлений Баянаульских гор.

Великий жырау так замечивает свой жолтау (плач по усопшему) по Абылай-хану:

По справедливости ты равен Наушарвану,
По мудрости превзошел Атынтай.
С шаруадами имел дело по его делам.
Светлый лик всемирного

Кто же увидит, если не ты?
Ты, который заветных врат
Каждодневно рубил мечом.

Острым мечом самого Бухара было его слово, непревзойденная поэзия. И они служили только на благо казахского народа. Великий жырау поднял казахскую поэзию на качественно новую ступень, сумел передать гордый дух своей эпохи, далеких дней и остался в истории как символ мудрости, художественного миропонимания родного народа. **Востану,**

Слепый для всевышнего
Кто же увидит, если не ты?

Бухар живет вечно. Яркое свидетельство тому — беснующие прозаические произведения, которые пережили века и дошли до нас; с течением времени они становятся еще более ценные и весомые для своего народа, кому и были адресованы.

1993 г.

РИТУАЛ ВЫБОРА ХАНА В КАЗАХСКОЙ ОРДЕ

В нашей великой полуторатысячелетней истории, которая берет начало со времен древних торгов и продолжилась в эпоху Золотой Орды, затем — Казахской Орды, немало очень важных общественных и политических примеров, достойных занять соответствующее место в ряду славных дел народов мира, имеющих огромное значение не только для познания прошлого, но и для оценки всего того, что имеем сегодня. Один из этих примеров — проявление в казахской стране степной демократии. Хотелось бы остановиться на обычае провозглашения хана в Казахской Орде, на его роли и значении в целом.

Вся история народов мира показывает, что почти у всех твердо соблюдается традиция унаследования власти от отцов сыновьями. Такая преемственность поколений нарушалась только в том случае, когда правящая династия сменялась полностью. Обычно после смерти шаха, халифа или царя его место на троне занимал старший из сыновей. Причем для восхождения на Олимп власти ни его ум, ни способности, ни возраст, ничто другое не могло служить препятствием. Если проследить летоисчисление даже крупных империй, то убеждаемся в том, что в истории было немало случаев, когда престолодержателем объявлялся после грозного царя его дебильный сын, после мудрого короля — его находящийся еще в колыбели ребенок. В таких случаях страной обычно правили матери этих коронованных детей или приближенные крупные феодалы, а в результате ослабления центральной власти народ деградировал, подвергался унижениям и разбою, дело доходило даже до кровавой смуты.

В нашем древнем государстве — Казахской Орде —

сформировался совершенно иной вид падепной власти. По казахскому обычаю каждый новый хан достигал «белий кошмы» не автоматически благодаря своему происхождению, а благодаря силе своей натуры, как подлинный лидер масс, по волеизъявлению большинства народа.

Эту особенность государственного устройства Казахской Орды русские дипломаты и ученые прошлого заметили сразу. Так, знаменитый Махмет-мурза Тевкелев, который неоднократно выполнял миссию посла России в Казахстане в 30—40-х годах XVIII века, писал: «У киргиз-кайсаков... ханом становится не путем передачи власти по наследству, а только путем выборов».

Итак, у казахов хан избирается. Хорошо это или плохо?

При коммунистической колониальной системе все прошлые дела наших предков объявлялись негативными. Например, казахский советский ученый, доктор наук, академик, профессор Сергали Тобыбеков написал толстешую книгу «Кочевое общество казахов», в которой утверждает, что у казахов не было и не могло быть ни государства, ни истории, ни культуры и в этом своем неблагоприятном утверждении раскапывает до такой степени, что переходит даже границы богоуверяемой им же марксистской теории. У этих казахов и феодализма-то настоящего не было, а были какие-то проявления, что-то вроде феодальных, и яркое тому свидетельство — казахи своих ханов делали сами путем выборов, сокрушается автор. То есть все выборы, отличные от советского образца, недостойны внимания. Это — мнение казахского светского ученого.

А вот что сообщает в официальном донесении на имя Коллегии иностранных дел России от 26 августа 1748 года Оренбургский генерал-губернатор и сенатор И. Неплюев, непосредственный проводник в жизнь колониальной политики царской России в Казахстане: «Шо установившейся традиция у киргиз-кайсаков представители древней ханско-султанской династии могут стать ханами не путем наследования, а только в результате выбора правящей аристократией и народом, а сила власти и авторитет хана зависят не от его собственного титула и аванса, а от того, в какой степени он действует и мыслит в интересах своего народа». То есть избрание хана волею народа возлагало на него особую ответственность, способствовало тому, чтобы он объективно решал государственные дела, служило основой для того, чтобы он превыше всего ставил интересы народа. Из приведенных М. Тевкелевым и И. Неплюевым

фактов следует такой вывод. Даже сами колониальные деятели, жившие до эпохи советского империализма, не могли деноминировать истину.

В истории единой Казахской Орды от Керей-хана до Абылай-хана правили известные нам двадцать ханов. Все они были подняты на беговой кошке путем открытого голосования, свободного волеизъявления народа. Самый последний хан Казахской Орды Кенесары тоже достиг верховной власти на основе сложившегося испокон веков обычая своего родного народа.

Корни казахской традиции преемственности хана восходят к первым векам нашей эры — к эпохе древних гуннов. По достоверным источникам, дошедшего до нас с VI века, с времен древней Тюркской Орды, четвертый правитель в истории каганата Мутась-хан узаконил обычай унаследования ханской власти младшим братом от старшего, затем сыном младшего брата от сына старшего брата.

Этот своеобразный образец преемственности власти является наиболее эффективным в волеизъявительной военно-феодалитарной среде, который обеспечивает единство народа, мир и согласие в обществе; исключает междоусобицу после смерти правителя среди оставшихся его детей или посторонних претендентов на трон. Самым главным — во все времена верховная власть всегда находилась в руках зрелого, умудренного жизненным и военным опытом, авторитетного человека.

Однако приведенная выше форма преемственности власти имела и свои недостатки. При смерти правителя младшие из братьев, еще ждущие своего звездного часа, но имеющие больше авторитета и славы, чем законный наследник, нет-нет да проявляли недовольство. Известны случаи, когда недовольство перерастало в открытую вражду. А это служило причиной ослабления великого государства и в конце концов к его раздроблению и окончательному распаду. Об этом, например, ясно говорится в бесценном памятнике Культеган, дошедшем до нас с VIII века. Восхваляя великих каганов тюркского народа в прошлом, древнейший источник констатирует: «После него каганами стали и младшие братья, и сыновья, но младшие братья не могли сравниться со старшими, а сыновья с отцами».

Ключ к исправлению этого недостатка был найден в эпоху Золотой Орды, являвшейся наследницей Великого Тюркского каганата, а затем — историческим продолже-

ням Западно-Тюркского каганата. В Золотой Орде твердо соблюдался закон о переходе трона от старшего брата к младшему в соответствии с древнетюркским обычаем, но не был принят обычай, предусматривающий обязательную передачу власти последующему младшему брату, который может быть младшим братом двою-, или троюродным, это не важно; здесь принципиально существенно то, что претендент из правящей династии должен занять престол только путем избрания. Таким образом, ханом должен объявляться тот, кто до этого был признан своим умом, мужеством всем народом, завоевал в обществе огромный авторитет. Конечно, при избрании хана ведущую роль играли определенные политические силы и группы, крупные феодалы, иногда — полководцы-беки, добившиеся большой власти. Но как бы там ни было, исключалась возможность прихода к власти случайного человека, вне воли большинства правящей элиты улуса.

Еще во времена расцвета золотоордынского государства престолопреемственность происходила путем, который не встречается в истории никакого другого народа, это своеобразие присуще только нашему народу. Известно, что основатель Великого Улуса — Бату хан. После его смерти ханом был избран его сын Сартак. Решение это явилось противоречащим древней тюркской традиции, да и принималось оно без учета большинства населения. Поэтому Сартак вскоре был смещен и в столице Золотой Орды Сартае ханом становится младший брат Бату Берке. После долгих лет правления ханский трон переходит к внуку Бату Мунке-Темиру, сыну Токана. От Мунка-Темира верховную власть принимает его младший брат Туле-Мунке. Затем ханом объявляется Туле-Буга, сын Тарбу, который был старшим братом предыдущих двух правителей. Следующий властитель улуса — Тохты, сын Мунка-Темира, то есть племянник Туле-Буги. После него на белой кошме был поднят Узбек-хан, сын Тогрулча, который доводился младшим братом Тохты хану.

Отсюда видно, что в Великом Улусе семь-восемь веков назад возродилась традиция древнетюркской эпохи, когда власть переходила от старшего брата к младшему, затем от сына старшего брата к сыну младшего брата. Но в Золотой Орде, в отличие от тюркского каганата этот порядок осуществлялся путем отбора, из младших братьев ханом объявлялся, как правило, не просто старший из них по возрасту, а наиболее авторитетный, влиятельный.

Этот добрый обычай получил в Казахской Орде дальнейшее совершенствование. Укрепилась сохранявшаяся, достаточно демократическая, пусть не в современном понимании, традиция открытого избрания хана, которая сформировалась в эпоху Золотой Орды. Первым ханом Казахской Орды был Керей, затем его трюродный младший брат Жанибек, после него — сын Керей Бурундук, после него — сын Жанибека Адик, после Адика — его младший брат Касым... и так далее.

В четырехвековой долгой истории Казахской Орды этот древний обычай нарушался лишь дважды. Последний раз это случилось в 1781 году, когда после смерти Абылая ханом был провозглашен его сын Уали. Это несоответствие можно было бы объяснить не только тем, что процедура проводилась по традициям Российского государства, но и тем, что Уали по сути дела стал ханом только Среднего жуза — части огромного улуса, подвластного Абылаю. По анализу исторических документов показывает, что и на этот раз казахская традиция провозглашения хана, в общем-то, не нарушалась.

Правящая верхушка народа сначала призвала на трон брата Абылая в четвергом колоне Абылайна-султана, правнука Азь-Тауке хана, прославленного полководца в войнах с ойратами, шуршутами, киргизами. Но мудрый Абылай прекрасно понимал, что ему более не объединить под единым стягом казахский народ, и не пожелал стать ханом Среднего жуза, уже ставшего подданным России. Затем выбор пал на Султанмамета, также представителя династии Салжак Жангира. Поскольку возраст его был уже преклонный, Султанмамет не дал согласия на ханство. Отказался от престола и сын Кокжал Барака Давр султан. Причем все эти трое пожелали, чтобы ханом стал именно Уали. Султанмамет и Давр сами непосредственно участвовали в церемонии провозглашения ханом Уали, а Абылай из-за дальнего расстояния не смог принять сам и отправил сыновей.

Наместник российского царя в Уфе и Симбирске И. Лякоби в своем гайском донесении в Коллегию иностранных дел от 31 декабря 1781 года сообщает, что провозглашение хана осуществлено по казахскому обычаю, на основе древних уложений воленазванием всей знати Орды, подтверждая таким образом, что Уали стал законным правителем. На самом деле, твердое соблюдение древней по-

литической процедуры при избрании Уади ханом не вызывает сомнения.

В истории великой Казахской Орды еще в добрые времена встречается только один случай избрания ханом сына хана. В 1644 году после Высокородного Храброго Есимахапа власть переходит к Салкам Жангыру. Такой случай, оказывается, наблюдался и в истории Золотой Орды. После Узбек-хана на трон сел его сын Жанибек. Но внимательный анализ показывает, что в обоих случаях ханский титул достался не просто по наследству, а путем отбора, в результате выборов.

В 1640-ые годы во всей Казахской Орде не было личности, популярней Жашыр-султана. Почему великий полководец Салкам Жангыр, разгромивший объединенную Ойрат-Кыдху, должен быть отстранен от власти только из-за того, что его отец был ханом. Это же парадокс. Ведь в конце концов обычай формируется в интересах дела. Аналогичным образом в Золотой Орде достиг власти и Азь-Жанибек хан. Еще при живом отце Узбек-хане он выполнял огромный авторитет, выполнял особо ответственные обязанности во всех внутренних и внешних делах Золотой Орды. Словом, и Жанибек в Великом Улусе, и Жашыр в Казахской Орде добились верховной власти по благодари своему происхождению, а как подлинные лидеры среди соплеменников.

Неожиданный захват трона даже ханским сыном не мог закончиться добром, о чем свидетельствует судьба Бердябега, который после Жанибека стал ханом путем дворцового переворота. Трагическая гибель Турсун-хана из рода Кытаган в поздней казахской истории также показывает, что погрешие древних устоев и обычаев непременно ведет к смуте, междоусобице.

Как же проходила в Казахской Орде церемония провозглашения хана?

Обычно претендентов на престол бывает несколько. Говоря современным языком, для того, чтобы зарегистрироваться кандидатом в ханы, претендент в первую очередь должен быть чингисидом.

Потомки Чингисхана из древнего тюркского рода кият в Казахской Орде считались особо благородными, «белой костью». Кыдху называют их «торес». Потомки основателей Казахской Орды ханы Керей и Жанибека с течением времени размножились и превратились в целый род. Причем они стали общими для трех казахских жузов. Для со-

хранения единства страны этот фактор явился весьма важным. В итоге избрание хана стало общим достижением, равным для всех улусов, вне родовых притязаний.

Провозглашение нового хана проходило в обстановке открытости и гласности. Сначала избирается населенная часть улуса, затем его представители съезжаются в условленное место, как правило, в Туркестан, под священные стены Аарет-Султана.

Быть очевидцем избрания хана, пусть даже заочно, поучаствовать в определенной степени в этом, вправе и улусе все — и стар, и млад. Дети и женщины одевают самые праздничные, красивые наряды, а все мужчины зрелого возраста должны быть при полном наборе оружия. Любой человек имел совещательный голос. Люди выражали свою поддержку одним, недоверие — другим, стараясь таким образом влиять на то, чтобы избрание хана шло в нужном русле. То есть мнение народа, вооруженного люда в Казахской Орде в ответственные моменты превращалось в большую силу.

Все же решающий голос был за знатью. Это были: султаны правители, родовые бии, батыры-воспитанники и другие лидеры, прославившиеся своим мужеством или умом.

Обычно, эта элита предварительно советуется между собой, совещается и приходит к одному решению. Только после этого с согласия всего народа может быть начата процедура провозглашения хана.

Бывало и так, когда правящая верхушка так и не могла прийти к единому мнению и перебранка избрания хана перерастала в долгие споры. Но это, как правило, присуще тому периоду, когда единый улус переживал кризис, подходил к пропасти распада. Так, например, в 1719 году на выборах хана после смерти Канпа, примерно в 1729 году — после Волата аристократия так и не могла найти общий язык.

В старые добрые времена особо ценились личные качества претендента на ханскую власть, а выборы хана считались делом государственной важности, которое преследовало целью не усиление власти одного определенного султана, а определение будущего всей Орды. Но как бы там ни было, решение большинства на выборах хана для всех остальных являлось как бы законом.

На первых выборах на упомянутых выше двух правящие бии и феодалы провозгласили ханом сына Аль-Тауке-

хана слабовольного Болата, который не отличался от других ни мудростью, ни полководческими способностями. Это противопоставило значительную часть народа — большинство Младшего жуза и часть Среднего жуза — решению Высшего Совета. Поэтому через некоторое время Абулхайр, властвовавший и до описываемых событий на определенной территории улуса, объявил себя самостоятельным ханом.

В этом случае мы видим, что были поправлены не только древний казахский обычай избрания хана, но и последующие традиционные порядки. Объективности ради следует отметить, ханом должен был быть избран именно Абулхайр. Однако кандидатура этой крупной, волевой, мощной фигуры была не по душе родовым биям и крупным феодалам, которые при Азь-Тауке в результате ослабления центральной власти достигли многого, им жуза больше импонировала подавляющая, неуверенная натура Болата. В то же время неприязнение итогов выборов Абулхайром и его сторонниками — это тоже серьезная ошибка и достойный осуждения поступок. В результате указанных нарушений и ущемлений Казахская Орда вообще осталась без руководства и буквально через три-четыре года подверглась опустожительному нашествию врага — началось Актабан-тубырынды.

И на последующих двух выборах, прошедших в годы страшного бедствия, когда по сути Казахская Орда была разгромлена, половина населения истреблена, а остальные покинули родные земли, конечно, у Абулхайра не было шансов стать верховным ханом. Так получилось: в первом случае ханом провозгласили младшего сына Азь-Тауке-хана Самеке, во втором — внука Азь-Тауке, сына Болата Абыльмамбета.

Теперь Абулхайр вовсе отвернулся от народа и встал на скользкий путь, в итоге погубил себя. В этом, конечно, в первую очередь он повинен сам. Но следует подчеркнуть, что эта трагедия берет начало именно с тех злоупотреблений выборов 1719 года. Тогда родовые бии и феодалы обосновали свой выбор тем, что Абулхайр-султан представляет всего лишь младшую ветвь казахских ханов. Действительно, последние сто пятьдесят лет в Казахской Орде правили потомки внука Азь-Жанибека Шытай-хана, но если бы ханский титул давался только по старшинству родовой ветви, то даже внутри одной династии власть не досталась бы Болату, а на белой кошме должен был быть поднят по-

томою старшего сына Шигаю Кокжал Барак-султан. Происхождением Абулхакра также было весьма благородным — он являлся прямым (седьмым) потомком основателя Казахской Орды Алы-Жаншубек хана. Хотя и нельзя утверждать, что он владел всеми качествами своего далекого великого предка, но накануне Актабай-шубурынды он был наиболее приемлемым претендентом на ханский трон.

До нас дошли конкретные описания казахского обычая избрания хана.

Эта торжественная церемония обычно проводилась в палатину, под ясным небом. Собранный народ, будь то пещий или всадник, располагается широким майдамом с площадкой посередине, устланной дорожками коврами, разноцветными тентометами и сырмаками, шелковыми одеялами. Это место называется *аторьэ* — самое почетное место. Его занимают тремя-четырьмя рядами круговую по ступени своей значимости и выслуги представители высшей знати, которые непосредственно принимают участие в выборах. В самом центре ставится изготовленная именно для этого торжества тонкая белоснежная кошма, края которой подшиваются золотыми нитями.

После того, как собравшиеся успокоятся и устанавливается тишина, с места поднимается наиболее известный на всю Орду, самый авторитетный и уважаемый аксакал и извещает народу решение Великого совета улуса, называет имя будущего хана, который подкрепивший двумя виднейшими представителями знати выходит на середину и восходит на белую кошму. Затем он останавливается на серебряные кошмы, поворачивается лицом в сторону Мекки и садится поджав под себя ноги. Теперь начинается вторая, предназначенная для всего народа, самая решающая часть церемонии.

По очереди начинают выступать перед собравшимися бии-ораторы, военачальники-батыры, отдельные султаны, также претендующие на ханский трон. Все речи в основном посвящаются выдающимся качествам будущего хана. Подчеркивается благородство его родословной, берущей начало с солищеподейного Чингисхана; вспоминаются слабые деяния других, более поздних предков во имя нации; особое внимание обращается личным качествам самого будущего хана: восхваляются его мудрость, справедливость, храбрость, полководческий талант, известные народу героические дела. Речь заканчивается утверждением

пропагандой, что только такой хан может довести элашский народ до счастливой жизни.

Обычно каждое выступление сопровождается поддерживающими выкриками собравшихся, которые бурно выражают свою радость, согласие. Несогласие тоже проявляется открыто. В таких случаях возможен и весьма нелицеприятный для будущего хана разговор, если в его биографии, поступках имеется для этого повод. Паряду с добрыми пожеланиями могут быть высказаны и обиды, и огорчения. Для любого человека любого ранга, пришедшего на выборы, для выражения своего мнения ограничений нет. Ибо избрание хана — дело общенародное. По вся же предпарительно предумиания, совместно обсужденная переминая, как правило, проходит «по сценарию». Народ в основном выражает свои пожелания, свою поддержку будущему хану.

Затем религиозный глава улуса от имени аллаха и духов предков, всего народа читает соответствующую молитву. После этого и кошме, на которой сидит будущий правитель, подходят четыре заранее назначенных, также пользующихся в народе особым авторитетом и уважением, представляется эбаты, которые поднимают углы кошмы выше своих голов и вновь опускают на землю. Именно этот жест — кульминация процедуры провозглашения хана. Именно этим актом вручается человеку верховная власть в стране, поэтому понятие «сидеть на белой кошме» означает «стал ханом».

С этого момента начинаются всеобщие поздравления в адрес нового правителя. Непосредственные участники выборов, способствовавшие избранию ханом именно его, группами подходят к нему и коллективно поднимают его над собой. На хана, на собравшихся разбрасывается шашу из золотых и серебряных монет.

Затем знатные выборщики раздевают хана, оставляя на нем только нательное белье, одежду выше пояса делают между собой четыре человека, поднимавшие углы белой кошмы, а остальная одежда разрывается буквально на куски и в память об этом великом событии раздается остальным членам совета по выборам хана.

Тут же приносят специально сшитый ханский паряд: золотой долмак, парчовый халат, вышитые узорами брюки, козументом — сапоги. Уважаемые аксакалы одевают хана в эту одежду, навешивают на него все виды оружия и са-

жают на скакуна-красавца. Теперь хан Казахской Орды стал полноправным правителем страны и народа.

В казахском народе нет обычая чобитыться перед ханом, т. е. поклоняться до земли с прикосновением лбом к земле. Комепоклонение допускалось в помещении, но не на улице. Приznak самого большого уважения — сойти с копы и стоя сложить руки. Когда хан садится на копы, окружающие громко приветствуют его, продолжая стоять на земле, выкрикивая здравицы в адрес улуса. Двое уважаемых аксакалов в свою очередь берут ханского копы под уздцы и ведут в золотой шатер, поставленный специально по торжественному случаю; многие в это время держатся за стремени и идут рядом.

У казахов именно применительно к таким событиям говорят: «Отыз күн ойын, қырық күн тойын», что буквально означает тридцать дней — игры, веселье, сорок дней — пир. В русских источниках конкретно указывается, что торжества по случаю избрания ханом Уали длились семь дней. Это произошло уже в более поздние времена, ближе к нам, когда ханство изрядно деградировало, уставший народ не сполна соблюдал свои древние обычаи.

В ханском пире мяса бывает горой, а кумыс течет рекой. Акыны и жырау день и ночь поют песни, толгау, домбырасты и кобыласты извлекают из своих инструментов чудные мелодии. Проводятся скачки, борьба, стрельба из лука, кыз-куу, темге алу, кокпар и другие национальные игры. На великий сей съезжались представители всех слоев населения со всех концов необширного улуса. Именно здесь демонстрировались все традиции и обычаи, призванные возвысить дух нации, формировать у молодых поколений патриотизм, правдивость, готовность жертвовать собой во имя земли родной и народа своего.

Здесь следует сказать еще об одном обычае, которого нет у других народов. После того, как хан официально вступает в свою должность, специально выбранные люди из всех родов и краев делают меж собой весь хан, включая молодяк. Этот обычай называется «Хан саркыты» (буквально, остатки ханской трапезы). Смысл его в том, что хану свет не нужен, он — хозяин улуса и народа, народное добро — его добро, поэтому у него не должно быть других забот кроме заботы о своем народе. Это и добрая примета, и гордость для всех. Те, кто не мог участвовать в выборах, все равно получают свою долю, а пользование хоть горшком ханского добра, принято считать, принесет

достаток и благоденствие. Это и признак огромного почтения к всеяродно избранному хану, главе национального государства. (Пройдет немного времени и весь рожденный скот возвратится в десяти и более критном объеме, правда, это уже собственность не хана, а казны).

Ныл и такой обычай «Хан талау», по своей сути прямо противоположный обычаю «Хан саркыты». («Хан талау» означает «разорение хана»). Это когда люди делят между собой и разбирают до нитки все имущество, весь слог хана, который не оправдал доверие народа, прославился не отсутствием таланта, а кровожадностью, не слабоумием, а нечестностью, лицемерием и коварством. Это не наследие и не барымта, а наказание, осуществляемое решением общества; оно считалось вполне законным, соответствующим традициям делам.

Обычай «Хан талау» служил своего рода гарантом того, чтобы не только хан, но и правители всех звеньев не могли перешагнуть границы нравственности. «Хан талау» не происходил внезапно, стихийно; сначала правителю, беку или торе делалось предупреждение о его неблагоприятных поступках, несовместимых с обычаями алаша; только после этого решением всей аяги, всего народа строгий приговор приводился в исполнение. Такому наказанию, к примеру, был подвергнут самый последний торе, признанный в конце XVIII века родом Шобалай Керей. Когда зазнавшийся, зарвавшийся в конце торе почти собрал все подвластное население и, не довольствуясь этим, начал посягать на достоинство знати, народ совершил «Хан талау».

Тут надо отметить, что «Хан талау» касается только слуга правителя, людей при этом не трогали. Но полностью разоренный торе полностью лишался и власти, где бы он после этого ни был, всюду его сопровождал полор, по сути он превращался в живого мертвеца. Это, конечно, беспощадный, но справедливый обычай и применялся он в основном к правящей элите, так сказать, второго эшелона. Но если народу совсем неудобным оказался хан, черные тучи могли нагрянуть и на его голову. В таком случае срабатывал обычай «ханды талау өгу» (буквально, «отрезать от хана»). Суть — весь народ отрывается от своего правителя и отпочковывается, оставляя его в орде. Так, в 1530 году все сыны алаша отреклись от Таир-хана, который славился своей жестокостью, отличался недалекостью в проводимой политике, бесталанностью в ратных делах и

довел таким образом свой народ до крайне тяжелого положения. Весь улус отвернулся от него и откошелся, а он остался в степи, в конце концов был вынужден обратиться к киргизам, бывшим тогда в составе Орды, и просить убежища. Но этот пример — как бы ни был важен в нашей истории.

Ханы Казахской Орды до последнего служили своему народу, не жалели на этом пути ни сил, ни даже жизни, они всегда преследовали главную цель — оправдать доверие влища и как можно сделать лучше его жизнь. Причина такого самоотверженного поведения только в одном: все казахские ханы оказывались на вершине властного Олимпа только благодаря жесткому отбору, в результате всеобщих выборов. «Хан расколаеет мудростью сорока человек», гласит народная поговорка. Избранный всеми хан не только глубоко сознавал груз возложенной на него громадной ответственности, но прекрасно понимал и то, что когда надо, обязан отчитываться перед своими подданными.

Обычай избрания хана, берущий начало с древней тюркской эпохи, выдержавший испытания во времена Золотой Орды и окончательно сформировавшийся в Казахской Орде, является не только ярким проявлением всеобщей феодальной демократии, но и наиболее эффективным путем в условиях военного образа жизни, основанного на животноводческом хозяйстве. Ногайская Орда, находившаяся в сердце Золотой Орды, на широких приволжских просторах, была богатой, могучей страной. Но в этом восточном улусе верховная власть с течением времени принадлежала уже не хану, а бии, смена властителей стала происходить не по сложившейся традиции, не в рамках известной системы. В конце концов центральная власть постепенно деградировала, Ногайская Орда стала распадаться и через определенное время исчезла вовсе. Не успела сформироваться система престолонаследия и в Дурбун-Ойрате. После смерти хубтаймачи приход к власти нового обычно сопровождался открытыми противостояниями в верхах, а иногда серьезными кровопролитиями. Так как не было принято всем улусом закона наследования трона, обычным делом стал насильственный захват власти более сильным в военном отношении претендентом. В результате могущественный Дурбун-Ойрат лишился не только независимости, а как нация был стерт с лица планеты.

Если проследить историю Казахской Орды, которая является последним самым большим улусом в Централь-

дой Азии после Золотой Орды, то можно убедиться в том, что наш великий народ в результате бережного сохранения всего ценного наследия, восходящего к эпохе древних гуцзов-тюрок, и дальнейшего развития, совершенствования его, сумел сформировать четкую государственную систему; мужественно пережил все смутные времена, годы испытаний и дошел до нынешних дней.

1994 г.

ЛЕТОПИСЬ ЗНАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ ОРДЫ

1456 г. Образование Казахской Орды. Ханы Керей и Жанибек со своим народом обосновались в долинах рек Чу и Талас.

1456—1470 гг. приблизительно годы правления Керей-хана. Орда окрепла.

1460 г. Керей и Жанибек в союзе с ханом Моголистана Есен Бугуй отразили нашествие калмаков (ойратов).

1465 г. Численность населения, подвластно Керей-хану, достигла двухсот тысяч.

1470 г. Керей и Жанибек возвратились на земли вдоль Сырдарьи. Значительная часть Туркестанского края вошла в состав Казахской Орды.

1471—1480 гг. примерно годы правления Жанибек-хана. Орда усиливается. Началась борьба за города, расположенные по берегам Сырдарьи.

1480—1510 гг. Правление Бурундук-хана. Орда расширяется. Начались кровопролитные битвы за долины Сырдарьи, Туркестанский край.

1486 г. Казахи нанесли сокрушительное поражение Шейбани хану, отгнав его к Хорезму.

1491 г. В двух больших битвах казахи победили моголов.

1510 г. В зимней войне султан Касым полностью разгромил Шейбани хана, который был вынужден бежать за пределы страны. Большинство городов, относящихся к Туркестанскому улаяту, вошло в состав Казахской Орды.

1511—1520 гг. Годы правления Касым-хана. Подавляющая часть земель древней Кок-Орды и Жетысу вошла в Казахскую Орду, численность населения превысила полтора миллиона, а войска — почти 300 тысяч.

Около 1514 г. Касым-хан принял самый первый свод законов Казахской Орды, известный под названием «Кас-ка мол» («Своя земля дорога»).

1512 г. Касым-хан захватил Сайрамскую крепость, предпринял военный поход на Ташкент.

1521—1522 гг. Годы правления Момыш-хана.

1523—1533 гг. Годы правления Таур-хана.

Ок. 1525 г. Начало двухсотлетней казахско-ойратской войны.

1533—1537 гг. Годы правления Тоғум-хана.

1537 г., 27 июля. В битве четырех народов под Сан-Ташем наголову были разбиты казахско-киргизские войска, Тоғум-хан вместе с девятью сыновьями и 37-ю султанами-полководцами погиб в этом бою.

1537—1559 гг. Годы правления Бұйдаш-хана. Орда стала поправляться. Война с ойратами приняла затяжной, более жестокий характер.

1538 г. Бұйдаш-хан присоединил восточную часть Ногайской Орды к Казахской Орде.

1538 г. Казахская Орда стала теснить Бухарское ханство.

1559 г. Погиб Бұйдаш-хан.

1560—1580 гг. Годы правления Хакназар-хана. Казахская Орда восстановила свою былую мощь.

1569 г. Хакназар-хан разгромил Ногайскую Орду.

1570 г. Часть ойратов стала зависимой от Казахской Орды.

1579 г. Хакназар-хан вернул Туркестан и Сауран, ряд других населенных пунктов на юге.

1580 г., 23 апреля Погиб Хакназар-хан.

1580—1582 гг. Годы правления Шигай-хана.

1582 г., июнь. Султан Тауекель под Туркестаном разбил правителя Ташкентского уаяята Ваба-султана.

1583—1598 гг. Годы правления Тауекель-хана. Казахская Орда достигла своего военного и политического могущества.

1586 г. Первое нашествие Тауекель-хана на Мавэрэннахр.

1584—1595 гг. Тауекель-хан отправил послов в Россию; ответное посольство.

1598 г., февраль. Тауекель-хан под Ташкентом разбил основные силы Абдолла-хана.

1598 г., лето. Победный поход Тауекель-хана в Среднюю Азию.

1598 г., осень. Погиб Тауекель-хан.

1598—1643 гг. Годы правления Великокороledого Храброго Есим-хана. Героический период казахской истории.

1598 г., осень. В результате заключения Бухарско-Казахского договора весь Южный Казахстан и Ташкентский уаяят вновь вошли в состав Казахской Орды.

Ок. 1599 г. Есим-хан ввел новую систему займов под

названием «Бескя ятол» («Древняя дорога»). Перенес столицу Казахской Орды в Туркестан.

1603 г. Начало второй казахско-бухарской войны. В Айгыржарской битве победу одержали казахи.

1604 г. Есим-хан наголову разгромил ойратов.

1613 г. Есим-хан под Самаркандом разбил бухарско-афганские войска.

1619—1624 гг. Есим-хан вел борьбу за Восточный Туркестан.

1620 г. Есим-хан одержал очередную победу над ойратами.

1624 г. Есим-хан выиграл Ферганскую битву, завершив тем самым вторую казахско-бухарскую войну.

1627 г. Есим хан возглавил великий поход всех сынов алаша, в результате чего наголову был разбит Ойратский Союз.

1627 г. Правитель Ташкентского улаята Турсун хан совершил гнусное предательство, захватив Туркестан. Этим была начата гражданская война в Казахской Орде.

1627 г. Под Сайрамом произошла кровопролитная битва между войсками Турсун хана (казахи рода катаган) и Есим хана, который возглавил казахов оставшего алаша. Победил Есим-хан, Турсун-хан же, потеряв армию, отступил в Ташкенту и спрятался за его стенами.

1627 г. Есим хан взял Ташкент, отрубил голову Турсун-хана и жестоко расправился с родом катаган, оставшиеся в живых которого были рассеяны среди других родов. Есим-хан заболел тяжелой, неизлечимой болезнью.

1635 г., лето. Султан Жангир совершил набег на горгаутов, которыми правил Хо-Ерлик-тайчи, отгоспал их на запад за реку Жем.

1643 г. Умер Есим-хан.

1643—1652 гг. Годы правления Салкам Жаңгир-хана.

1643 г., декабрь. Батур-хунтайжди во главе огромной армии, состоящей из ойратов, халха, торгоутов и других монгольских племен, вошел в киргизские пределы, которые входили в состав Казахской Орды.

1644 г., январь-май. Широкомасштабная казахско-монгольская война.

1644 г., июнь, июль. Салкам Жаңгир-хан в двух крупных сражениях разбил объединенные халха-ойратские силы. В последнем особо отличился тысящик стрельцов, вооруженных огнестрельными ружьями, — совершенно новое боевое подразделение в казахской армии.

1644 г., осень. Салкам Жаңгир-хан принял участие в войне между Великой Монгольской империей и Бухарским ханством, направил на афганский фронт сотысячное войско; в результате 50-дневной кровавой сечи под Балхом казахи наметили ход войны и закончили ее в пользу узбекско-бухарского ханства.

1652 г., январь-февраль. Хошауты внезапно напали на киргизские земли. Гибель Салкам Жаңгир-хана.

1676—1680 гг. Казахи вмешались в борьбу за власть в Бухарском ханстве.

1680—1715 гг. Годы правления хана Азь-Тауке.

1681—1684 гг. Сайрамская битва. Казахская Орда потерпела серьезное поражение от Дурбун-Ойрата.

Ок. 1690 г. Азь-Тауке-хан, обновив своды законов Иссым-хана «Наска жол» и Иссым-хана «Ески жол», ввел новую правовую систему «Жети жары» («Семь уложений»). Представители торе стали различаться в правах, а управленческие дела были возложены на биев.

1698 г. Набег Дурбун-Ойрата на долину Чу и Таласа, Казахской Орде нанесены ощутимые удары.

1710—1711 гг. Новое нашествие ойратов.

1712 г. Повстанцы казахов противостоять ойратскому нашествию.

1713 г. Родился Абылай-хан.

1714 г. Очередное тяжелое поражение Казахской Орды от Дурбун-Ойрата.

1715 г. Умер Азь-Тауке-хан.

1715—1718 гг. Годы правления Каип-хана.

1717 г., лето. Казахское войско под руководством Каип-хана и Абулхайр-султана потерпело сокрушительное поражение в Аягузском сражении.

1718 г. Ойраты вновь разбили казахские отряды на берегах рек Арысь, Бугей, Чали, потопили и жоры весь Юг.

1718—1724 гг. Годы правления Болат-хана.

1723—1725 гг. Казахи потерпели страшное поражение, потеряли Туркестан, Сураи, Ташкент, весь Юг. «Актабай пубырышты» («годы великого бедствия»).

1728 г. Булантинское сражение, ойраты отброшены от Сары-Арки.

1730 г. Аныракайская битва, отражение ойратского нашествия, казахи оправались от первых ударов врага.

1730 г. Казахская Орда разделилась на самостоятельные улусы; в родах, жузах усилилось влияние биев.

1731 г. Правитель части Младшего жуза и ряда родов Среднего жуза Абулхайр-хан открыл дорогу к заключению договора с Россией в военном и политическом подданстве.

1733 г. Казахское войско под руководством Абылай-ханом разгромило ойратов; своей храбростью и мужеством прославился двадцатилетний султан Абылай.

1740 г., сентябрь-декабрь. Набег ойратов на Сары-Арху.

1741 г., январь-март. Продолженные нашествия ойратов.

1741 г., весна, лето. Абылай-хан отразил нашествие ойратов и предпринял ряд удачных контрпоходов во внутренние районы Джунгарии.

1752 г., октябрь. Переломный период в двухсотлетней ойратско-казахской войне; Абылай-хан в Алгусско-Нарынском сражении разбил основные силы ойратов.

1753 г. Регулярные, победные походы казахских полков на джунгарские земли под предводительством легендарных батыров Кабанбай, Жашатан, Утегеса, Ер Жаппыбека, Богенбай.

1754 г., осень. Абылай-хан одержал впечатляющую победу над Дурбуи-Ойратом; казахи окончательно выиграли двухсотлетнюю войну.

1755 г., весна. Поход Абылай-хана на Джунгарию для окончательного умирения ойратов.

1756—1757 гг. Китайско-казахская война.

1756 г. В Калмак-Толатайском, Алгусском сражениях Абылай-хан нанес сокрушительное поражение китайско-цинской армии и в летней кампании одержал серьезную тактическую и стратегическую победу.

1757 г. Новый поход Цинской империи на казахские земли; Абылай-хан понес большие потери, но, сохраняя основные силы своей армии, отступил.

1757 г., 15 мая. Между доверенным лицом Абылай-хана Абиляевиз-султаном и китайским полководцем Фу Дэ заключено Айдын-Суское соглашение о временном мире.

1757 г., 7 июня. Заключение Алгусского мира между Абылай-ханом и представителями Цинской империи.

1757 г., сентябрь-октябрь. Абылай отправил послов в Пекин. Достигнута договоренность о взаимном уважении и независимости.

После 1760 г. Калакти мирным путем вновь начали переселяться в Восточный Туркестан и обосновываться.

1765 г., октябрь-ноябрь. Победный поход Абылай-хана против киргизов.

1765—1768 гг. Абылай-хан объявил войну Кокандскому ханству, покорил Ташкент.

1770 г. Абылай-хан разгромил Киргизский улус, определил казахско-киргизскую границу. Конец двухсотлетней войны.

1771 г. В результате «Пыльного похода» Абылай-хан окончательно победил торгаутских калмыков.

1771 г. В Туркестане Абылай был поднят на белой кошке и объявлен ханом всей Казахской Орды.

1781, начало мая. Умер Абылай-хан.

После 1781 г. В Западном и Центральном Казахстане усилилось влияние России. Начало дробления единой Казахской Орды на отдельные улусы. Российский царизм приступил к всеобщей колонизации Западного и Центрального Казахстана.

1801 г. В результате мирных переговоров с царской Россией Букей-хан вернул земли предков между Волгой и Яиком, образовалась Букейская Орда.

1801—1822 гг. Южный Казахстан стал зависимым от Кокандского ханства.

1822 г. Указом русского царя объявлено об упразднении в Среднем жузе ханской власти.

1835 г. Родился правнук Абылай-хана, будущий великий ученый Чокан Валиханов (умер в 1865 году).

1838 – 1847 гг. Борьба внука Абылая Кенесары-хана за сохранение Казахской Орды.

1841 г. Кенесары избран ханом трех жузов.

1845 г. Родился великий казахский поэт и мыслитель Абай (умер в 1904 году).

1847 г. Погиб Кенесары-хан. Падение Казахской Орды. Начало 144-летней колониальной эпохи в истории казахского народа.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Силки и поклон, читатели!	3
Введение	5
Образование Казахской Орды	10
Орда окрепла	18
Смутные годы	24
Великая победа Таускель-бахадур хана	31
Есет-хан и его эпоха	43
Двухсотлетняя война	53
Жангар внушительный	62
Период кризиса	75
Годы великого бедствия и их последствия	97
Абылай-бахадур-хан	106
«Пыльный поход»	123
Послесловие	133
Русский империализм	137
В эпоху Таускель хана	155
Трабун и духовный объединитель нации	162
Ритуал выбора хана в Казахской Орде	191
Летопись знаменительных событий в истории Казахской Орды	205

Массово-политическое издание
Мағвуж Мұхтар
АЗБУКА КАЗАХСКОЙ ИСТОРИИ
Издайбер *А. Абилькисимов*
Технический редактор *А. Арсенова*

№ 3759

Сдано в набор 20.02.97 г. Подписано в печать 22.02.97 г.
Формат 84x108^{1/2}. Бумага тип. Тяжелая «Облагодорожская»
новол. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,3. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 3000 экз. Заказ № 191.

Органа Дружбы народов издательства «Казакстан»
Национального агентства по делам печати и массовой
информации Республики Казахстан, 480006, г. Алматы,
проспект Абая, 143.

Полиграфический комбинат Национального агентства по делам
печати и массовой информации Республики Казахстан,
480002, г. Алматы, ул. Мухоморова, 51.

Масляф
Мазачиш

Ташкент, 1948 йил.
Биринчи нурона китоби.
1-нур. Масляф, Мазачиш,
тушундиш, шифони. Ахир
ташкент китоби, таърифи
шифони китоби. Шифони
шифони, Шифони шифони,
Шифони Шифони, Шифони
шифони шифони, Шифони
шифони, а шифони шифони
шифони, шифони, шифони
а шифони шифони шифони